

Словесница Искусств

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

№2 (40) 2017

Птица на счастье

Гейкер А.И. Да здравствует жизнь (Солнце над Амуром). 1967. Линогравюра. ДВХМ. Хабаровск

Словесница Искусств

№ 2 (40)
2017

Культурно-просветительский журнал
Издается в Хабаровске с 1998 года
Выходит 2 раза в год

Лауреат конкурса среди провинциальных изданий, пишущих о культуре, проводимого АНО «Единство культуры и журналистики» совместно с Фондом Форда (1999)

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Золотой Гонг-2001»

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Лица российской провинции» (2004)

Лауреат Хабаровского краевого фестиваля духовной культуры «Святой России край» (2007)

Серебряная медаль Дальневосточной выставки-ярмарки «Печатный двор-2008»

Гран-при IX Всероссийского смотра информационной деятельности домов (центров) народного творчества (2012)

РЕДАКЦИЯ:

Главный редактор

Елена Викторовна ГЛЕБОВА

Художественный редактор

Галина Ивановна ПЕРШИНА

Выпускающий редактор

Наталья Васильевна РОДИНА

Интернет-версия журнала

Алексей Викторович МАРТЫНЕЦ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Глебова Елена Викторовна

главный редактор журнала «Словесница Искусств»

Федосеев Олег Александрович

(КГАУК «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры»)

Черепанова Светлана Юрьевна

(Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ТУ27-00252 от 7 декабря 2011 г.

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
по Хабаровскому краю и ЕАО

Учредитель: Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры
(680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 17).

Краевое государственное автономное учреждение культуры «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» (КГАУК «КНОТОК»)
(680000, г. Хабаровск, ул. Фрунзе, 69а).

Издатель: Краевое государственное автономное учреждение культуры «Краевое научно-образовательное творческое объединение культуры» (КГАУК «КНОТОК»)

Адрес издателя и редакции:

680000, Хабаровск, Фрунзе, 69а

Тел. (4212) 30-44-12. E-mail: slovoart@mail.ru

www.slovoart.ru, <http://словесницаискусств.рф>

www.fkhv.ru

Отпечатано в АО «Хабаровская краевая типография»

680038, Хабаровск, ул. Серышева, 31

Тираж 750 экз.

Выход в свет 20 декабря 2017 г.

Цена свободная

© Все права защищены. Перепечатка и воспроизведение полностью или частично текстов только с письменного разрешения. Редакция оставляет за собой право не рецензировать присланные тексты и не отвечать авторам. За точность фактов ответственность несут авторы

На первой странице обложки:

Игорь Грабовский «Душа птицы». 2017

Холст, масло. 77 х 78

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

2 Елена ГЛЕБОВА.

ГЛАВНАЯ ТЕМА: ПТИЦА НА СЧАСТЬЕ

4 Елена СОЛНЦЕВА. *Под крылом волшебной птицы*

6 Елена ГЛЕБОВА. *Дар окрылять*

10 Клавдия БЕЛОБОРДОВА. *По тропинке узора*

12 Елена ГЛЕБОВА. *Выше неба*

17 Александр ЛЕПЕТУХИН. *Такая короткая длинная жизнь*

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

ПАМЯТЬ

22 Марина ДУБИНИНА. *Встречи с Валерием Халиловым*

24 Виктория ШИШКИНА. *Наполняя мир красотой*

ГРАНИ ДУХОВНОСТИ

29 Елена ГЛЕБОВА. *От неизвестного художника*

31 Константин АНТИПОВ. *Странички из дневника*

ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

32 Татьяна ЛАВРОВА. *И невозможное возможно...*

ВЫСТАВКИ

37 Марина ИЗМАЙЛОВА. *Все имеет свою цену*

ВЫСТАВКИ

41 Ольга ПРИВАЛОВА. *Энергия линий*

МУЗЫКА

47 Яков РОЙЗМАН. *Джазовые импровизации*

49 Марина ЦВЕТНИКОВА. *Трофеи аккордеониста*

ТЕАТР

51 Елена СОЛНЦЕВА. *Объединяя республики и города*

ЭТНИКА

54 Виктория МАЛАКШАНОВА. *Мир саха*

ДОМ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

56 Елена КИЛЕ. *Праздник жизни*

СЮЖЕТЫ ПУТЕШЕСТВИЙ

59 Наталья РОДИНА. *Окна в сад с лунными воротами*

ЛИТЕРАТУРА

РЕДКИЙ ФОНД

64 Наталья РАДИШАУСКАЙТЕ. *«Для пользы дорогого отечества...»*

72 Татьяна КИРПИЧЕНКО. *Книги странствий*

ЛЮДИ И КНИГИ

81 Валентина КАТЕРИНИЧ. *Точность во всем*

84 Елена ГЛЕБОВА. *Фадеев. Живой*

86 Юлия ШЕСТАКОВА. *Наш земляк Александр Фадеев*

ВСПОМНИМ ИМЯ

89 Валерий ЧЕРКЕСОВ. *Строчка в биографию страны*

ФЕСТИВАЛИ

93 Нина РАСКИН. *Хабаровские рифмы*

РЕЦЕНЗИИ

94 Людмила КЛИПЕЛЬ. *Стихи, сказки, акварели*

97 Елена ГЛЕБОВА. *«Живя на земле, не теряй высоты...»*

ШТРИХИ

99 Анна МОРОЗОВА. *Морские ветры*

101 Елена МОНАХОВА. *Плывущие айсберги*

108 Татьяна АКУЛОВА-КОНЕЦКАЯ. *Исповедь старого моряка*

109 Николай АНДРЮШЕНКО. *Арктический рейс*

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

ЛЕТОПИСЬ

114 Елена СОЛНЦЕВА. *Три поколения казаков Кореневых*

116 Татьяна ГЛАДКИХ. *Амурские казаки Кореневы*

ТОЧКА НА КАРТЕ

124 Татьяна ФОНОВА. *Нельканские ключи к Охотоморью*

АРХИВЫ

128 Вера БЕЛОУСОВА. *В Городе юности*

АВТОРЫ

С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

О птицах можно размышлять бесконечно. В мифологии многих народов они участвовали в сотворении мира. У коренных жителей Нижнего Амура есть миф о гагаре. Оказавшись посреди бескрайнего океана, она в течение шести дней ныряла, а на седьмой достала со дна кусочек тверди, которая со временем разрослась и стала нашей планетой. Гагара превратилась в тотем, ее скульптурное изображение когда-то украшало носовую часть ульчских лодок, а сахалинские нивхи во время важных ритуалов подвешивали чучело этой птицы над своим традиционным музыкальным бревном. Вспомним старинные орнаменты на одежде и посуде и тоже обнаружим птичьи сюжеты. Самый главный связан с деревом жизни на спинке свадебного халата у нанайцев. Задолго до этого события девушка начинала вышивать сакральный узор и на ветви дерева обязательно усаживала птичек – души еще не родившихся детей.

Этот образ лично для меня неразрывен с Николаем У – уникальным художником, от которого берет начало современное этническое искусство нанайцев. Среди его работ есть коллаж: силуэт беременной женщины, внутри которой орнаментальное изображение птицы. Работа, хранящаяся в фондах ДВХМ, так и называется – «Душа неродившегося ребенка». Произведения мастера рассеяны по многим музейным и частным коллекциям. Одна из них, представляющая большую ценность (ритуальные маски и деревянная скульптура), хранится в Хабаровском фонде культуры. Творчество Николая У тесно соприкасается с деятельностью фонда. Он участвовал во многих выставочных проектах, в том числе и международных, ему, самому первому лауреату, вручили премию имени К.П. Белобородовой, учрежденную фондом и отмечающую лучших художников в области декоративно-прикладного искусства.

В облике Хабаровского фонда культуры тоже есть образ птицы, только древнерусской. Она отражается и в логотипе творческого центра «Тайны ремесла», и в выходных данных нашего журнала, который почти 20 лет назад был учрежден фондом. С того момента, как в Хабаровске открыли филиал Российского фонда культуры, а позднее учредили Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры, в пространстве города и края появилась новая краска. Фонд не только выступал инициатором различных творческих акций, но и объединял неординарных людей, чей вклад в дальневосточную и общероссийскую культуру бесспорен. Со временем они стали частью нашего духовного наследия. Клавдия Павловна Белобородова, Валентина Гавриловна Старикова, Николай У...

Главная тема этого номера посвящена 30-летию Хабаровского фонда культуры, и потому мы вновь встречаемся с этими людьми, ведем с ними диалог и в очередной раз убеждаемся: ничто не исчезает бесследно, пока жива наша память.

Елена ГЛЕБОВА

Федоров В.И. Девушка с птицей. Оргалит, темпера

ПТИЦА НА СЧАСТЬЕ

Под крылом волшебной птицы

Елена СОЛНЦЕВА

С 30-летием Хабаровского краевого общественного благотворительного фонда культуры совпала еще одна значимая дата 2017 года – творческому центру «Тайны ремесла» исполнилось четверть века.

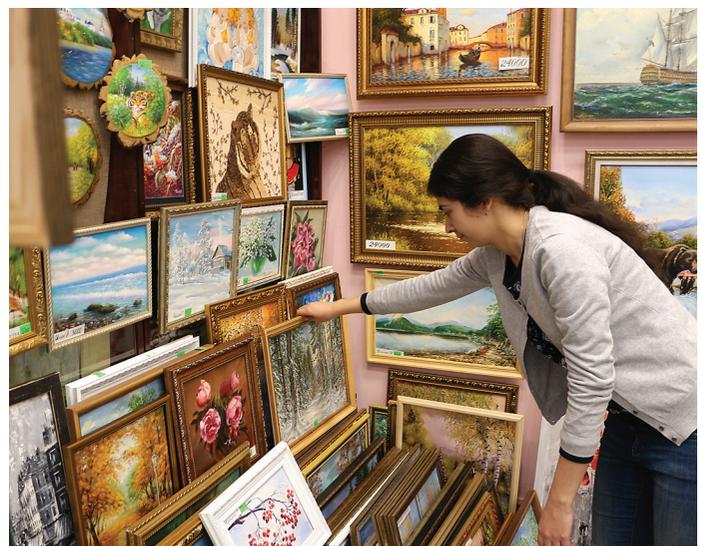
Эта одна из ведущих программ фонда с самого начала стала центром творческого притяжения города и края, объединяющим художников, мастеров декоративно-прикладного искусства, педагогов, искусствоведов, литераторов, артистов, музыкантов. В пространстве центра «Тайны ремесла» представлено искусство дальневосточных живописцев, графиков, скульпторов, ювелиров, протянута нить традиционных славянских и северных ремесел – все то, что составляет объемный пласт современного и традиционного искусства.

Идея создания программы возникла сразу после того, как в Хабаровске был зарегистрирован фонд культуры. До тех пор пока «Тайны ремесла» не получили своего помещения, работы местных авторов с конца 1980-х годов представлялись на самых разных площадках Хабаровска и Хабаровского края. Так постепенно формировалась выставочная культура города, привлекая множество людей к творчеству земляков.

В 1991 году экспозиция фонда культуры располагалась в Мраморном зале краевой администрации, а в 1992-м общественная благотворительная организация обрела свой постоянный дом в историческом центре Хабаровска, на улице Муравьева-Амурского, 17. Здесь же со временем появился «Арт-подвальчик» – одна из лучших и открытых для творческих контактов галерей города. И не потому, что вход сюда абсолютно бесплатный. Многие важные события культурной жизни города происходят именно здесь: конкурсы, выставки, мастер-классы, концерты, спектакли, литературные диспуты.

«Арт-подвальчик» нередко становится первым выставочным пространством для молодых художников, давая импульс к дальнейшей успешной творческой жизни. Выступает он и хранителем памяти, устраивая выставки уже ушедших мастеров, поднимая из забвения многие имена. А сам центр «Тайны ремесла» уже 25 лет несет важную просветительскую миссию, представляя самые разные направления российского и дальневосточного искусства. Здесь

художники и мастера получают возможность реализовывать свои произведения, и благодаря доходам от этой деятельности Хабаровский краевой фонд культуры сохраняет независимость и развивает свои благотворительные программы, связанные с поддержкой ветеранов культуры и искусства, одаренных детей и талантливой молодежи, оказывать помощь детским домам и приютам.

Символом творческого центра «Тайны ремесла» с самого начала стала птица. Древнеславянские корни в ее облике уводят в глубь традиции, крылья же символизируют полет, устремление в будущее.

Дар окрылять

Елена ГЛЕБОВА

Воспоминания о дорогом, давно ушедшем человеке иногда складываются из небольших и даже каких-то малозначительных эпизодов. Но вдруг возвращается время. Когда я думаю о Клавдии Павловне Белобородовой, сразу начинаю ощущать запах осенней листвы, а сквозь нее тепло солнечных лучей. Последние приветливые дни перед долгой зимой. В один из них мы приехали с фотографом газеты «Приамурские ведомости» Валерием Токарским в Южный микрорайон Хабаровска по заданию редакции «Приамурских ведомостей» – подготовить материал к 80-летию известного дальневосточного искусствоведа.

Позже, когда уже самой пришлось погрузиться в традиционное искусство коренных народов Нижнего Амура, когда училась читать спирально-ленточные сюжеты его орнаментов, узнавала талантливых людей, стала очевидной неслучайность редакционного, можно сказать, дежурного визита. Именно тот давний разговор с Клавдией Павловной, неспешный рассказ о путешествиях (между прочим, достаточно экстремальных) в далекие нанайские и удэгейские селения, о сокровищах из заветных сундуков и ее по-детски искреннее восхищение национальной культурой стали началом и моего пути.

Ее собственный путь к главному делу своей жизни здесь, на Дальнем Востоке, был долгим и насыщенным. В Хабаровск Белобородова приехала только в 1953-м, помотавшись к тому времени по большой стране – Новороссийск, Самарканд, Ленинград, Караганда, Забайкалье, Тбилиси. Человека легкого на подъем такие перемещения не удручают. Наоборот – новые города, народы, культуры. Интерес был из детства, когда она зачитывалась дореволюционными выпусками журнала «Вокруг света» и делала первые шаги в творчестве, учась вышивать. «Вот такое «хобби» – искусство филейной и гладьевой вышивки – красной чертой прошло через всю мою жизнь, – писала Клавдия Павловна спустя годы в автобиографии. – Но теперь я хорошо знаю, что это было не только увлечение. Это призвание, которое должно было стать целью жизни».

Клавдия Павловна Белобородова

По профессии Клавдия Павловна строитель-проектировщик, образование получила на факультете ирригационных сооружений Ташкентского индустриального института. По призванию – искусствовед, человек, поддерживающий и сохраняющий народную традицию в искусстве. Всюду, где ей доводилось жить, появлялись кружки художественной вышивки, а их организатор и руководитель вдохновляла рукодельниц создавать не только «милые вещички», но и настоящие большие панно, картины, участвовать в выставках прикладников. Но именно дальневосточный город стал для Клавдии Павловны Белобородовой местом силы – здесь ее увлечение переросло в профессиональное дело.

Белобородова хорошо знала национальное искусство Узбекистана, Грузии, Армении, Бурятии, а в Хабаровске открыла для себя нечто совсем иное, не похожее на другие традиции. Экспонаты из рыбьей кожи, ровдуги, птичьих перьев, бересты в витринах Гродековского музея поразили умением мастеров работать с природными материалами, гармонией в орнаментах и цветовой гаммой. На вопросы заинтересовавшейся посетительницы в музее ответили коротко: это ремесло прошлого, и сейчас им никто не занимается. Но Клавдия Павловна, еще ничего не зная об искусстве коренных народов, видела в нем отражение древней самобытной культуры. И убедилась потом в этом не раз, когда всерьез начала изучать труды крупных российских этнографов, формировала собственную базу данных: амурские мастера (в итоге зафиксировано более 200 имен) и краткие характеристики их творчества, сведения по работе с природными материалами, трафареты и зарисовки орнаментов и швов. А параллельно делала

записи текстов сказок нижеамурских народов, сопровождавшиеся подробной информацией о рассказчике. Материалы эти хранятся в Государственном архиве Хабаровского края.

Клавдия Павловна была щедрым человеком. Собранную за много лет богатую коллекцию амурских орнаментов передала в Российский этнографический музей с просьбой перечислить в Фонд мира установленную комиссией стоимость этих экспонатов. Гродековский музей получил от нее в дар превосходную коллекцию детской национальной игрушки, а известный художник Геннадий Дмитриевич Павлишин при иллюстрировании детских сказок «Железная птица», «Скрипучая старушка», «Пудин и лягушка» использовал этнографические материалы Белобородовой.

Собственно, с самого начала ее хабаровская жизнь была связана с творчеством. Она нашла близких по духу женщин-вышивальщиц, участвовала в выставках и помогала в их организации. Потом организовала на общественных началах группу мастериц и вместе с ними сделала крупные декоративные работы к важным датам. К 100-летию Хабаровска, например, три больших вышитых панно. Одно из них – «Ерофей Хабаров» находится в собрании Дальневосточного художественного музея. Тогда же Белобородова попала в поле зрения Кимы Матвеевны Дрерман, руководившей Домом народного творчества. Сама человек увлеченный и творческий, получившая в свое время прекрасное образование в Ленинграде, кандидат искусствоведения, она увидела в Клавдии Павловне человека, способного заниматься народным искусством глубоко и последовательно. И не ошиблась.

В 1957 году Белобородову приняли в Дом народного творчества на должность методиста. Началась многолетняя, полная трудностей и ярких открытий этнографическая экспедиция. Первое национальное село, где традиционно живут удэгейцы, – Гвасюги в районе имени Лазо. В Хабаровске шла подготовка большой выставки народного творчества, и нужно было отобрать лучшие произведения, которые представят культуру нанайцев, ульчей, орочей, эвенков и других представителей коренного населения. Сначала по грунтовке машиной, потом почти пять часов на моторке в верховья реки Хор – и страшное разочарование. Женщины давно забросили свои ремесла, красивые старинные вещи, доставшиеся от бабушек и мам, сложили в сундуки, а над кроватями по моде тех лет развесили гобеленовые коврики с изображениями котиков и лебедей. Почему-то именно эти котики особенно поразили Клавдию Павловну. Столько лет прошло со дня нашей первой встречи, а я слышу ее негодующий голос: «Это же так пошло!»

Русская женщина, родившаяся в семье кубанских казаков, организовала в Гвасюгах первый кружок удэгейской вышивки, подключив старых мастериц, которые еще не утратили ценные навыки. Прошло четыре года, и на краевой выставке в Хабаровске жительницы таеж-

Софья Кимонко, Валентина Тунсяновна Кялундзюга, Клавдия Павловна Белобородова, Татьяна Саганова, Анна Денчуевна Кимонко. 1965

Творческая встреча стипендиатов Хабаровского фонда культуры с искусствоведом К.П. Белобородовой

ного села показали свои новые изделия, выполненные в строгом соблюдении канонів. Были еще поездки в Булаву, Даду, Тугур, и всюду Клавдия Павловна Белобородова встречала закрытые сундуки и стыдливо спрятанные вещи. Она уговаривала достать и найти для них более достойное место, убеждала, что это искусство действительно уникально, его нельзя забывать.

Интересные воспоминания о характере Клавдии Павловны, ее человеческих качествах оставила писатель Алина Чадаева, длительное время жившая на Дальнем Востоке и дружившая с Белобородовой: «Она была замечательно красива во всем: тонкое, благородное лицо, доброжелательные манеры, тихий, всегда ровный голос. Меня поражала манера ее общения с так называемыми «простыми людьми» в приамурских селениях. Никакой

Лучшие мастерицы с. Гвасюги Х. Кимонко и С. Кимонко за вышивкой. 1950-е

Азихини Кялундзюга – охотница, рукодельница, кавалер ордена Ленина. 1950-е

попытки адаптации – изысканный язык доверительной вежливости: ни лжинки, ни закулисной хитрости, ни корысти. И люди-дети открывали перед ней давно закрытые сундуки, где хранились расшитые свадебные и погребальные одежды прабабушек, берестяные шкатулки, мужские охотничьи доспехи. Вспоминали ушедшее, плакали, хотели опять спрятать, убрать, но подчинялись мягкой воле Клавдии Павловны, которая убеждала не стесняться своего искусства, просила мастериц наносить древние орнаменты на новые сшитые вещи традиционного покроя. В этом не было стилизации – было возрождение».

Искусствовед Белобородова стала эталоном для национальных мастеров. Они выполняли ее заказы к выставкам, доверяли старинные родовые вещи. Правда, иногда приходилось сталкиваться с непреодолимым. Об одном таком случае Клавдия Павловна вспоминала в нашу первую встречу. В Хабаровске проходила очередная выставка произведений народных мастеров. Как-то приехал муж одной из участниц, сказал, что жена умерла и он должен забрать ее вещи. Согласно похоронному обряду одежда умершего и другие необходимые атрибуты тоже отправлялись в иной мир. Красивые халаты, обувь, рукавицы, украшения хранили во многих амурских семьях именно на такой случай. Вещи, конечно же, пришлось отдать. Традиция есть традиция. Но даже спустя годы Клавдия Павловна с болью говорила: «Исчезли такие великолепные произведения народного искусства...»

Она старалась сделать как можно больше для сохранения культуры нижнеамурских этносов. В 1963 году по инициативе Белобородовой крайисполком принял решение «О дальнейшем развитии прикладного искусства малых народностей Хабаровского края». В нем изложена детальная программа возрождения этнической культуры с привлечением всех творческих организаций, администрации края и его районов. Конкретные шаги – введение факультативных уроков народного мастерства в школах национальных сел, организация в клубах и домах культуры кружков национальной вышивки, включение в программу худграфа хабаровского педагогического института специальных часов по изучению художественной традиции коренных народов Севера, организация продажи сувенирных изделий приамурских мастеров.

С 1968 года Белобородова по совместительству работала в Хабаровском отделении художественного фонда РСФСР инспектором-искусствоведом, а в 1974-м он стал ее постоянным местом работы. Она комплектовала коллекции, организовывала выставки, а в основе всего главный критерий – подлинность. Всякое отступление от канонов или попытка стилизации отзывались душевной болью. Это видно из ее письма нанайской мастерице Татьяне Константиновне Ходжер*: «Дорогая Татьяна Константиновна! Мне не хотелось бы огорчать Вас, но как я была огорчена и расстроена, когда получила Ваш халат, Вы не можете себе представить! До слез! Великолепный, блестящий узор на халате, но из какого материала он сделан! Ну кто мог дать Вам такой злой и бездарный совет: из дерматина (грубого и тяжелого) вырезать орнамент и затем на машине пришить его на белую ткань? Что можно придумать хуже? Художественную ценность народного изделия определяет не только национальный орнамент. Здесь имеет значение все в целом: соответствующий материал, сочетание тканей по цвету и обязательно ручной труд. Вы замечательная мастерица, Татьяна Константиновна. Но не старайтесь в искусстве идти по легкому пути, делайте по настоящим традициям Вашего национального искусства художественные изделия, чтобы о Вас и Вашем искусстве осталась память».

И об этом же ее выступление на Всесоюзной конференции по проблемам искусства в марте 1977 года: «В настоящее время мастера Хабаровского края начинают заметно терять художественный вкус и чувство факту-

ры материала и изделий. Новые материалы, широко применяемые на промыслах местной промышленности для массовой продукции, привлекают их яркостью цвета и простотой вырезывания узоров. Так вот, сейчас прекрасные мастера, способные создавать уникальные произведения ручной вышивки, делают ковры и халаты с аппликацией из павинола, покрывают халаты орнаментом, вырезанным из старых болониевых плащей. Нет сомнения, ручная вышивка такого же орнамента потребует от мастерицы не менее двух месяцев работы, а здесь она делает его в течение двух-трех дней! Очень печально, но увлечение мастеров павинолом, особенно в Нанайском районе, где имеется несколько мастерских местной промышленности, принимает массовый характер».

1975-й – важный год. В ленинградском издательстве «Художник РСФСР» вышла книга К.П. Белобородовой «Приамурские узоры» с кратким изложением текста на французском, английском и немецком. Результат кропотливой исследовательской работы, обобщившей традиции и новации. Впервые так объемно и полно раскрывалось этническое искусство Амура, назывались имена старых и молодых мастеров, фиксировались технологические процессы. Мне посчастливилось держать в руках экземпляр этой книги из личной библиотеки выдающегося российского этнографа Смоляк с дарственной надписью автора: «Глубокоуважаемой Анне Васильевне от К.П. Белобородовой. Москва. Апрель. 1976». Такая вроде бы небольшая деталь, но она говорит о неоспоримой ценности «Приамурских узоров», на которые, кстати, мы находим ссылки во многих научных статьях и изданиях.

Но главный вклад Клавдии Павловны Белобородовой не только в дальневосточную, но и мировую культуру в том, что она сумела кардинально изменить отношение к уникальному наследию народов Амура. Причем не только в умах большинства представителей титульной нации, но и самих носителей этнической культуры. Она возвращала людям чувство национального самосознания, а это все равно что вернуть птице с подрезанными крыльями возможность летать. Благодаря стальному характеру (другого сравнения не подобрать) Белобородовой, ее умению идти к цели и убеждать национальное искусство коренных малочисленных народов Амура получило признание и стало частью профессионального художественного пространства. Народных мастеров начали принимать в Союз художников РСФСР. Каждое имя было для Клавдии Павловны дорогим: Любовь Иннокентьевна Сергучева, Александра Николаевна Казарова, Очу Лукьяновна Росугбу, Анна Кузьминична Самар, Анна Дадовна Кялундзюга, Чиккуэ Золонговна Киле. Она была убеждена: почетное звание члена Союза художников «и есть память о тех неизвестных художниках прошлого, от которых они через поколение перенесли эстафету народного искусства».

«Я никогда не уставала восхищаться ею как доблестным искусствоведом, взявшим на себя огромный героический труд собирания и изучения национального народного прикладного искусства, не уставала удивляться контрасту между обликом: мягкой, женственной, такой, казалось бы, уютной и домашней женщины с ее железным характером, несгибаемой волей, собранностью, выносливостью и бесстрашием, – писала о Белобородовой

90-летний юбилей Клавдии Павловны Белобородовой в «Арт-подвальчике» Хабаровского фонда культуры. 1996

хабаровский искусствовед и человек такой же самоотверженности Валентина Гавриловна Старикова. – Одна, в любое время года и при любой погоде, она отправлялась в командировки, не зная, где будет есть, где ночевать и на чем добираться до далеких поселков нашего обширного Хабаровского края. Часто встречались трудности и языкового общения. Зачастую тревожность поездки усугублялась тем, что с нею бывали достаточно большие по тем временам деньги, предназначенные для закупки ценных экспонатов: изделий из меха, рыбьей кожи, тканей, украшенных уникальным орнаментом. Будучи сама искусной вышивальщицей, Клавдия Павловна снабжала подопечных мастериц цветными нитками из своих запасов, поскольку даже в Хабаровске эти нитки были дефицитом. Несколько мастериц стали членами Союза художников не только для славы и почета, а и с практической целью: обеспечить безусловно талантливым, но беспомощным старухам приличную пенсию. Умея ладить с высшим начальством как в крае, так и в Москве, она добилась того, что с национальным искусством народностей Дальнего Востока познакомилось множество городов Советского Союза и за рубежом и везде это искусство вызывало изумление от открытия неведомого».

В 1965 году пять приамурских мастериц приехали в Москву и стали лауреатами масштабной выставки ВДНХ. Вскоре произведения нижеамурского искусства увидели на выставках в Польше (Познань, 1966) и Японии (Ниигата, 1967). Позднее была организована большая передвижная экспозиция, взявшая начало в 1981 году в Москве и Ленинграде и путешествовавшая по стране в течение пяти лет, открывая тысячам людей древнюю культуру тунгусо-маньчжуров.

Для Хабаровского краевого общественного благотворительного фонда культуры, в то время регионального филиала Российского фонда культуры, встреча с Белобородовой стала важной строкой в биографии. Впрочем, это было неизбежно, потому что главные цели совпадали – сохранить и поддержать народное искусство. В 1995-м в галерее «Арт-подвальчик» открылась персональная выставка прославленного искусствоведа, где впервые были

Забини Кялундзюга, с. Гвасюги

представлены ее собственные произведения в технике вышивки, выполненные с 1945 по 1955 год. Многие тогда заново открыли для себя эту женщину.

С 1993 года и до последних дней жизни Клавдия Павловна Белобородова оставалась близким и надежным другом для председателя Хабаровского фонда культуры Светланы Юрьевны Черепановой, для многих, кто ее знал и любил. Поэтому после ее ухода долго не проходило острое чувство утраты. Известный нанайский мастер, член Союза художников России Лариса Ганзулиевна Бельды издала при поддержке Хабаровского фонда культуры небольшую книгу «Даня гуйсэкэни» («Бабушкин сундучок») о традиционной одежде нанайских детей. Это ценное этнографическое издание со схемами кроя одежды и обуви, с детальными описаниями технологий пошива начинается с посвящения: «Памяти Клавдии Павловны Белобородовой, искусствоведа, светлого человека». В 2000 году Хабаровский фонд культуры учредил премию имени К.П. Белобородовой. Ее вручали лучшим мастерам из числа коренных народов Севера, и первый в этом списке художник и резчик по дереву Николай У.

Прошло много лет, выросло не одно поколение мастеров, которые продолжают традиции предков и создают новые сюжеты в этническом искусстве Амура. Многие стали профессионалами, их произведения покупают музеи Европы и Юго-Восточной Азии, они проводят мастер-классы на международных фестивалях, участвуют в крупных выставках в России и за рубежом. Начало всему пятьдесят лет назад положила женщина с тонкой душой и несгибаемым характером. Имя Клавдии Павловны Белобородовой стала легендой, но и это тоже закономерно.

По тропинке узора*

Клавдия БЕЛОБОРОВОВА

Время минувшее

Нанайская девочка Чикуюэ так ждет вечера! Зимний день в стойбище хоть и короток, но пуст и скучен. Все мужчины давно ушли на охоту; они вернуться не скоро, когда в тайге растает снег. Свернувшись клубочком на деревянных нарах, Чикуюэ смотрит, как мать и бабушка сухими темными пальцами мнут и колотят рыбью кожу, ласково разглаживают ее и снова мнут... Иногда они говорят об ушедших, говорят осторожно, чтобы не вызвать неудовольствия у злых духов, которые подстерегают и подслушивают человека на каждом шагу. Женщины тяжело вздыхают. Мясо подходит к концу, юколу тоже надо беречь – когда еще вскроются реки! И разве не бывало так, что люди подолгу голодали и никто не мог им помочь?

Наконец солнце короткого дня уходит за вершины сопки. Вот и вечер. Чикуюэ знает: скоро к ним в хижину начнут собираться женщины. Они приходят, чтобы послушать сказки, которые так хорошо рассказывает бабушка. И все принесут с собой работу; будут слушать и что-нибудь шить, или вышивать, или плести коврики из камыша, или делать красивые коробочки из бересты.

Вот и сегодня женщины принесли с собой деревянные коробочки для рукоделия и короткие красивые дощечки, на которых они будут вырезать из бересты или рыбьей кожи узоры для вышивания. Соседки рассаживаются вокруг очага и, чтобы было светлее, зажигают в каменных площадках плавающие в жиру лучины. Как хорошо сразу становится в хижине! Она вся полна огнями и яркими отблесками, совсем не видно, какие бедные и грязные у нее углы. Тепло становится и от присутствия стольких людей, и от потрескивающего пламени коптилок, многократно повторенного в черных блестящих глазах.

Усевшись у очага на теплой медвежьей шкуре, посаывая длинную трубочку и не сводя с огня воспаленных от дыма глаз, бабушка начинает неторопливо рассказывать сказку. Сколько она знает сказок! Но самая интересная – про сильного и красивого богатыря Мэргэна, который сражается с драконами и страшными чудовищами и, наконец победив всех, получает в жены прекрасную девушку с длинными косами, умницу и мастерицу, умеющую вышивать необыкновенные узоры...

Чикуюэ слушает и смотрит на женщин. А они достают из деревянных и берестяных коробочек яркие шелко-

* Фрагменты книги К.П. Белобородовой «Приамурские узоры». Издательство «Художник РСФСР». Ленинград. 1975

вые нитки, холодные и гладкие на ощупь ракушки, маленькие медные пластинки с рисунком и дырочками, кусочки материи, разноцветные бусы. Настоящее богатство – ведь за них отдано китайским купцам столько соболинных шкур.

Одна из женщин собирается шить торбаса для ушедшего в тайгу мужа; другая уже заканчивает украшение халата, который когда-нибудь, верно, наденет только на медвежий праздник или на свадьбу, так он красив. Чикуз вглядывается в широкую полосу узора. Вьются полоски, как тропинки в тайге. А вот рыбка взмахнула хвостом уплывая; там гордо подняла голову сказочная птица; настороженно смотрит соболек, готовый к прыжку... А где же амба? Здесь, конечно, в завитках полосок. Без него не обходится ни один узор. Амба – тигр, большой и страшный зверь. Если его не сердить, он не сделает человеку плохого, наоборот, поможет ему. Вот почему надо показать амбе, что человек не желает ему зла, что амба ему приятен – не зря же он изображает его на самых красивых вещах.

Амба... Только бы не встретился он охотнику в заснеженной тайге, только бы вернулись все с добычей, живые и невредимые.

– Пора и тебе научиться, Чикуз, – говорит мать, видя, как пристально рассматривает девочка красивый узор на халате.

Чикуз дают в руки иглу, кусочек материи: ну, попробуй. Она делает несколько первых стежков. Какие же они косые и неуклюжие.

– Давай, давай, – подбадривают, улыбаясь, женщины. – Твоя бабушка большая мастерица, и мать научилась шить у нее, а теперь ты учишься.

Неужели она тоже сумеет когда-нибудь, как они?

Очень, очень хочется научиться. И девочка Чикуз с новой решимостью берется за иголку...

Время текущее

Бабушка Чикуз сидит у окна своего дома и вышивает. Цепляются стежки один за другой, бежит и бежит вперед радужная змейка узора. А по радио льется музыка.

Сколько воды утекло за годы советской власти! Что осталось с нею, Чикуз, из прошлой ее жизни? Ничего. Пожалуй, только вот этот старинный узор. А так – все совсем, совсем другое...

Большие города и поселки выросли на тех местах, где когда-то жались друг к другу хижины нанайцев. Если бы она была девочкой не тогда, а сейчас, она бы, как нынешние дети, сначала ходила в детский сад, потом стала бы жить в школе-интернате. А окончив школу, уехала бы учиться в какой-нибудь институт, как делают внуки многих ее знакомых и сородичей, живущих в родном селе Дада. Теперь все учатся. А подумать только – ведь во времена ее молодости нанайцы не то что не умели, – они не могли бы, если б и захотели, читать и писать: ведь не существовало тогда никаких нанайских букв и всего того, что ныне называется нанай-

Чикуз Золонговна Киле со своими внуками.
Село Дада, 1978.

Из фондов Краевого музея им. Н.И. Гродекова

Чикуз Киле. Медаль, аверс. 1985.

Гальванопластика.

Автор В. Евтушенко

ской письменностью. А сейчас есть у нанайского народа свои ученые, писатели, поэты, врачи, учителя...

Ей-то самой не привелось испытать такую судьбу. Но она, простая старая женщина, прославила свой маленький народ, и она окружена почетом и уважением.

А почему, за что?

Вот за эту иглу, что петляет сейчас поверх широкого полотнища. Разве думалось ей когда-нибудь раньше, что те узоры, которыми она покрывала бедные халаты своей юности, сегодня будут восхищать тысячи людей? Когда по радио или телевидению говорят о лучших мастерицах, обязательно скажут и о ней. Фотографии работ Чикуз Золонговны Киле из селения Дада Нанайского района печатались на страницах газет, в журнале «Декоративное искусство СССР». А за участие в выставке профессиональных художников «Советская Россия-4» она получила памятную медаль.

– За большую любовь к прикладному искусству своего народа; за то, что всю свою долгую жизнь бережно пронесла и сохранила в чистоте традиции чудесного искусства, созданного многими поколениями маленького амурского народа, – так говорили люди, поздравляя ее с наградами.

Ее умение переняла дочь Мария – так сама она когда-то перенимала его от своей матери. От Марии оно пойдет к другим. В нанайских школах есть кружки, где учат старинному искусству вышивки. И Чикуз сама слышала по радио, что это искусство изучают студенты педагогического института в Хабаровске, что ученые пишут о нем книги.

...Вьется и вьется под руками бабушки Чикуз тропинка узора. Где-то она ненадолго прервется, потом двинется дальше...

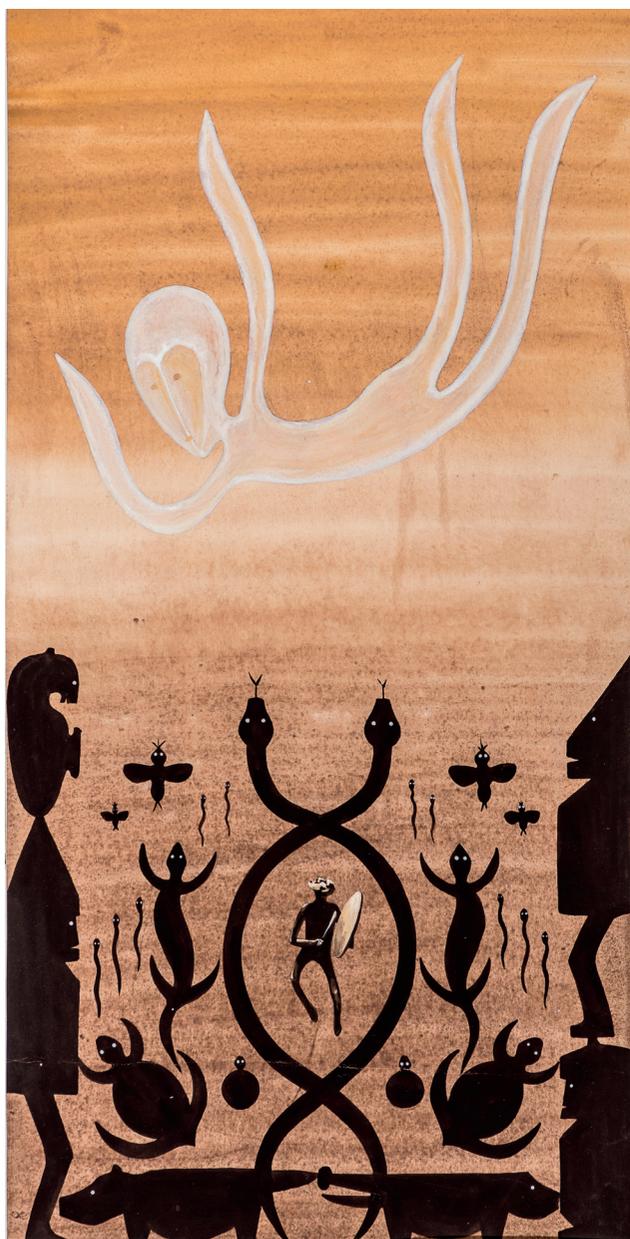
Выше неба

Елена ГЛЕБОВА

Год назад в Южно-Сахалинске, в Музее книги Чехова «Остров Сахалин» проходила большая выставка «Люди Амура. История и современность». Большой проект Дальневосточного художественного музея занял достаточно много времени, но результат того стоил. Из четырех тысяч предметов этнической коллекции хабаровские музейщики отобрали 120 лучших образцов декоративно-прикладного искусства нанайцев, ульчей, нивхов, эвенков, негидальцев, орочей, удэгейцев, охватывающие по времени создания вторую половину XIX века и наши дни. Для многих «Люди Амура» стали открытием – орнаменты на халатах из рыбьей кожи, затейливо сплетенные тальниковые чаши, ковры из птичьих шкурок, веера из перьев совы. Но особо притягательной оказалась часть экспозиции, представлявшая творчество Николая У. Художника к тому времени уже восемь лет как не было, но его произведения – деревянная скульптура, арт-объекты, ритуальные предметы, декоративные панно – продолжали жить и восхищать.

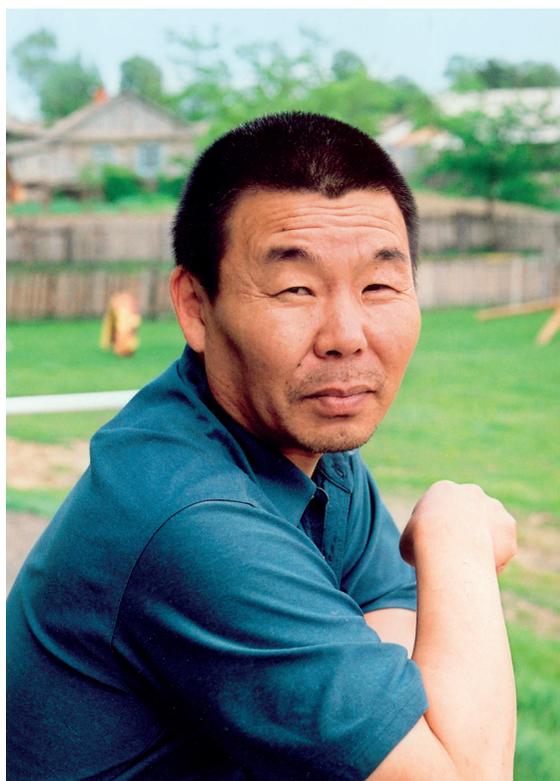

Николай У за работой. Село Джари. 1997

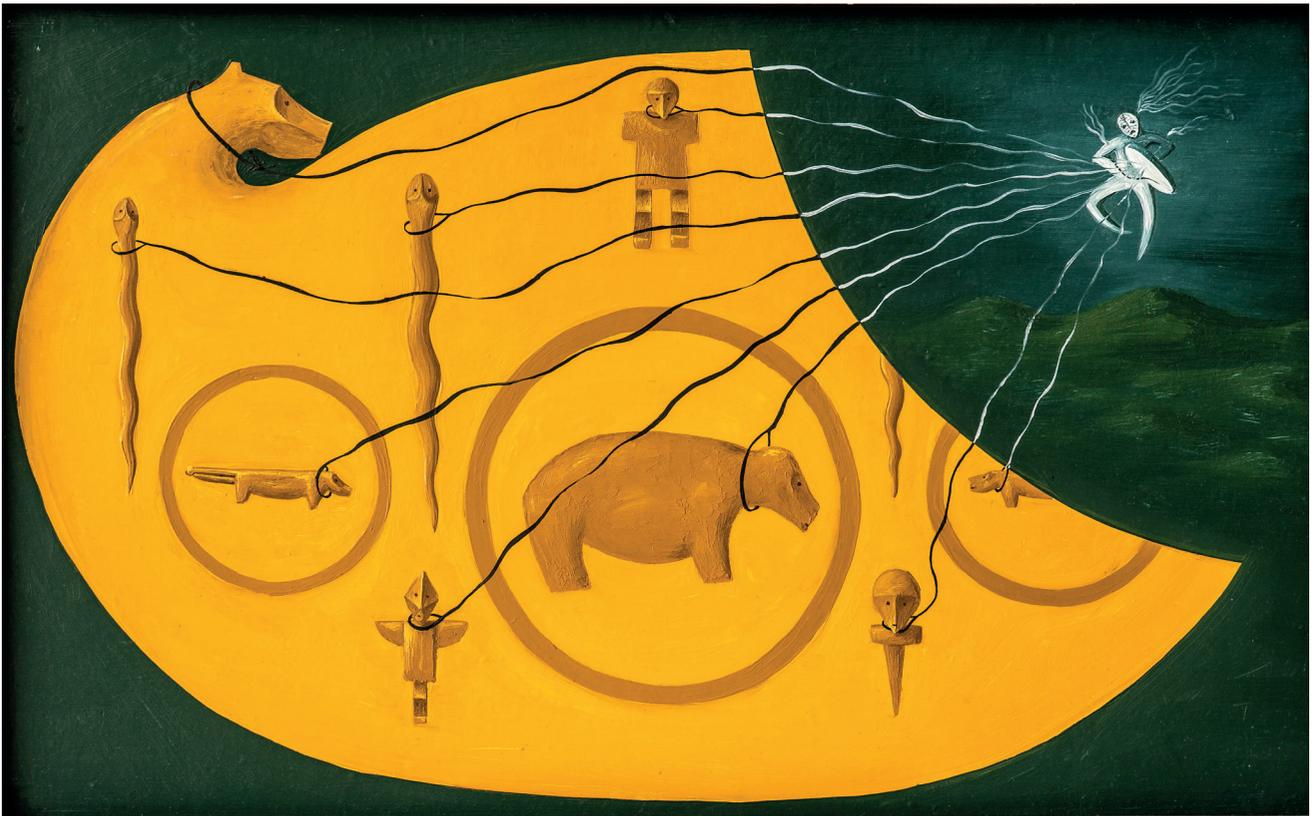

Камлание. 1994

Бумага, гуашь, акварель. 559 x 350. ДВХМ. Хабаровск

Николай Николаевич У

Николай У – уникальное явление в культуре Дальнего Востока. Такие люди буквально врываются в художественное пространство и создают новую эстетику, глубоко понимая традицию, формируют новый путь в искусстве. Немыслимо спутать его с кем-то другим – в каждом произведении, пусть даже это скромный амулет, отражается почерк Мастера. У него был почти магический дар превращать дерево в пластичный и податливый материал. Слово не резал его жестким металлом, а извлекал руками сэвэнов, тотемных животных, фигуры шаманов, легко набрасывал лабиринты узоров.

Когда спрашивали, откуда у него такие способности, отвечал, что никакой особой наследственности у него нет. Родина Николая – нанайское село Болонь (потом его переименовали в Ачан), рос он в самой обычной, можно сказать, стандартной советской семье. Отец трудился в леспромхозе, мама была швеей. Только одна нить связывала его традициями нанайцев – бабушка Онга по линии матери. Родилась она в стойбище Сира, которое сегодня на карте не найти, и слыла на Амуре одной из лучших мастериц. Все умела – плести из лозы, вышивать, работать с берестой. И орнаментов придумывала великое множество. Когда в 1960-х появился интерес к традиционной культуре коренных народов, о талантливой женщине узнала вся страна. Произведения Онги Багдовны Бельды украшали многие выставки.

Пройдет много лет, и Николай, к тому времени уже признанный мастер, увидит и узнает в экспозиции Суздальского музея народов СССР работы своей бабушки.

В детстве он любил наблюдать, как береста и лоза в руках Онги превращалась в красивые вещи, но научиться этому почему-то не стремился. Давние мастер-классы вспомнились Николаю во взрослом возрасте. Поработал каменщиком-монтажником, закончил Хабаровский институт культуры по направлению хореографии, но в профессию эту не пошел. Хотя его, от природы музыкального и пластичного, приглашали

Сэлчэ. 1995
Оргалит, масло. 27 x 43.
Музей изобразительных искусств. Комсомольск-на-Амуре

Семья Николая У.
В верхнем ряду слева направо: Миша, Коля, Валера, Майя Константиновна (мама) с Сашей; в нижнем ряду: Игорь, Лена. Село Булава. 1969

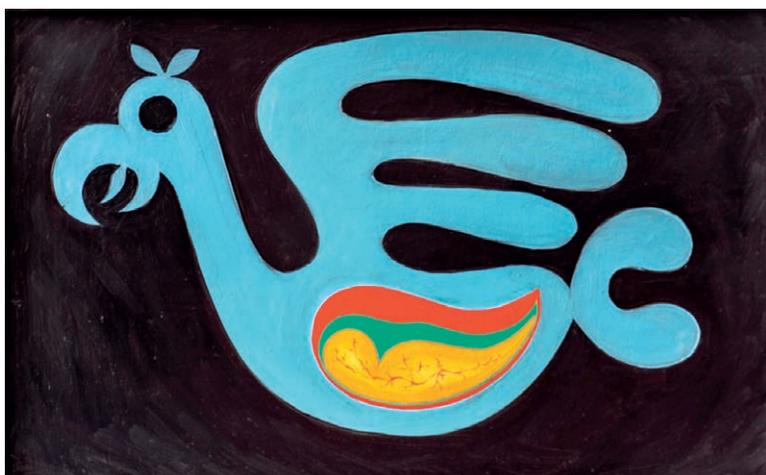

*Боль. 1995
Оргалит, масло. 26 x 45.
Музей изобразительных
искусств. Комсомольск-
на-Амуре*

самые крупные дальневосточные ансамбли «Мэнго» и «Эргырон». В 25 лет он сделал свой выбор – декоративно-прикладное творчество и конкретно работа с деревом. Как он сам потом говорил, хотел почувствовать фундамент под ногами, попробовать себя в качестве такого резчика по дереву, какие жили в старину.

Прежде чем создавать собственные произведения, читал книги по традиционному искусству северных народов, изучал музейные коллекции, пытаясь по почерку безымянных мастеров постичь приемы их работы. Когда жил в Булаве, общался со старыми людьми, которые еще помнили секреты амурских ремесел. Постепенно рука обретала твердость, резак прокладывал путь по деревянной поверхности, напол-

*Зародыш. 1995
Оргалит, масло. 29 x 46.
Музей изобразительных
искусств. Комсомольск-
на-Амуре*

*Без названия. 1994
Бумага, гуашь, акварель. 508 x 304.
Дальневосточный художественный
музей. Хабаровск*

*Шаман. 1995
Дерево, резьба. 50 x 9.
Школьный этнографический
музей села Верхняя Эконь
Комсомольского района*

*Ваза. 1994
Дерево (ольха), резьба, воцение. 14,5 x 6,5 x 6.
Дальневосточный художественный музей.
Хабаровск*

*Ото (блюдо). Хуня (ложки ульчские). 1992
Дерево, резьба. 42 x 13; 20 x 2,5.
Краеведческий музей Ульчского района, с. Богородское*

Маска. 2003
Дерево, резьба

няя сакральным смыслом чаши, амулеты, маски. О нем узнали односельчане, стали приходить с просьбами. Кому-то ритуальную стружку для обряда камлания, кому-то амулет от недуга. Николай У за эти работы никогда не брал платы – у амурских народов так не принято. Он вообще был бескорыстным и нередко дарил свои резные вещицы родственникам, друзьям, знакомым.

Идол. Тигр крылатый. 1999
Дерево, резьба. 36 x 16 x 23.
Краеведческий музей Нанайского муниципального района, с. Троицкое

В 1987 году произведения нанайского мастера впервые оказались в Москве на выставке «Народы России». Потом он стал стипендиатом Хабаровского фонда культуры, участвовал в выставке «Лауреаты Всероссийского фонда культуры», побывал вместе с другими художниками в итальянском городе Лукка, как лучший мастер Приамурья первым получил премию имени К.П. Белобородовой. Персональные выставки проходили в Дальневосточном художественном музее (1994) и Музее изобразительных искусств Комсомольска-на-Амуре (1995). Николай У к тому времени помимо деревянной скульптуры уже делал графические и живописные работы, арт-объекты, декоративные панно с использованием кожи и меха. О нем заговорили искусствоведы, отмечая, что это первый представитель нанайского народа, работающий по законам европейской графической и живописной техники, но остающийся нанайцем по мироощущению.

Жизнь набирала обороты. Художник участвовал в крупных общероссийских и зарубежных выставках – Хабаровск, Москва, Япония. Его произведения пополняли коллекции художественных музеев Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре, Государственного музея искусства народов Востока (Москва), разлетались по миру. Сегодня они живут своей жизнью во многих частных коллекциях во Франции, Германии, Монголии, Италии, Японии Австрии, Канады, США...

Громкому успеху Мастер предпочитал тишину и уединение. И неважно, что мастерской ему служила не слишком уютная кинобудка или другое малопригодное помещение. Отмеченный особым даром человек живет в своем измерении, где-то очень высоко. Не обращая внимания на трудности, не зацкливаясь на мелком, материальном. Николай говорил, что в его работах нет ничего от застывшей традиции. Он не копировал старинные узоры, не повторял привычных форм – все придумывалось им самим. Слово душа, путешествуя по неведомым мирам и считывая там информацию, возвращалась и помогала Мастеру воплотить ее в материале.

Обладая огромным богатством, которое зовется талантом, Николай У за свои полвека ничего не нажил – только имя. Оно не тускнеет и не забывается даже после его ухода.

Ложка. 1995
Дерево, резьба. 32,5 x 5.
Хабаровский фонд культуры

85-летие Валентины Гавриловны Стариковой в Хабаровском фонде культуры. Одна из последних фотографий. Июль 1999 г.

Такая короткая длинная ЖИЗНЬ

Александр ЛЕПЕТУХИН

Валентина Григорьевна Старикова – искусствовед, ученица Владимира Андреевича Фаворского, много лет проработавшая в Дальневосточном художественном музее. Она обладала редким по нынешним временам даром – умением чувствовать настоящий талант и искренне восхищаться им. Владея прекрасным литературным языком, Валентина Гавриловна в разные годы писала газетные статьи о дальневосточных художниках, из-под ее пера вышла книга-летопись «Художники Приамурья». В 2000 году журнал «Словесница Искусств» опубликовал «Страницы воспоминаний» Валентины Стариковой, сквозь которые ярко просматривается образ женщины, действительно служившей Искусству.

Обещание

«Страницы жизни» – так называлась книжечка. Благодарительное издание Фонда культуры к 60-летию Хабаровского края. Тираж микроскопический. Маленькая брошюрка вместила в себя целую жизнь. А какие персонажи! Борис Пастернак, академик И.П. Павлов, профессор В.А. Фаворский... Я проглотил ее мгновенно и позвонил автору, чтобы поблагодарить за подарок и излить, как говорится, восторги. «Валентина Гавриловна, можно я напишу о вас? Я буду звонить, и мы будем разговаривать». Старикова согласилась. И тут же рассказала историю из своей искусствоведческой деятельности.

В начале хрущевской «оттепели» она написала монографию о дальневосточных художниках (кстати, единственную за все времена). И показала тогдашнему председателю Союза художников. Председатель прочитал и обиделся: «Почему про меня так мало?» – «Как

про всех». – «Надо побольше похвалить за то-то и то-то, за это и это». – «Нельзя. Нехорошо будет, необъективно». – «Тогда ваша книга вообще никогда не выйдет». И спрятал рукопись в стол...

А через полгода в музей пришел статный мужчина в хорошем костюме. Валентина Гавриловна приняла его за иностранца. Она пыталась рассказать ему о музее, о картинах, но он равнодушно скользнул глазами по стеклу и протянул ей бумажный сверток: «Возвращаю вам вашу рукопись. Ничего антисоветского мы в ней не обнаружили». Тайное стало явным. Председатель хотел ее посадить, но просчитался. Времена изменились.

«Бедный художник! – подумал я, записывая эту невыдуманную историю. – На какой же раскаленной сковородке большого самолюбия жарился он всю жизнь!» Нужно сказать, что эта сковородка знакома и мне, как и многим творческим людям. Ожоги от нее сушат талант. Синдром пушкинского Сальери.

Мы договорились, что будем созваниваться. Но через три недели она умерла. Обещание написать о ней отодвинулось куда-то в сторону. Почти забылось. И вдруг мне недавно дали прочитать книгу «Художник, судьба и Великий перелом», только что изданную в Москве. Одним из авторов была В.Г. Старикова. Обещание вспомнилось, и я направился в художественный музей. Мне помогли. Нашли материалы, видео- и аудиокассеты и даже страницы неопубликованных воспоминаний. Долги надо возвращать.

Уроки детства

«Местные светила медицины единодушно признали меня никудышным ребенком. Но бабушкин сад (а Борисоглебск весь утопал в садах), заботы бабушки и отца выходили меня, и с тех пор нас связывали с отцом глубокая близость и единодушие», – писала в своих «Страницах жизни» Валентина Гавриловна. Рядом было село Чигара, в котором жила вся отцовская родня, к которой все относились пренебрежительно из-за ее беспросветной бедности. Даже звали по кличке «Пегушины» в честь их единственного достояния – сивого мерина-долгожителя.

Отец Гаврила Степанович окончил школу прапорщиков и, когда началась Гражданская война, был назначен командиром штрафного батальона. При всякой смене власти штрафники делали один маневр – отступали.

В конце концов Гаврила Григорьевич с семейством оказался в голодном и холодном Петрограде. В.Г. запомнила тогдашний «коммунистический» быт. Огромные комнаты, облезлый паркет. На кухне хлещет и ревет незакрывающийся кран. Большие обнаглевшие крысы бегают по веревкам с бельем, подобно цирковым артистам. Внизу была пекарня, и семейство вдыхало аромат свежеепеченного хлеба, на который не было денег. Спас их земляк Дмитрий Степанович Фурсиков, любимый ученик и помощник академика Ивана Петровича Павлова.

Отец стал завхозом знаменитой павловской лаборатории. В его ведении была сотня щенят и большая ком-

пания собак. Они были «материалом». В.Г. запомнила нелюдимого фокстерьера Икара. Он был весь покрыт шрамами, и его изображения печатались во всех книгах по физиологии. Икар страстно любил своего хозяина Фурсикова. Пес помнил, как бережно тот ухаживал за ним после операций. Он не мог предполагать, что тот, кого он так боготворил, являлся виновником. Такое бывает не только в жизни собак.

Еще отец был бессменным партнером Павлова. Они играли в городки. Павлов требовал, чтобы все делалось с полной отдачей. Он кричал на своих противников, когда они играли не в полную силу, и на себя, когда мазал: «Старый дурак!» И бил себя кулаком по голове. После сотни партий на двери Павлова появлялась табличка «Чемпион мира».

Позже под руководством Д.С. Фурсикова в подмосковном Покровско-Стрешневе был создан институт мозга. И семья Стариковых оказалась в старинной усадьбе. По строгим аллеям среди белых статуй Валя водила на прогулку «связку» институтских обезьян. Прогулкой руководил макака-резус Фангол. Он наматывал на кисть цепь и вел всю компанию, часто показывая клыки. Валя умоляла: «Только не лезьте на деревья!» Когда макаки ели виноград и роняли ягоды, а Валя пыталась их подобрать, они дергали ее за волосы. «Для меня это было моделью человеческих отношений», – пишет В.Г.

В московской школе она обростала интересными друзьями. А они, в свою очередь, ввели ее в круг друзей Владимира Маяковского, познакомили с Борисом Пастернаком. Однажды Пастернак кричал при ней на кого-то из гостей: «Да вы понимаете, что «Василий Теркин» – гениальное произведение!» Своим голосом поэт мог воссоздать любую картину, вызывать ощущение запаха... Он мог читать бесконечно, столько, сколько хотели его слушать, даже для пяти-шести человек...

Призвание

Старикова была девочкой активной. Эта активность привела ее в музей изящных искусств (ныне им. Пушкина). Там ее научили проводить экскурсии с детьми. Там же вел занятия с любителями преподаватель ВХУТЕИНа Андрей Гончаров. Вале было поручено отмечать присутствующих. Однажды художник спросил: «Валя, а почему ты не рисуешь?»

Она начала рисовать: «Надо мной стоял дым от усердия. Карандаши ломались, бумага протиралась, а рисунок расплзлся...» Так, можно сказать, случайно участь девушки была решена. Сладкий яд искусства попал в ее темпераментную кровь.

Она поступила в полиграфический институт. В его здании когда-то учился Маяковский. И выживший из ума старик-лаборант говорил студентам: «Вот бузите, бузите, как Маяковский, а потом застрелитесь».

Педагоги там были первоклассные, но самой сильной личностью был профессор Владимир Андреевич Фаворский. Он был такой же ключевой фигурой в графике, как Анна Ахматова и Борис Пастернак в поэзии,

Сергей Эйзенштейн в кино и Михаил Булгаков в прозе. Встреча с ним определила жизненную позицию В.Г. и сказалась на ее судьбе.

«Фаворский говорил своим ученикам: «Надо жить для людей или для высокого искусства, и никогда для себя!» И сам жил только так. На занятиях он обращался к студентам: «Мы поговорили с вами о композиции, а теперь поговорим о самом главном. О добре и справедливости». Его нравственные принципы опирались на православие. Как он сам признался, к Богу его привело творчество.

Учеба В.Г. совпала с годами преследования и физического уничтожения самобитных, не способных прогнуться под власть деятелей культуры. Фаворского тоже травили и выгнали, в конце концов, с работы. Но он относился ко всему с терпением праведника и никогда не отвечал на зло. Поэтому нравственно сохранился и в конце жизни сделал свои лучшие работы, став признанным классиком.

Студенческая молодость, спектакли Мейерхольда и Вахтангова, концерты, капустники, пленэры на Черном море, первая романтическая и первая роковая любовь... Воспоминания тех лет, как свет из прошлого, освещали В.Г. всю жизнь.

Наша судьба заключена в цепь железно выстроенных, замаскированных под случайность событий. Связывают эту цепочку свойства нашего характера, над которыми мы не властны.

Дальний Восток

...Пронеслись три мирных и четыре военных года. В.Г. успела вступить в МОСХ, родить ребенка, потрудиться в «Окнах ТАСС». Эвакуацию она провела в знаменитых Петушках, до которых так и не сумел добраться герой Венечки Ерофеева. А после войны неожиданно для себя В.Г. оказалась в далеком Хабаровске. Без средств и друзей.

Она бежала из Москвы сломя голову от той, довоенной, роковой любви, которая вновь встала на ее пути. Она устроилась экскурсоводом сопровождать передвижную выставку, не зная, что выставка была ширмой для прикрытия финансовой аферы крупных чиновников из Министерства культуры. Директор выставки приторговывал патриотическим товаром – знаменами. И в конце концов попался.

В Хабаровске В.Г. вышла замуж. «У моего мужа был мешок картошки, и это оказалось почти решающим. Дело в том, что, когда я приехала в Хабаровск, была девальвация. А нам не платили зарплату, и не было денег ни на обратный путь, ни на еду. Помню, я успела за свои деньги, которые мне дали, только в душ пойти... Мой муж был для меня всем – и кормильцем, и защитником, и самым любящим и близким мне человеком».

Так В.Г. стала хабаровчанкой. Ей понравился город на трех холмах. Очень красивой показалась сама «порода» хабаровчан, редкий замес кровей Востока и Запада.

Старикова устроилась на работу в Дальневосточный художественный музей. Все сотрудники, техни-

В.П. Степанов, В.Г. Старикова, Е.В. Короленко

В.Г. Старикова с сыном

В Хабаровском фонде культуры на 70-летию Б.И. Степина. 1995

ческий персонал и директор сидели в тесном закутке бывшей синагоги. Иван Васильевич Туркин, директор, запрещал говорить о «низменном» – о тряпках и ценах. Говорили об искусстве. И музей стал своеобразным культурным клубом, куда заходили известные писатели, ученые, актеры. Душой этих бесед была В.Г. Как-то незаметно пропаганда искусства стала делом ее жизни.

Это было время всеобщего энтузиазма. И В.Г. моталась по всему краю с лекциями и выставками: «Бесплатно, только позови, чтобы ехать куда угодно, лишь бы слушали».

В поездках бывало всякое. Как-то в Елабуге лекцию поставили в перерыве между заседаниями суда. Народу было так много, что ее втаскивали через окно. А после прочувствованного рассказа о передвижниках одна бабушка сказала: «Очень хорошо. Душевно. Только я не поняла, за кого. За лавочников или против?»

Эта нехитрая история очень позабавила писателя Всеволода Никаноровича Иванова... Вспоминала В.Г. и примерзающие к ногам туфельки. Носить валенки «имиджмейкеры» из управления культуры запрещали...

Прошли годы. Уже давно В.Г. не работала в музее, а люди продолжали узнавать ее на улице, в транспорте. Узнавали и благодарили. Хотя иногда своеобразно: «А я помню вас! Вы у нас в колонии рассказывали, как Борис Годунов палкой убил своего сына!»

Мне повезло. Я видел, как проводила свои беседы и экскурсии В.Г. Она вся светилась от улыбки. Это не была американская отгораживающая улыбка-витрина. Это был внутренний свет. Ее профессией было восторгаться тем, что она действительно любила. Причем на своих лекциях она никогда не повторялась.

Я, молодой скептик, помню, подумал однажды: «Чем она восторгается? «Первой конной» Грекова? Да тут, кроме натурально нарисованных конских задов, ничего нет!»

А Старикова восхищалась солнцем, увиденным сквозь пыль, и синими бликами неба на лоснящихся лошадиных крупах. Тогда я не мог вместить в свою не слишком объемистую голову, набитую авангардом, понимание добротной, бесхитростной, натурной живописи.

С возрастом мое восприятие, конечно, изменилось. Искусство всегда шире наших вкусовых границ. Вот почему нужны открытость и терпимость. Есть надежда, что пройдет время и придет понимание.

В.Г. была редкостным искусствоведом. Как художник, она понимала суть, а не поверхность явлений. Ее любимыми дальневосточными художниками, которых она не без основания считала гениальными, были Валентин Степанов и Алексей Федотов. Свои кисти В.Г. уже давно засушила. Объясняла это тем, что искусство требует человека полностью, иначе им не стоит заниматься. После рождения детей она не могла позволить себе такого самозабвения. Но в кругу художников она преобразалась и расцветала. Среди них отогревалась ее душа. Многим она смогла помочь понять себя и поведить в свое призвание. Она была очень милосердным

человеком и многим помогала в трудную минуту, хотя сама порой нуждалась в поддержке.

Роль Валентины Стариковой недостаточно оценена. А ведь в ее лице дальневосточная культура получила эталон вкуса.

Утешение

Запомнилась одна встреча. Как-то после открытия краевой выставки, одной из первой для нас, мы с моим другом Валерием Сахатовым (ныне московским художником) спустились по музейной лестнице. Навстречу нам несла свою улыбку В.Г. Она сразу наговорила много восторженных и ободряющих слов Сахатову. Я ревниво слушал, стоя в стороне.

Потом В.Г. повернулась ко мне и на секунду-другую задумалась. Я замер, интуитивно чувствуя, что услышу что-то ВАЖНОЕ. «А вам, Лепетухин, надо какое-то время поработать в тишине, вдали от суеты, чтобы потом неожиданно превратиться в бабочку, расправить крылья и сказать всему миру: «ЭТО Я».

Слова эти так и врезались в меня. Прошло много лет, а я все оглядываюсь на свои лопатки: не прорезались ли крылья?

Да, В.Г. была необыкновенным человеком. Могла сказать такое, что потом всю жизнь будешь стараться оправдать.

Внешне В.Г. выглядела не очень презентабельно. Была бессребреницей. Порой казалась смешной. Вспоминают, как, увлекшись разговором на улице и нуждаясь в свободных жестах, она повесила свою сумочку на бампер стоящей рядом машины. И так заговорила, что не заметила, как машина уехала...

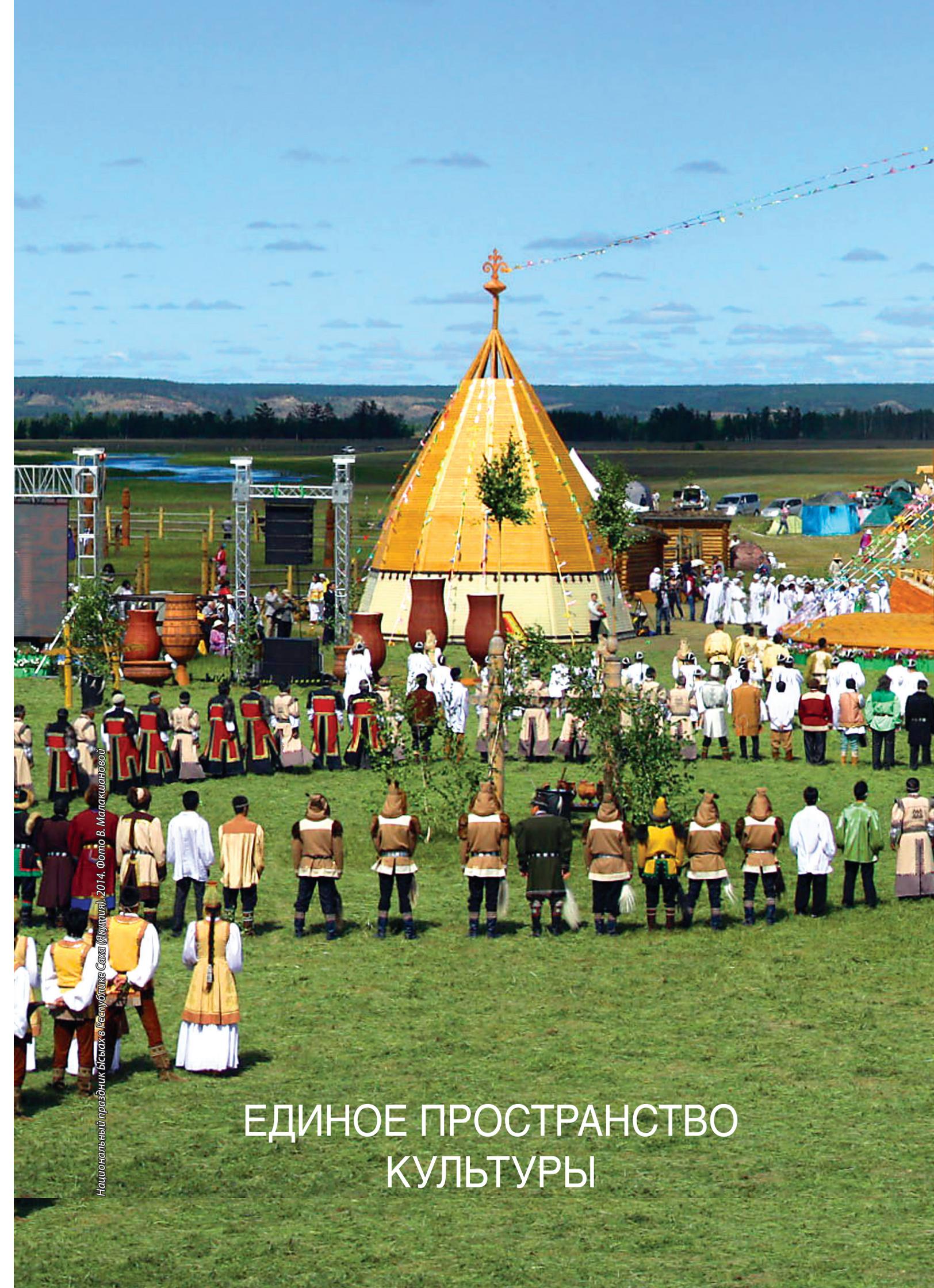
Старикову много и незаслуженно обижали. Считали «неблагонадежной». Но она, помня заветы своего учителя, никогда не озлоблялась и потому прожила долгую жизнь. Более долгую, чем те люди, которые безуспешно пытались портить ей кровь.

Подводя итоги своей жизни, она писала: «Видела петроградское наводнение 1924 года, смерч в десяти шагах от меня в центре России. По необъяснимой и счастливой случайности не попала под взрыв пяти-соткилограммовой бомбы... Видела, как танцуют серые журавли на Уссури и как загоняют на мелководе рыбу, собравшись в полукруг, дельфины на Черном море. И все же ни вулканы Камчатки, ни Новофонские пещеры, ни берендеевские леса на Селигере, ни озеро Иссык-Куль, ни Байкал в ожерелье хрустальных ледяных бусин, в самую жару подступающих к берегу, не запомнились мне, не произвели на меня такого впечатления, как люди...»

Давным-давно Валентине Гавриловне нагадали, что у нее будет любовь вне брака и она умрет в молодости насильственной смертью. Это предсказание ей очень понравилось, но, к счастью, не сбылось.

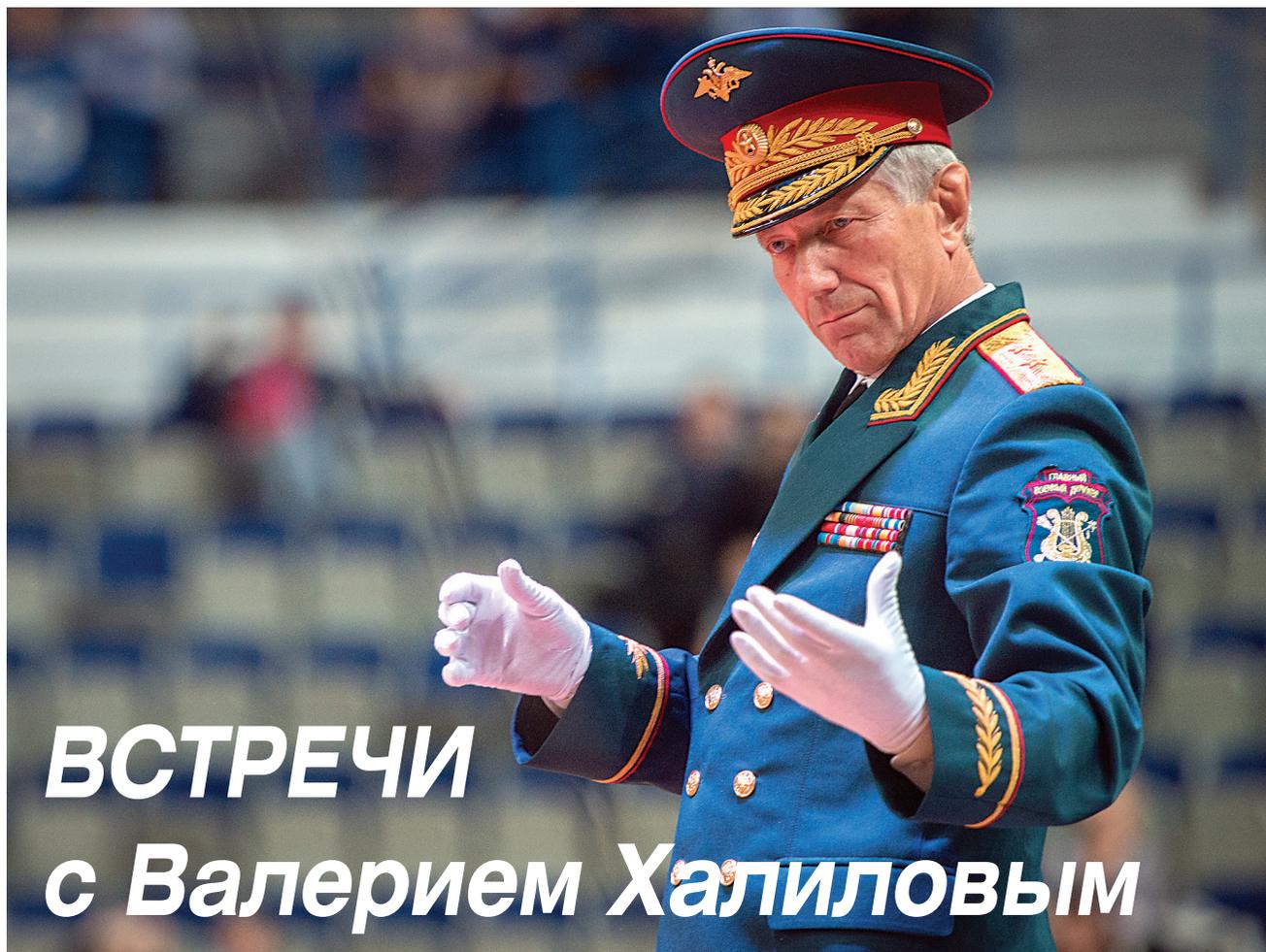
«Тихоокеанская звезда». 2002

Фото из архива Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры

Национальный праздник Ыгьах в Республике Саха (Якутия), 2014. Фото В. Магакшиной

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

ВСТРЕЧИ с Валерием Халиловым

Марина ДУБИНИНА

Очередной фестиваль военных духовых оркестров «Амурские волны» в 2017 году прошел без Валерия Халилова. Авиакатастрофа, случившаяся 25 декабря 2016-го, унесла жизни 92 человек, среди которых были артисты ансамбля песни и пляски Российской армии имени А. Александрова и их руководитель, народный артист России, главный дирижер Вооруженных сил России генерал-лейтенант Валерий Михайлович Халилов. Они летели в Сирию, чтобы дать новогодний концерт для российских военнослужащих.

Трагедия потрясла всю страну, болью отозвалась в сердцах многих хабаровчан: у дальневосточной столицы с этим именем связано очень многое. С него началась история «Амурских волн», приобретающих с каждым годом все больший размах. Ежегодные поездки Халилова в Хабаровск вместе с руководимым им оркестром Минобороны стали не только привычными, но и горячо ожидаемыми.

Впервые я услышала это имя в 2012 году, в преддверии фестиваля «Амурские волны». По центральному телевидению шла передача об авторской песне, и одним из ее участников был Валерий Халилов. Какое впечатление произвела тогда эта беседа! Халилов играл на гитаре, пел песни собственного сочинения, рассказывал о работе дирижера. А вскоре в Хабаровске появились афиши, извещающие о Первом Международном фестивале военных духовых оркестров.

И вот настал этот долгожданный май. В нашем городе он всегда богат на события: помимо 1 и 9 Мая, отмечаются Дни славянской письменности и культуры, фестивали хоровой и духовой музыки... Халилов прилетел в Хабаровск сразу после проведения парада в День Победы на Красной площади в Москве. Открывалась новая страница в культурной жизни Дальнего Востока.

В те майские дни, среди всего пиршества весенних красок, на улицах Хабаровска собиралось множество людей, и напоминало это театрализованное шествие. На-

пример, артисты Центрального оркестра Минобороны облачились в форму времен Отечественной войны 1812 года (в 2012 году отмечалось 200 лет со дня Бородинского сражения). Встречались музыканты в экзотических национальных костюмах – гости из Сингапура, Южной Кореи, Казахстана, Монголии. Концерты фестиваля проходили в «Платинум Арене», Городском Дворце культуры, музыкальном театре и на многих других площадках города. Великолепная музыка звучала на открытых летних эстрадах, в парках, на площадях. Много интересного можно было увидеть во время этих концертов – дефиле, перестроения, танцевальные номера. Кульминацией фестиваля стал марш-парад всех участников по главной улице города. Благодаря фестивалю «Амурские волны» и, конечно же, его идейному лидеру Валерию Халилову многие люди, даже далекие от музыки, приобщились к ее лучшим образцам.

Валерий Михайлович был художественным руководителем всех пяти прошедших в Хабаровске фестивалей духовой музыки. Даже если он не дирижировал, обязательно присутствовал практически на всех концертах и мероприятиях. Во время первого фестиваля в «ракушке» на набережной Амура выступал Центральный военный оркестр Минобороны. Халилов в концерте не участвовал, сидел среди зрителей. Тем не менее его узнавали, приветствовали, делились впечатлениями, благодарили. После концерта, набравшись смелости, я тоже подошла к нему. Но от волнения заготовленные вопросы вылетели из головы, и я не нашла ничего лучшего, чем сказать: «Валерий Михайлович, как там Москва поживает?» Он откликнулся, стал интересоваться культурной жизнью Хабаровска. Ему было интересно все: от того, как меня зовут, до сложных философских и искусствоведческих проблем.

Второй раз судьба свела меня с Халиловым во время его творческой встречи в Хабаровске, когда он открывал очередной фестиваль. Артист рассказывал со сцены о себе, о том, как с четырех лет учился игре на фортепиано, а затем поступил в Московскую военно-музыкальную школу-семилетку. Он подчеркнул, что это было уникальное учебное заведение, а его воспитанники становились не только крепкими физически, но и получали большие возможности для самореализации. Кстати, Валерий Михайлович Халилов – представитель династии военных дирижеров. Им был его отец, тот же путь избрали младший брат и племянник. Во время той встречи Халилов рассказывал о своей работе дирижером после окончания Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского в городе Пушкине – Царском Селе. Времени хронически не хватало, и для осуществления своих грандиозных планов приходилось работать без выходных. «Жена терпела – не выгнала. Если я в парке дирижировал оркестром, то и она с колясочкой была рядом», – говорил с улыбкой Валерий Михайлович.

Когда дирижер завершил свой рассказ, он предложил публике задавать ему вопросы. Воспользовавшись такой возможностью, я спросила у него о роли интуиции в исполнительском процессе – нужна ли она или можно добиться всего только за счет профессионализма? Валерий Михайлович подробно объяснил, что интуиция – важнейшая составляющая понятия «профессионализм»

и вообще любого творческого процесса, она нужна не только в профессии, но и в жизни. Интуиция может выручить, а может и спасти...

Все, кто знал Валерия Халилова, отмечают его неравнодушие ко всему, что касается музыки, и особенно духовой, говорят о благородстве и открытости его души, о простоте в общении, несмотря на все звания и регалии. Мой знакомый преподаватель детской музыкальной школы села Богородского Александр Блинов рассказывал, как он неоднократно привозил свой детский духовой оркестр в Хабаровск на «Амурские волны». На первом фестивале параллельно проходил и конкурс гражданских духовых оркестров всего Дальнего Востока. Халилов в это время был очень занят, и все же нашел время, чтобы приехать на конкурс гражданских оркестров и пожать руку руководителю Блинову. Он искренне восхищался игрой юных артистов из Богородского, сказал им слова напутствия и пожелал дальнейших успехов.

Большое видится на расстоянии. Только спустя какое-то время начинаешь понимать, какого масштаба личность мы потеряли. Следя за творчеством Валерия Михайловича Халилова, я не переставала удивляться его энергии. Он писал огромное количество музыкальных произведений, был профессором кафедры дирижирования Российской академии музыки им. Гнесиных, курировал оркестры и устраивал фестивали в самых разных российских городах, гастролировал в стране и за рубежом. Халилов стремился поднять уровень оркестровой игры в России, восстановить былую мощь духовой музыки. Ведь не секрет, что во время перестройки уровень массового оркестрового музицирования во многом был снижен. Потребовались годы для восстановления утраченных традиций. Именно этим и занимался Валерий Халилов, не жалея себя.

Последний раз мы общались с ним в мае 2016 года, во время его визита в Хабаровск. Разговаривали о репертуаре, делились впечатлениями. Он подарил мне диск со своей музыкой.

Когда 25 декабря произошла трагедия, хабаровские газеты запестрели фотографиями, статьями, даже просто скупыми ремарками: город скорбит, город плачет, город не верит... 26 декабря на площади Славы, где традиционно проходили основные мероприятия фестиваля «Амурские волны», у Спасо-Преображенского собора военные музыканты установили портрет Валерия Михайловича Халилова, окружив его еловыми ветвями и зажженными свечами. Жители города несли и несли к нему живые цветы...

Жизнь дается один раз. Это очень правильные слова, и смысл жизни, на мой взгляд, заключается в том, чтобы увидеть ее красоту, пусть даже она мимолетна. Именно это я и поняла после нескольких встреч с Валерием Халиловым. Он ушел из жизни в 64 года. До обидного мало, потому что музыкант не успел осуществить всех своих планов. График гастрольных поездок его с коллективом был расписан на месяцы вперед. Но это и много, ведь проделана огромная работа, причем на совесть. Халилов – ярчайший пример преданного и честного служения своему делу, музыке, людям. Он ушел подобно птице – на полном ходу, на взлете...

Фото из архива КНОТОК

Наполняя мир красотой

Виктория ШИШКИНА

Время бывает беспощадно, внезапно выкашивая из жизни тех, кто полон сил, замыслов и творческой энергии. Брониславу Тамулевичу совсем не подходят слова «он был ...». Это не о нем. Все, кто близко его знал, запомнили веселого, умного и артистичного человека. Даже будучи внешне вполне серьезным, он продолжал шутить и тонко импровизировать, выстраивая умопомрачительные ситуации и розыгрыши. Порой собеседнику было трудно понять, где реальность, а где вымысел художника.

Старый дом. 2010. Бумага, смешанная техника. 60 x 70

ТАМУЛЕВИЧ

Бронислав Владиславович (1957–2017)

Родился 8 февраля 1957 г. в Хабаровске. Успешно окончив художественно-графический факультет Хабаровского педагогического института в 1979 г., становится участником профессиональных выставок. С 2005 г. член Союза художников России. Преподавал изобразительное искусство в Хабаровском технологическом техникуме (1979–2004), но при этом постоянно рисовал.

Педагогическая работа Б.В. Тамулевича отмечена в 1993 г. нагрудным знаком «Отличник бытового обслуживания населения». Победителем конкурса «Преподаватель года» он стал в 1997 г., а в 1998-м награжден почетной грамотой Министерства образования Российской Федерации.

В 2003 г. он стал лауреатом администрации Хабаровска в области изобразительного искусства за 2002 г. в номинации «Графика» и тогда же отмечен администрацией города за оформление выставки «Хабаровск в первых лицах. Время. События. Факты... (Из истории органов местного самоуправления города Хабаровска)». В 2005 г. получил благодарность управления культуры администрации Хабаровска за активную работу по созданию экспозиции Музея города, в 2012 г. – благодарственное письмо мэра Хабаровска А.Н. Соколова за качественную и эффективную работу по восстановлению и созданию новых экспозиционных залов МАУК «Музей города Хабаровска»

В 2007 г. – лауреат премии В.К. Арсеньева (проект «Магия клинка», Владивосток), в 2015-м – лауреат премии губернатора Хабаровского края в области искусства и культуры за экспозицию «Амурское зазеркалье» в музейном комплексе «Амурский утес». В 2016 г. Бронислав Тамулевич получил благодарность Российской академии художеств за высокий профессионализм и творческую деятельность в области изобразительного искусства в честь 75-летия Хабаровского отделения Союза художников России.

Если в творчестве, как обычно говорят, отражается характер творца, то и в композициях Тамулевича всегда ощущается тот артистизм и ненатурность, что были так присущи ему в общении. Акварели художника зыбки и непредсказуемы, как свет солнечных лучей, скользящих сквозь облака. Он не делал подготовительных рисунков для своих пейзажей. Композиция словно бы мгновенно фиксировалась в его сознании и тут же сложными наплывами цвета ложилась на бумагу. Цветные туманы, брызги воды, легкие вибрации ветра всегда подчинялись кисти. Его акварели легки и поэтичны. Бронислава Тамулевича можно назвать универсальным акварелистом в технике письма по влажной бумаге. Каким-то внутренним чутьем и быстротой реакции ему удавалось управлять капризной растекающейся краской, сразу брать ее в нужной тональности. В акварельных портретах он всегда передавал сходство и неуловимое проявление характера модели. Писал тех, кого хорошо знал, кто был ему близок по духу и восприятию жизни. Летом с семьей часто ездил на отдых в Приморье, но при этом использовал возможность хоть на короткое время полностью погрузиться в пленэрную живопись.

Творческая биография Бронислава Тамулевича не будет полной, если представить его только как акварелиста. Будучи графиком, он рисовал постоянно. Среди работ портреты сыновей и жены Светланы, портреты хабаровских художников и множество набросков студентов в мастерской и на этюдах. Рисунки передают непосредственность моделей, они живописны по тональности штриха. Не случайно художник представлял свой родной город в международном проекте «Дни российско-немецкой культуры» в 2015 году в Верзене (Германия), где состоялась его авторская выставка портретов жителей Хабаровска.

Тамулевич успешно работал в сложной профессиональной области, которой пока посвящено не так уж много качественных теоретических исследований. Он решал дизайнерские задачи по организации пространства музейных экспозиций. В обыденном сознании музейная экспозиция – это совсем просто: разложи аккуратно под витринным стеклом фотографии в рамочках, артефакты и этикетки. Между тем далеко не каждый специалист по интерьеру может работать в музейном пространстве. Это дискуссионная область постоянных художественных и научных поисков. Каждая вещь родилась в определенном времени, жила в

*Зимний город. 2012.
Бумага, акварель.
60 x 70*

*Дорога в лесу
к часовне. 2010
Бумага, акварель.
60 x 70*

*Волна. 2008.
Бумага, акварель.
60 x 70*

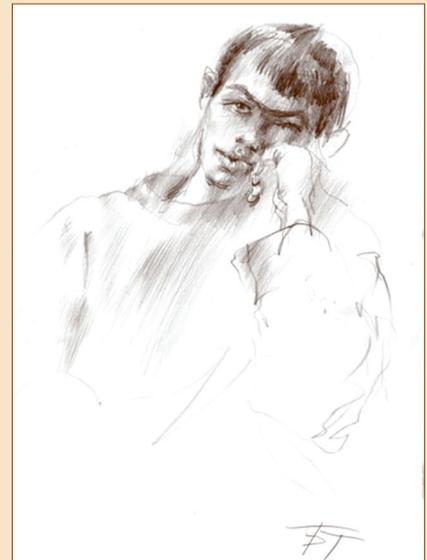
ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Маяк на Эгершельда. 2013. Бумага, акварель. 60 x 70

Света. 2014. Бумага, акварель. 60 x 70

Алексей. 2005. Бумага, картон, 30 x 40

Бронислав Тамулевич на фоне экспозиции зала
Музея истории города Хабаровска. 2014

Рома. 2002. Бумага, акварель. 60 x 70

Экспозиция зала «Сухой Суперджет» на авиационном заводе им. Ю.А. Гагарина (Комсомольск-на-Амуре), 2015

своей предметной среде, которая с течением времени просто канула в Лету. Создать и интерпретировать в небольшом зале музея образ эпохи или значимое историческое событие всего лишь через группу экспонатов, документов и фотографий – невероятно сложная задача. Нестандартность мышления, острота творческой мысли Тамулевича позволяли ему всегда создавать нешаблонные проекты, приближая время минувшее и заставляя музейные предметы «говорить» со зрителем. Он автор художественных концепций и экспозиций залов Музея города Хабаровска, городского Центра патриотического воспитания, экспозиции музея ФСБ и музея внутренних войск.

В своих проектах художник всегда разрабатывал оригинальные демонстрационные конструкции, активно вводил цвет, создавая напряженное поле для размышлений и ассоциаций у зрителя. Большой творческой удачей Тамулевича стало художественно-образное решение зала «Карофутто» в краеведческом музее Невельска, в котором он достиг высокого эмоционального эффекта. Бронислав Тамулевич также автор многочисленных, запомнившихся зрителям выставок в Хабаровском краевом музее им. Н.И. Гродекова: «60 лет Победы», «65 лет Победы», «Сон в Красном тереме», «Навстречу солнцу», «Хабаровск в XXI веке», «Амурское зазеркалье» и многих других. Созданная им как временная выставка «Магия клинка» в Приморском музее им. В.К. Арсеньева экспонировалась в течение пяти лет. За нее Бронислав Владиславович Тамулевич был удостоен премии имени В.К. Арсеньева, которой награждают только жители Приморского края.

Экспозиция зала «Пять талантливых имен» в Хабаровском краевом краеведческом музее им. Н.И. Гродекова. 2014

Экспозиция зала Музея истории города Хабаровска. 2014

Торжественная акция медперсонала перед началом выполнения росписи в отделении паллиативной медицины для онкобольных в клинике Святой Марии в Инчхоне (Южная Корея). 2017

Фрагмент росписи в отделении паллиативной медицины для онкобольных в клинике Святой Марии в Инчхоне (Южная Корея). 2017. Акрил, аэрограф, кисть. 2,5 x 7 м

Фрагмент росписи

Творчество для художника – это жизнь, такая же естественная потребность, как дыхание. Последним осуществленным замыслом Бронислава Владиславовича стала роспись в клинике св. Марии в Инчхоне (Южная Корея) в отделении паллиативной медицины для онкобольных. Завершить ее помогли жена Светлана и старший сын Алексей. Перед тем как приступить к ее воплощению, сделали снимок на память – Тамулевичи и весь персонал больницы. На фото видна большая растяжка с текстом: «Русский художник Тамулевич Бронислав. Руки, наполняющие мир красотой. Благодарим Вас за дар, дающий надежду...»

В аскетичный интерьер больницы вторгся прохладный морской прибой, шлифующий глыбы камня, вечно создающий и разрушающий их. Чайки – верные спутницы трех стихий соединяют землю, воду и безбрежное небо. Синтез стихий – поле возникновения ассоциаций, выплеск энергии и размышлений о покое и гармонии вечности.

Фото из архива семьи художника

От неизвестного художника

Елена ГЛЕБОВА

В небольшом удмуртском селе Ошторма-Юмья на севере Татарстана во время ремонта православного храма неожиданно обнаружили старинные настенные росписи. Автор неизвестен, но сделаны они через 50 лет после того, как здесь в 1843 году возвели деревянную церковь в честь Казанской иконы Божией Матери. Так случилось, что основные работы по их восстановлению взял на себя дальневосточный реставратор Константин Антипов. Сложный и кропотливый труд, полный сомнений, промахов и удач, занял полгода, но в итоге практически стертые временем фрески вернулись к прихожанам, лики святых засияли новым светом.

История этого сельского храма похожа на тысячи других. Возводили его всем миром, пригласив знающих и умелых людей. По проекту он имел форму шестиконечного креста и 15 больших окон, частью храмового комплекса стала колокольня с пятью колоколами. По существующей тогда традиции его не спешили расписывать – его «намаливали», и только в 1897 году алтарь и внутреннее пространство храма украсили настенными изображениями.

«Фрески, созданные более 170 лет назад, поражают воображение, – делится впечатлениями Константин Антипов. – Откуда, каким образом в глубинке под деревянными сводами появились эти замечательные живописные произведения академической школы и высокого мастерства? Кто был их творец? Загадка...» Реставратор предполагает, что им мог стать кто-то из соратников известных русских живописцев Федора Антоновича Бруни и Василия Петровича Верещагина (однофамилец и тезка знаменитого баталиста Василия Васильевича Верещагина, выпускник Петербургской Академии художеств, автор многочисленных росписей в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга, Успенского собора Киево-Печерской лавры, храма Христа Спасителя в Москве, церкви Марии Магдалины в Иерусалиме. – Е.Г.), которые приблизительно в это же время работали над росписью Покровского собора в соседней Елабуге.

Церковь в Ошторма-Юмья к началу XX столетия приобрела известность, ее приход насчитывал около двух тысяч верующих, но после революционных событий 1917-го от бывшего величия не осталось и следа. Колокольню разрушили, церковь обезглавили, перестроили и открыли Дом культуры. Правда, фрески не уничтожили, а покрыли штукатуркой. В 2010 году в селе восстанови-

Храм Казанской иконы Божией Матери в селе Ошторма-Юмья (Республика Татарстан)

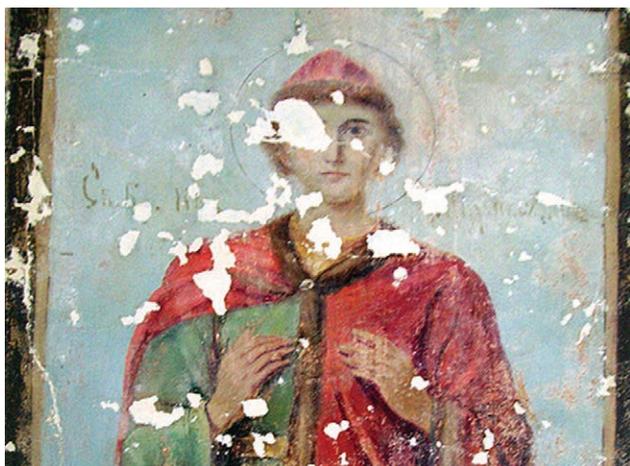
ли православную общину и передали ей здание церкви. Принялись делать ремонт, и вдруг из-под старых слоев извести стали проявляться лики святых.

По словам Константина Антипова, фрески находились в удручающем состоянии, и нужно было спешить. Во время реставрационных работ «открылись» во всем великолепии сюжеты праздников Благовещения Пресвятой Богородицы и Крещения Господня, изображения святого Федора, святого Уалента из сорока Севастийских мучеников, лики святой Магдалины и святой Фотинии. Художнику удалось также обнаружить и восстановить

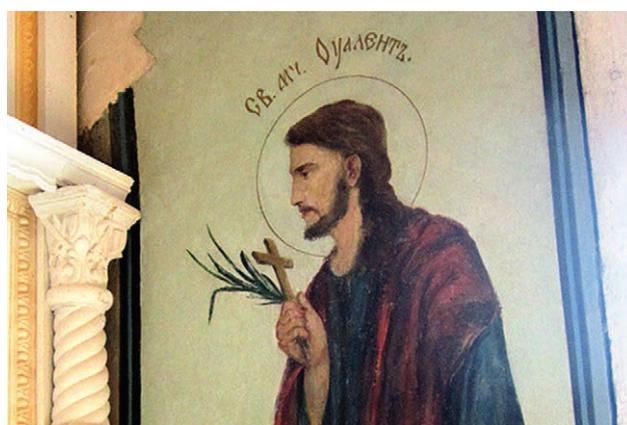

Константин Антипов

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Святой благоверный князь Михаил Муромский. Фреска до и после реставрации

Святой мученик Уалент. Фрагмент фрески до и после реставрации

Благовещение Пресвятой Богородицы. Фрагмент фрески до и после реставрации

образ святого благоверного князя Михаила Муромского, который прихожане Казанского храма почитают как чудотворный.

Жители Ошторма-Юмьи называют приезд художника-реставратора из Хабаровска промыслом Божиим. Он и вправду сделал за полгода почти невозможное. Работая в далекой удмуртской деревне, Константин Антипов вел дневник. Эти короткие записи позволяют почувствовать благодать тех трудных и светлых дней.

Странички из дневника художника

Я на прошлой неделе был настоятелем. Все подались в монастырь – уехали в паломническую поездку в Троице-Сергиеву лавру, оставив церковь на мое попечение. В эти дни по-осеннему неуютно, повеяло холодом. Солнце скрылось, хулиганистый ветер по дорогам мел пыль и гонялся за квохчущими курами, тербя их перья. В храме тихий сумрак, лишь одиноко теплился огонек свечи у аналая. Работал почти на ощупь...

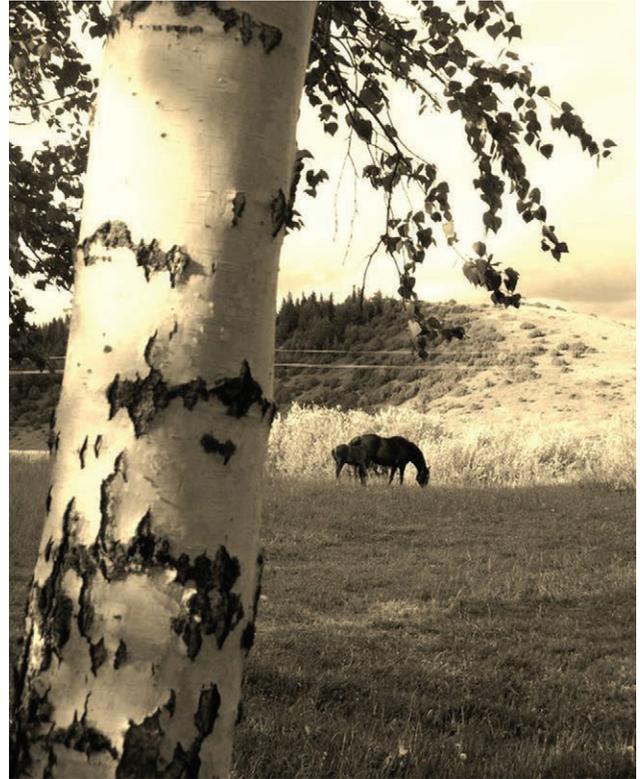
Заходили серьезные, совсем маленькие дети – две девочки. У каждой баночки с земляникой, собранной ими для болящей мамы. Перецеловали все иконки, до аналойной не смогли дотянуться, расстроились... Поставил им стул. Попросили свечечку зажечь. От конфет отказались, сказав, что приходили боженьке помолиться...

Местные жители приветливы, приносят молоко. Молока столько, что девать некуда. Они им скотину поят. И меня.))) А я угощаю всех окрестных кошек. Об этих щедротах прослышали ежики и теперь часто приходят из лесу полакомиться парным молочком.)))

Мне велосипед презентовали в Ошторме, его местный умелец из трех колымаг соорудил. Скрипучий, расхлябанный, с плохими тормозами... Про тормоза я позже узнал.))) Поехал с работы домой, в соседнюю деревню, через поля, и так меня понесло с холма на холм! Красотища, воля, ветер в ушах, рожь цветет, и в ней синими огоньками васильки светятся... В рюкзаке за спиной банка с молоком бултыхается. Увлёкся, вернулся измотанный, затемно. Кошки заждались, смотрели с укором в глазах: «Где тебя носило?»

Был вчера на службе. Весь храм заполнен нарядным деревенским людом – в основном колоритными бабушками в разноцветных цветастых платках и ярких юбках. Мужчины, гладко выбритые, в новых пиджаках и рубашках, застегнутых на все пуговицы, держались небольшой кучкой слева. Бородатых и усатых было только двое – я и батюшка.))) В храме пахло весенней вербой, ее охапки лежали у клироса, возле окон, в проемах которых виднелись раскачивающиеся деревья с вороньими гнездами. День стоял солнечный и ветренный...

Сегодня в светлом, просторном и обновленном храме была праздничная служба в честь Казанской иконы Божией Матери. Через широкие окна виднелись далекие холмы. Вдоль улицы стояли, словно склонившись в

тихой молитвенной печали, березы в накинутых на золотые косы белых шалях. Кружась, сыпал снег. И по белой дороге к еще не замерзшему пруду спешили, хлопотливо гогоча, красноногие гуси.

Отец Леонид вынес икону Богородицы и протянул мне: «Сейчас будет крестный ход, ты понесешь ее...»

В тексте использованы изображения и материалы проекта «Епархия» (www.eparhia.ru), сайта Татарской митрополии, а также фото Константина Антипова

И невозможное возможно...

Творчество художников Советской России в коллекции Дальневосточного художественного музея

Татьяна ЛАВРОВА
Фото Валерия МАЙОРОВА

К 100-летию юбилею Октябрьской революции в Дальневосточном художественном музее состоялась выставка художников Советской России «Ураган времени». Искусство уникальное, достойное восхищения и уважения, благодарной памяти современников и потомков.

Из большой семьи художников, родившихся в 1917 году, назовем четыре фамилии, чьи работы хранятся в музейной коллекции, а сведения об их творческом пути собраны в книге Союза художников России «Мы помним... Художники, искусствоведы – участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (М., 2000).

**Владимир Ефимович
ЦИГАЛЬ**
(1917–2013) – скульптор,
народный художник СССР

Родился в Одессе. Ветеран Великой Отечественной войны, награжден орденом Отечественной войны, многими боевыми медаля-

ми, отдал искусству более 65 лет. С 1991 г. был бессменным руководителем творческой мастерской скульптуры Российской академии художеств, передавая знания и опыт молодежи, будущим скульпторам. Автор ряда памятников, сооруженных в Москве, в других городах нашей страны и за рубежом.

Всем своим творчеством призывал бороться за мир, который необходим народам планеты тогда и сейчас, в XXI веке. «Долой войну!» – взывает символическая фигура воина-ветерана.

В нашем музее хранятся две работы Владимира Цигалья «Народный доброволец» и «Чабан», а в библиотеке музея – альбомы, статьи, книга воспоминаний. От Министерства культуры РСФСР в 1962 г. в ДВХМ поступил скульптурный бюст «Народный доброволец», созданный Владимиром Цигалем в 1952 г. В каталоге передвижной выставки произведений, экспонировавшихся в городах Сибири и Дальнего Востока (М., 1954), произведение описывается как образ молодого китайского патриота в форме бойца народной армии. Гордо поднятая голова, прямой взгляд, сжатые губы, весь облик непреклонный и мужественный. Это был отклик скульптора на реальные события в Китае: Гражданская война в 1949 г. и провозглашение КНР.

«Народный доброволец» – лишь первая часть задуманной автором композиции из трех скульптур – китайского патриота, африканского борца против колониального гнета и русского защитника Отечества.

Художники Вл. Цигаль, Фрих-Хар, А. Посядо и художники советских республик создали целую галерею образов чабанов – пастухов, которые выполняли ответственную, тяжелую и опасную работу, находясь далеко от дома. За высокие

Владимир Цигаль. Народный доброволец. 1952.
Алюминий, литье. 63,0 x 94,0 x 27,0.
Пост. в 1962 от МК РСФСР

Владимир Цигаль. Чабан.
Бронза, литье. 37,0 x 17,0 x 27,0.
Пост. в 1985 от ДВ СХ СССР

показатели их награждали орденами и медалями, многим присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Художник Виктор Цигаль (1916–2005), старший брат Владимира Цигалья, во время пребывания в Дагестане беседовал с чабанами. В книге мемуаров «Встречи в пути» (М., 1996) В. Цигаль описал, как семья собак помогает чабанам перегонять скот на пастбище и охранять отары овец. Дополнить собирательный образ пастуха может рассказ о творчестве хабаровского художника живописца И.С. Петухова (1927–1993). Он ездил в Забайкалье, встречался с чабанами, жил вместе с ними в горах, беседовал со старожилками. Побывал у оленеводов в Аяно-Майском районе в 1963–1969 гг., создал работы «Праздник оленеводов», «Портрет оленевода» и другие.

Вл. Цигаль написал книгу «Не переставая удивляться... Записки скульптора» (М., 1986), в которой знакомит читателей с творческой лабораторией своих памятников героям прошедшей войны. Он пишет: «... моей мечтой было – вернуть их в строй в бронзе, граните и мраморе», что несомненно относится и к двум памятникам Героя Советского Союза, отважному разведчику Рихарду Зорге – на его родине в Баку (1981) и в Москве (1985). Много добрых слов Вл. Цигаль посвящает своим современникам-скульпторам В.Н. Домогацкому (1876–1939), И.Г. Фрих-Хару (1893–1978), И.М. Чайкину (1888–1979), скульптурные работы которых имеются в коллекции ДВХМ.

Дети братьев Цигалей также выбрали дорогу искусства. Дочь Вл. Цигалья Татьяна (р. в 1951 г.), как и отец, выпускница МГХИ им. В.И. Сурикова, побывала в творческих поездках в Сибири, на Дальнем Востоке (Приморье, Курильские острова). В альбоме «Татьяна Цигаль» (М., 1987) есть цветная репродукция портрета Н. Заровой (1982), с которой Татьяна Цигаль встретила на даче СХ России «Сенеж» в Подмосковье.

С 1974 г. Сергей и Наталья Заровные, переехав из Хабаровска, возглавляли офортную мастерскую на даче «Сенеж». После смерти С.П. Заровного (1941–1986) мастерской присвоили его имя. Работы Заровных представлены в коллекции ВДХМ.

Федор Павлович УСЫПЕНКО

**(1917–2000) – живописец,
график, народный
художник РСФСР**

Профессиональный художник Ф.П. Усыпенко посвятил свое творчество военно-патриотической теме. Как член студии военных художников им. М.Б. Грекова принимал участие в военных действиях на Дальнем Востоке в период окончания Второй мировой войны. В ДВХМ хранится литография художника «Вступление Красной Армии в Харбин». Год создания произведения и поступления в музей – 1946-й.

На месте событий 1945 года Ф. Усыпенко сделал зарисовки: китайские крестьяне и дети, порт Дальний... В 1955 г. закончил работу над полотном «Переход советских войск через Большой Хинган». Созданные на Дальнем Востоке работы художника указаны в каталоге выставки произведений «В боевом строю. Творческий отчет за 40 лет военных художников студии им. М.Б. Грекова. Живопись. Диорамы. Графика. Сульптура» (М., 1974).

Кроме Ф.П. Усыпенко творческое наследие художников-грековцев представлено в музее работами М.В. Грекова, Н.Н. Жукова, В.В. Богаткина, В.С. Бибикина, Е.В. Вучетича, Р.Г. Горелова, Е.А. Корнеева, Б.В. Окорочкова, Н.Я. Соколова и других. Это произведения живописи, графики, скульптуры.

Федор Усыпенко. Вступление Красной Армии в Харбин. 1946

Бумага, литография. 452 х 633.

Пост. в 1946 из цеха графики живописно-скульптурного комбината Московского товарищества художников

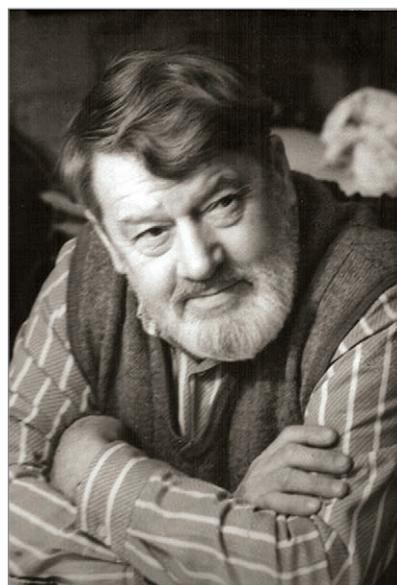
Ф.П. Усыпенко принимал участие в воссоздании «Бородинской панорамы» Ф. Рубо, в создании диорамы «Альпийский поход А.В. Суворова в 1799 г.» (находится в музее-заповеднике А.В. Суворова в с. Кончанском-Суворовском Новгородской области). Удостоен золо-

той медали им. Грекова, также почетной медали Советского фонда мира за участие в создании панорамы «Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом» (открыта в 1982 г., Волгоградский государственный музей-панорама «Сталинградская битва»).

Василий Михайлович ЗВОНЦОВ

**(1917–1994) – график,
народный художник РСФСР**

В памяти художника навсегда остались родные места Вологодской области и образ отца. Отец – сельский учитель, очень любил искусство, музыку. Много занимался рисованием, собирал репродукции, имел неплохую библиотеку. Был первым наставником сына. Будущий художник с детства полюбил природу русского Севера, избрав пейзажную живопись основой своего творчества. Художественное образование помогло осуществить давнюю мечту – стать офортисом. Участие в Великой Отечественной войне научило по-настоящему видеть простую красоту мира. В его послевоенном творчестве графика «мирная», но дипломной рабо-

той в 1952 г. в институте стала серия станковых пейзажей «По дорогам войны». Проявил себя как талантливый педагог, преподавая с 1953 по 1970 г. офорт на гра-

Василий Звонцов. Путники. 1973.
Бумага, офорт. 365 x 424; 209 x 217. Пост. в 1987 от СПСХ СССР

Василий Звонцов. Желязова воля. 1971.
Бумага, офорт. 354 x 419; 211 x 289. Пост в 1987 от СПСХ СССР

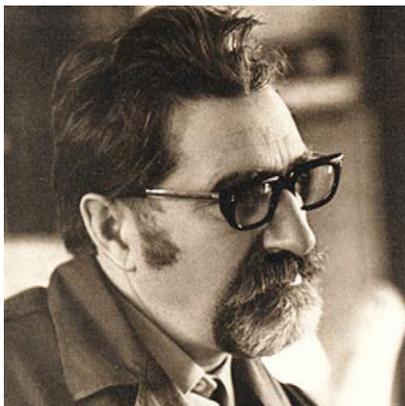
Василий Звонцов. Зимние сумерки. 1955.
Бумага, офорт, акватинта. 165 x 241; 123x177. Пост. в 1987 из СПСХ СССР

фическом факультете института им. И.Е. Репина.

С 1987 года в ДВХМ хранятся восемь работ В.М. Звонцова в технике офорта, созданных в 1950-е и 1970-е годы. С 1957 г. преподаватель приезжал со студентами института имени И.Е. Репина в пушкинское Михайловское на практику. Художник учился сам, наблюдая за природой заповедных мест: переносил в мельчайших подробностях на бумагу увиденное, совершенствуя пластический язык графики. Завязалась на долгие годы дружба, переписка с директором заповедника С.С. Гейченко. Звонцов проиллюстрировал все издания книги С.С. Гейченко «У Лукоморья». В 2003 году в Пскове к 100-летию со дня рождения С.С. Гейченко вышла из печати книга «Как у вас, в Михайловском? или История дружбы в письмах и записках Василия Михайловича Звонцова Семену Степановичу Гейченко».

Искусствоведы, анализируя работы художника, называют предшественниками его творчества «мирискусников» В.М. Конашевича (1888–1963) и Д.И. Митрохина (1888–1973). Отмечают схожесть мастерства: изысканность, мягкий лиричный графический язык, высокую профессиональную культуру, живописность и поэтичность графики. Будучи главным редактором издательства «Аврора», Звонцов готовил к печати альбом о творчестве Д.И. Митрохина. В последние два года жизни Д.И. Митрохина они регулярно встречались, обсуждая предстоящее издание. Об этом Звонцов написал в статье, вошедшей в сборник «Митрохин. Статьи. Письма. Воспоминания» (Л., 1986, с. 417–422).

Иллюстрировал и оформлял книги для издательств «Советский писатель», Детгиз, «Художник РСФСР». Его любимые техники, кроме офорта, – китайская тушь, карандаш, рисунок углем. Написал ряд книг и статей по вопросам изобразительного искусства. Эти издания и каталоги персональных выставок В.М. Звонцова можно найти в Дальневосточной государственной научной библиотеке.

Рейнгольд Генрихович БЕРГ

**(1917–1988) – живописец,
график. Заслуженный
художник РСФСР**

Родился в семье крестьян в глухой деревне в Поволжье. С детства пристрастился к рисованию. Учился в студии для одаренных подростков в г. Энгельсе, в 1933–1935 г. – в Зельманском педагогическом училище. Затем поступил на 2-й курс Саратовского художественного училища, окончив его с отличием в 1938 г. Работал учителем рисования и черчения в школе, в педагогическом училище. В 1940-м призван в ряды Красной армии. Во время Великой Отечественной войны при обороне Смоленска в 1941 г. был тяжело ранен и отправлен в тыл, его демобилизовали. Берг едет к своей семье, находившейся в сибирской деревне близ Кемерово. Сюда же эвакуирован ленинградский детский дом, куда и поступил работать художник. В 1946-м переехал в Кемерово, где жил и работал более двадцати лет. В 1962 г. принят в члены Союза художников СССР за серию гравюр и художественных полотен из жизни Кемеровской области. Работал в технике линогравюры, иногда переходил на ксилографию. Именно в это время наш музей получил линогравюру Р.Г. Берга «Новый коксовый цех» из серии «Из истории коксохимзавода». Берг подолгу жил на шахтах Кузбасса, его привлекали и иные маршруты... На это указывают названия серий графики: «По Средней Азии», «По Горной Шории», «По вологодской земле». Актуально замечание А.П. Лепетухина: «Обычно

Рейнгольд Берг. Новый коксовый цех. 1960.

Бумага, линогравюра. 550 x 520. Пост. в 1961 от Министерства культуры РСФСР

графики мыслят сериями. Несколько листов об одном и том же. Тема как бы поворачивается во времени и пространстве. А художник режиссирует движение настроений и мыслей зрителя: напряжение – завязка, развитие, финал. Есть в серийном мышлении что-то от литературы и театра» (Тихоокеанская звезда. 2005. 9/XII).

В 1965 г. назначен главным художником Кемеровского отделения Художественного фонда РСФСР, с 1967 г. – председатель Кемеровского Союза художников. Пробовал себя в книжной иллюстрации, монументальной живописи. С 1978 г. – директор Дома творчест-

ва «Челюскинской» в Пушкинском районе Московской области. Автор серий гравюр «По Самарканду» и «В Прибалтике» (1982), выполненных в технике пастели. Участник многих выставок, в которых принимали участие и хабаровские художники. Они приезжали в Дом творчества «Челюскинский». Графическое наследие Р.Г. Берга собирают музеи России. Среди них Кемеровский областной музей изобразительных искусств, Палласовский историко-художественный музей (Волгоградская область).

Автор статьи благодарит коллег по ДВХМ за помощь в подготовке материала.

АПРЕЛЬ - СЕНТЯБРЬ 2017 ГОДА

Все имеет свою цену

Марина ИЗМАЙЛОВА

Презентация выставочного проекта «Деньги Гражданской войны: игра престолов» стала для Хабаровского краевого музея имени Н.И. Гродекова поистине революционным шагом. Победитель XIII грантового конкурса благотворительного фонда Владимира Потанина «Меняющийся музей в меняющемся мире» в номинации «Открытая коллекция», проект позволил впервые представить часть уникальной коллекции бон из музейного собрания, которая насчитывает более 1 000 единиц хранения, из них 630 – не повторяющихся.

МУЗЕЙ БЛИЗКО

В 2016 году проект «Деньги Гражданской войны: игра престолов» стал победителем XIII грантового конкурса музейных проектов «Меняющийся музей в меняющемся мире» Благотворительного фонда В. Потанина в номинации «Открытая коллекция»

ДЕНЬГИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ игра престолов

Хабаровский музей
Иммуверальность

31-20-54
30-31-92

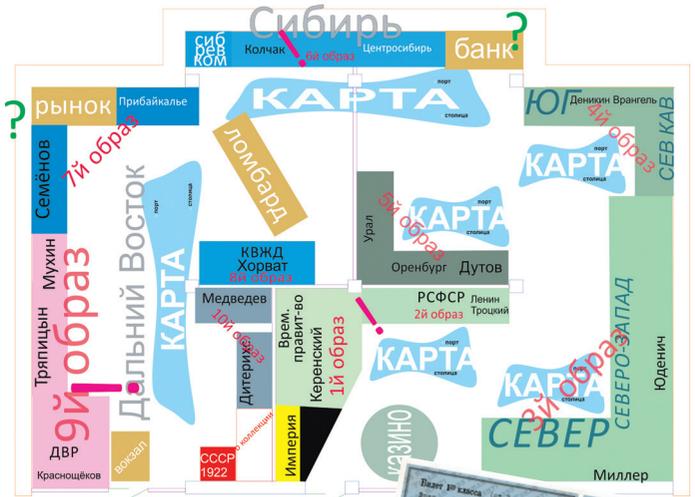
«Имперская Россия»

В год 100-летия революционных событий, произошедших в России в начале XX века, авторами выставки было принято решение «оценить» 1917 год и Гражданскую войну 1918–1922 годов с помощью денежных знаков, выпущенных разными государственными образованиями – Советской Империей, Имперской Россией, Желтороссией и другими. Сколько «стоила» Гражданская война России в денежном эквиваленте? Где расплачивались «колчаковками», где были в ходу «голубки», «воробьи» и «дутовки», почему на одной из купюр оказались моржи и за что деньги Уралоблсовета назвали «кровавыми»? Ответы на эти вопросы можно найти в выставочном зале.

Выставка-путешествие создана по аналогии с циклом романов «Песнь льда и пламени» Дж. Мартина, по мотивам которого снят американский сериал «Игра престолов». А само разделение на «царства» – государственные новообразования того периода – обусловлено территориальным принципом. Советская Империя, Имперская, Новая, Красная, Поморская, Балтийская, Черноморская, Степная, Студеная, Вольная, Тихоокеанская Россия и Желтороссия... Рассказывая о них, музейщики выделяли наиболее значимые моменты. Как называлось, где и сколько времени существовало «царство», «правители», государственные символы и судьба «государства».

Например, такая характеристика дается Югу России. Территория, подконтрольная Добровольческой армии, а затем Вооруженным силам Юга России (ВСЮР) в 1918–1920 годах вошла в историю под неопределенным, как и само революционное время, названием «Юг России». Недруги же называли ее «Деникией» или «Добровольией». Постоянного политического центра у этого государственного образования не было, столицами в разное время являлись Таганрог, Ростов-на-Дону, Севастополь и другие города.

Власть на Юге России находилась в руках военных

План выставки

Правила игры

Билеты игры 1, 2, 3-го классов. Образ врача

и опиралась на армию. Функции главы государства выполнял Главнокомандующий ВСЮР генерал-лейтенант А.И. Деникин, позднее генерал-лейтенант П.Н. Врангель. Выпускалась своя валюта, функционировали законодательный (Особое совещание при Главкоме ВСЮР) и исполнительный (Командование военных областей) орга-

«Дальневосточная республика» и «Таежная Россия»

Образ А.И. Деникина.
«Черноморская Россия».
Художник П. Оглуздин

Образ Е.К. Миллера.
«Поморская Россия».
Художник П. Оглуздин

Образ Д.Л. Хорвата.
«Желтороссия».
Художник П. Оглуздин

ны власти, работали государственные и культурные учреждения. Несмотря на тяжелые условия Гражданской войны, именно здесь нашли приют многие деятели культуры и науки того времени: Михаил Булгаков, Велимир Хлебников, Иван Бунин, Александр Вертинский, Яков Протазанов. В 1920 году под ударами Красной армии бастион Белой идеи на Юге России пал и последний очаг сопротивления большевикам остался лишь на Дальнем Востоке...

В проекте «Деньги Гражданской войны: игра престолов» заложены элементы ролевых книг-путешествий, где «прочитывая» выставочный материал, посетитель переходит на разные «уровни». Этому способствует игра «Узнай себе цену», в процессе которой можно испытать судьбу, выбрав с помощью рулетки персонажа – того, кем посетитель вступит в игровое пространство. Шесть образов, среди которых купец, офицер, эсерка, казак, врач и дама, имеющие исторические прототипы, легенду о жизни до начала военных действий и талисман – символ безмятежного мирного времени. Например, став казаком,

игрок узнает, что он родился в станице Казакевичево Уссурийского казачьего войска. За участие в боях Первой мировой войны был удостоен Георгиевского креста, а февраль 1917-го встретил на Северном фронте в окопах под Ригой. Сохранит или утратит казак свой талисман – серебряный портсигар? От этого зависит будущее героя.

После выполнения всех игровых заданий на «Вокзале» участнику выдается билет того класса, которому соответствует сумма набранных очков. Если знания и находчивость помогли ему набрать такое количество баллов, за которое можно получить билет 1-го класса, то он узнает, благосклонна ли была к нему судьба и где его талисман.

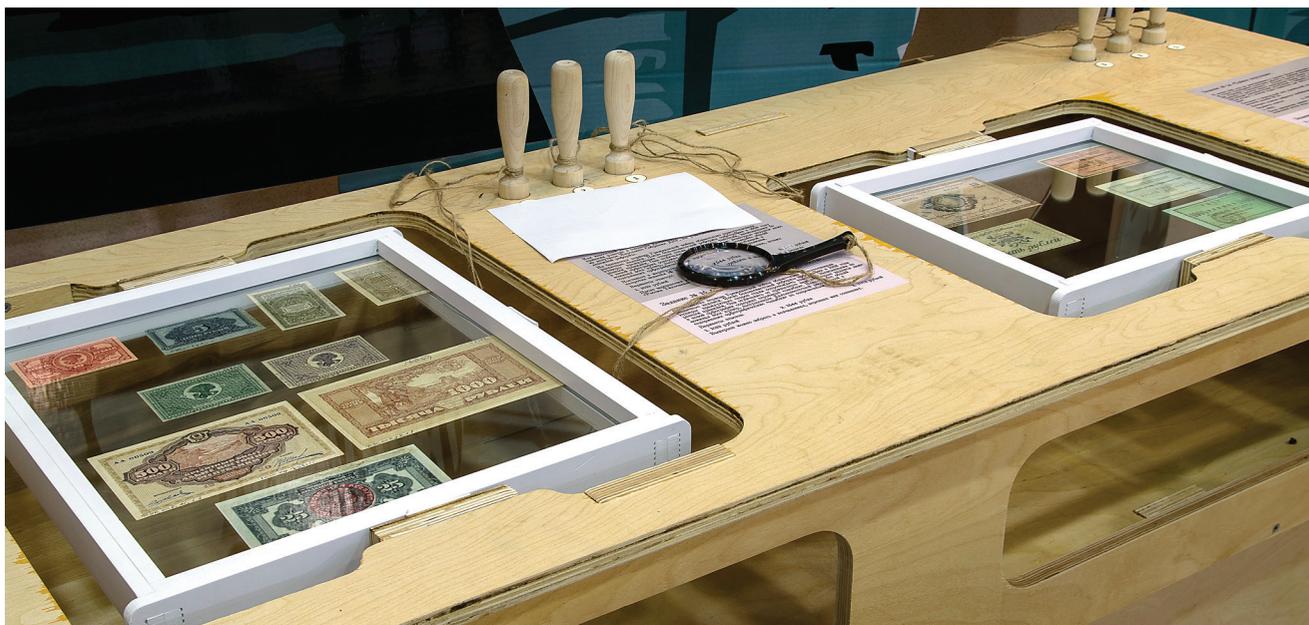
Главным героем проекта выступает уникальная коллекция денежных знаков. Они, как один из атрибутов государственности, оказывают мощное влияние на человека, придавая государству или новообразованию, претендующему на эту роль, статус легитимности в сознании гражданина. Деньги – действующее лицо эпохи и историческая оптика, через которую можно детально рассмотреть события Гражданской войны. Они характеризуют особенности денежной политики и экономической жизни: чем обеспечивался выпуск денежных знаков, покупательная способность бон, бытовые анекдоты и ситуации, связанные с хождением разных купюр.

Например, эмиссия в Советской России имела глобальные масштабы – в день печатали по 140 миллионов рублей («совзнаков»). К апрелю 1919 года советская власть выпустила около 90 миллиардов рублей, из которых 80 миллиардов – «керенками». Их печатали везде, где только было возможно. Даже в обозах красных захватывали печатные станки, изготавливающие «керенки» для нужд фронта. А Временное Сибирское правительство летом 1918 года приступило к выпуску купюр, получивших название «сибирок» и «сетчаток». Вскоре они заполнили всю Сибирь и Дальний Восток, перемешавшись с обильным потоком фальшивок. В Чите на черном рынке в июле 1919 года за рубль золотом просили 33 рубля «сибирками», в декабре – 167, а к июню 1920 года – 1 250 рублей.

В Хабаровске в середине 1920 года на «сибирки» фунт хлеба «военного размола» дошел до 50 рублей, фунт мяса до 1 тысячи рублей, а сажень дров стоила 60 тысяч – это при условии, что продавец соглашался принимать колчаковские обязательства.

В Сибири с мая 1918 по январь 1919 года цены на продукты выросли более чем в семь раз. Во Владивостоке чай «Кирпичный» стоил 480 рублей пуд, в Иркутске – 1 800, в Ново-Николаевске (Новосибирске) – 2 500. В феврале 1920 года постановлением советской власти «сибирки» аннулированы без какой-либо компенсации держателям.

Художественный аспект денежных знаков представляет интерес с точки зрения дизайнера, значения символики, художественных образов. «Северные рубли», выпускались при поддержке британских предпринимательских кругов, поэтому на всех «северных рублях» присутствовало необычное гарантийное обязательство: «Государственная эмиссионная касса разменивает кредитные билеты на

Денежные знаки Дальневосточной республики

Денежные знаки «Красной России»

фунты стерлингов без ограничения суммы. По курсу 40 рублей = 1». По внешнему виду они напоминали царские рубли, но на них отсутствовали царские вензеля и портреты, а имелась надпись «Северная Россия». Первые изготовленные кредитные билеты были напечатаны с «ошибкой» – оставлены императорские орлы, короны и фраза, что билеты имеют хождение «по всей империи», что вызвало у населения недоумение и ропот недовольства. Уже в Архангельске пришлось все «царское» заштемпелёвывать черной краской. Хотя выпускались они в тех же цветах, что и «царские» деньги, но на более толстой и грубой бумаге, поэтому водяной знак несколько отличался от подобного на бумаге русского изготовления.

С помощью денежных знаков, которые становятся ключевым и самостоятельным элементом выставочного проекта, дается характеристика государственных новообразований в период с 1917 по 1922 год. Информация о том, когда, где, кем выпущены боны, масштаб эмиссии,

позволяет проследить политические тенденции, международные альянсы и инвестиции.

Впервые к созданию художественных образов, наполнивших зал, был привлечен театральный художник Павел Оглуздин. Возможно, именно этот факт позволяет посетителю ощутить себя на «сцене» исторических событий. Архитектором выставочного проекта Романом Рябчуком созданы инсталляции – «Ломбард», «Вокзал», «Банк».

Выставочный проект «Деньги Гражданской войны: игра престолов» помогает понять, как влияли товарно-денежные отношения на жизнь обычного человека. Как те, кто творил историю нашей страны, встав во главе государственных новообразований, проводили денежную политику и выстраивали экономические отношения. Стремясь создать свою государственную систему, многие правители «просчитались»: не все в это смутное и беспокойное время можно было купить и продать, но все имело свою цену.

Энергия линий

Ольга ПРИВАЛОВА

В Японии существует традиция давать детям имя в качестве пожелания обладать ими в будущем. «Вакана» переводится как «молодой росток», а фамилия семьи Ямаучи означает «горный дом». Удивительно, но такое сочетание глубоко отражает личностный путь этого художника, идущего трудной дорогой.

Первая встреча с Ваканой Ямаучи произошла в галерее Иокогамы в 2009 году. С присущей японцам застенчивостью и скромностью она попросила посмотреть ее работы. Графическая фактура листов ошеломила. Они дышали чувствами и чувственностью. Перед нами были работы оригинального мастера, живущего энергией краски – ее личностная суть от соприкосновения с миром откровенно творила изобразительную чувственность. Тема – люди, улицы, дома, в которых они живут. Цвет – серый, почти черный, в размывах с коричневым, синим, фиолетовым – можно сравнить с оттенками жемчуга от черного до лаконично белого.

Традиционной японской изобразительной культуре присуще чувственное отношение к жизненным реалиям, но внешняя эстетика доминирует, облагороженная линейностью и локальным пятном. Графические композиции молодой художницы были переосмыслены в духе европейской школы экспрессионизма, где эмоциональная атмосфера выплескивается на зрителя. Она показала мир своих современников с обостренной ранимостью, ее графика ассоциировалась с миром образов художников, обладающих трагическим мироощущением, – Тулуз-Лотрек, Ван Гог, Эгон Шиле... И в памяти остался образ художницы, хрупкой девушки с открытой эмоциональностью во внешне рафинированной Японии.

Она как будто живет в пространстве духа искусства, где нет времени и расстояния, и творить можно всегда и везде. В ее первый приезд в Россию она узнала о необычном человеке Миямото Цутому, художнике из ее города. Пройдя ад испытаний в плену, он посвятил свою жизнь дружбе людей двух стран через искусство. Каждый год художник приезжал на место воспоминаний, отдавая долг памяти тем, кто остался навечно на чу-

Без неизменного нет Основы. Без изменчивости нет обновления.

Мацуо Басё

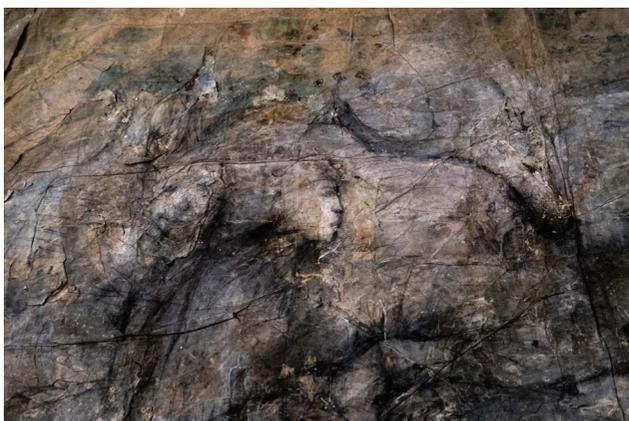

Вакана Ямаучи

гой земле, и даря свои произведения музеям Дальнего Востока.

Вакана Ямаучи из тех людей, кто может услышать историю жизни и войти в резонанс с энергией соучастия. Она приняла миссию Миямото Цутому творить мир дружбы между странами, и приезжает в Россию каждые два года с новыми творческими проектами. Ее творчество носит проектный характер. К приезду в Россию она всегда готовится скрупулезно. Определяет основные мысли, пишет их на русском языке в плакатной форме, готовит краткую речь на русском, привозит различную печатную продукцию, небольшие, но очень трогательные подарки, сделанные собственными руками. Так, в 2013 году ее выставка называлась «Человек в городе». Надпись на одном из плакатов: «Причина – моя картина бытия». Словарный перевод приобретает особое знаковое звучание. Действительно, ведь художник создает свою картину бытия, и изображаемый мотив повседневности является его неотъемлемой частью.

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Проект, посвященный трагедии в Фукусиме. Фрагменты выставки. Maruki Galley, Иокогама. Март 2016

Вакана Ямаучи – художник, который не мыслит себя вне постоянного художественного процесса, рисуя непрерывно. Натура – это источник для постижения сложной человеческой природы, понимания эмоции как рефлексии взаимодействия с миром. Рефлексия – термин из психологии. Выразить эту тайную сторону человека так же трудно, как и определить понятие «художественность» как сокровенный личный опыт каждого творца. Интересно высказывание Бориса Пастернака: «Искусство не название разряда или области, обнима-

ющих необозримое множество... явлений, наоборот, нечто узкое и сосредоточенное, обозначение начала, входящего в состав художественного произведения, название примененной в ней силы, произведения говорят многим: темами, положениями, характерами, героями. Но более всего говорят они присутствием искусства». Определение художественности не поддается формуле, но ее присутствие переживается как влияние некой духовной силы, энергии, чего-то подлинного и прекрасного.

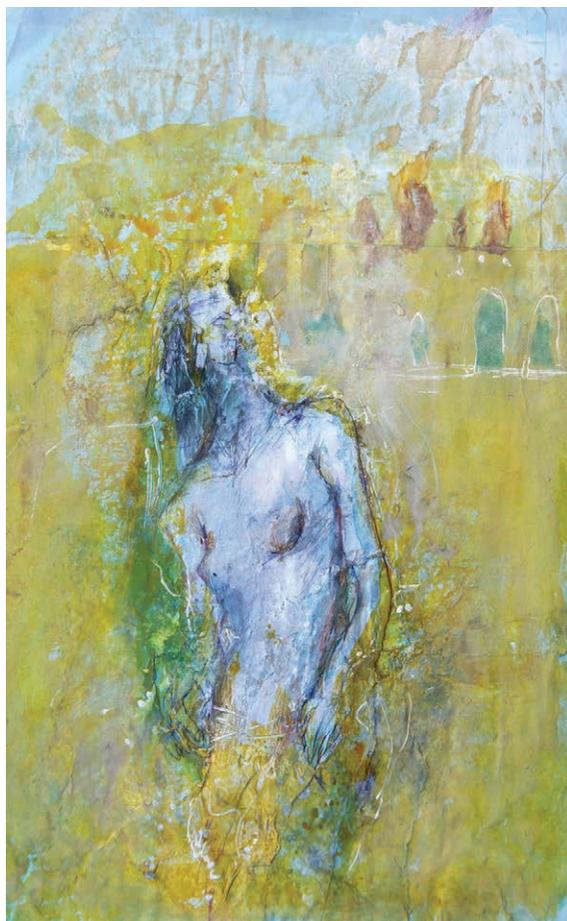
Наблюдение за творческим процессом Ваканы Ямаучи существенно приближает к этой тайне. Быстрые взгляды на натуру, когда она улавливает поворот, жест, взгляд – все, что составляет динамику мгновений. Ей важно схватить мгновение как возможность отражения определенной сути предмета. Именно в этот момент человек не позирует, а пребывает в своем истинном состоянии. Художник, не вмешиваясь в это пребывание, открывает какую-либо характерную деталь внутренней природы человека. Графический материал разнообразен и способствует поискам выразительности образа. Для российского зрителя непривычно, что какая-либо часть человеческого тела уже может содержать образный мотив. Нарисовав дерево (куст), она присоединяет только ногу в ботинке (сапоге) стоящего рядом человека, что действительно соответствует реальному факту, а фрагмент природы ожил. В этом чувствуется синтоистское мышление неразделенности всего сущего на Земле. Вечером, просматривая этюдные работы, с удивлением обнаруживаешь фигуры людей, мимо которых быстро проезжали, но тем не менее фигуры выражают богатую палитру эмоций, становясь знаками представленной мысленно судьбы. И когда она успела нарисовать, ведь машина не останавливалась?! Образы на бумаге, возможно, неожиданные и для самого автора, художница с интересом рассматривает этюды, эмоционально вспоминая увиденное.

Вообще процесс работы любого художника обладает зрелищностью. В случае с Ваканой Ямаучи зрелищность – качество фокусника. Ей мало кисти, она может что-то подправлять пальцами, растирая красочный полив, может протереть бумагу до дыр, надорвать какую-то часть (бумага тонкая, рисовая). Часто бумага склеена в два слоя, и второй слой имеет также красочные пятна, которые проникают на первый слой, обогащая живописность. Вот художница впервые пробует борщ – и вдруг начинает быстро рисовать портрет, используя свекольную воду для выделения розоватого цвета лица сидящего напротив человека. Красный перец, купленный на рынке, на следующее утро превращается в живописный акцент в пейзажной композиции.

Мастер-класс «Портрет» в галерее «Метаморфоза» проходил в течение трех часов. Художница не прерываясь, стоя, наклонившись, рисовала портрет за портретом, и каждый начинался по-разному. Например, перед ней художник-график, его творчество проникнуто жизненно-философскими коллизиями, но она этого не знает и начинает рисунок с красного тонового пятна – фона, глаза его делает пронзительно острыми, напряженными, лицо без улыбки, хотя в тот момент оно у него спокойное, с легкой улыбкой. Другой пример еще удивительнее. Сначала она набросала портрет двухлетнего ребенка, а через некоторое время позировал его отец (конечно, она этого не знала). Вдруг Вакана начала работу также с голубого фона, и на портрете появились глаза того малыша, ясные и открытые... Услышав шум вокруг, художница подняла голову, всмотрелась в мужчину и засмеялась, поняв, что это был отец. Поразительное чувство незнакомца, когда она ментально схватывает самое характерное.

Дерево дружбы. Арт-галерея «Метаморфоза». Комсомольск-на-Амуре. Август 2015

Из серии «Люди и город»

Арт-галерея «Метаморфоза». Комсомольск-на-Амуре. Август 2015

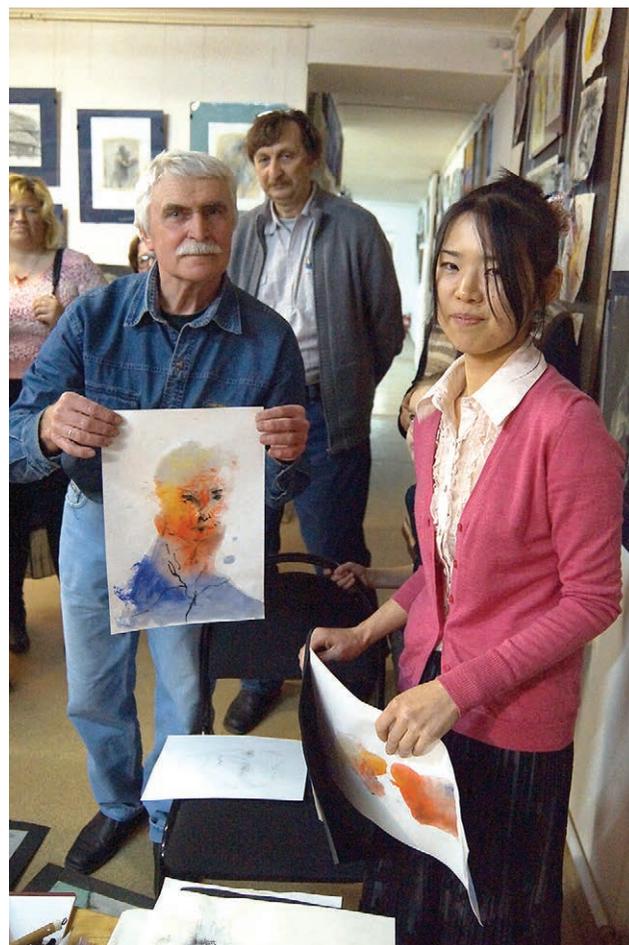
Ее этюды имеют серьезный характер – они своеобразное чудо творчества, в котором соединяются чувствование, мастерство и пластическая импровизация. Из записей на русском языке (работа со словарем):

*А человек бесконечности, человек бесконечности
Я могу показать вам мою личность неограниченно,
тут и там.*

*Я свободно рисовать линии и мощно отпустить их.
Фигуры выглядят так – это бесконечности...*

Вакана Ямаучи получила традиционное художественное образование, но желание выразить неограниченный мир человеческого в разных проявлениях приводит к абстрактному началу. Абстракция, по сути, композиция первоначальных элементов художественного языка (цвет, точка, линия). Предпочтение абстрактного искусства привело ее в группу известных японских абстракционистов, и ежегодно она выставляет с ними свои работы в галереях Гинзы (Мекка современного искусства в Токио).

В августе 2015 года возник мотив приезда – «Дерево дружбы». Она написала на русском языке: «Не стоит забывать о жертвах». «Я хочу нарисовать картину в ожесточении сильного потока чувств». Так она выразила свои чувства на русском с помощью словаря. Думаю, кредо ее творчества – «оживление материала» духовной субстанцией. Поэтому широко используются коллажи именно из японской бумаги разной фактуры, которая сама по себе

метафора истинной (природной) чувствительности, имманентно присущей человеку. Кроме того, японская бумага хорошо сохраняется в течение столетия, хорошо переносит климат. А художнику важно донести свое слово через временное пространство. Вероятно, она пишет стихи, потому что ее творчество органично в образах драматургии, где переживание рождает катарсис возрождения духа человека. В ее творчестве живет удивительный сплав мощной мужской энергии преодоления и состояния женской чувствительности к реальному миру.

Вопрос Ваканы Ямаучи «Будет ли будущее, если забыть прошлое?» – трудный лейтмотив для эстетической формы. Но художник пишет не предмет, а связи между реальностями, восприятием и отражением. Связь между содержанием и пластикой выходит на уровень ассоциации и символа, и ее дерево вырастает как знак красоты Жизни в преодолении. Движение идет из точки (семени) в линию, выходящую в глубину плоскости, соединяется с красным шаром – и перед нами объемность мысли как глубокое проживание реального и воображаемого. Она ищет точки соприкосновения света и тьмы – вечная мифологема жизни. Какой путь совершает человек во тьме в поисках света? У всего есть оппозиция, но у человека имеется выбор в решении этой коллизии. Точка может трансформироваться в линию, а может противостоять ей. Тень не может быть без света, и что есть добро и зло? «Береза соединяется с сакурой и рождается красный плод – плод жизни. Это живое чувство памяти – не

Проект «Мать Фукусимы». Япония

Вакана Ямаучи и Игорь Грабовский рисуют портреты друг друга. Арт-галерея «Метаморфоза». Комсомольск-на-Амуре. Август 2015

следует забывать войну, не следует забывать о жертвах. Пусть будет мир...» Говоря об этом, Вакана Ямаучи в то же время думала и о трагедии, случившейся 11 марта 2011 года на Фукусиме. После этого события она стала волонтером в центре эвакуированных.

«Когда я пишу картину, то знаю, что всегда есть свет среди глубокого отчаяния. Япония – единственная страна, которая испытала взрыв атомной бомбы, также пострадала от ядерного взрыва в Фукусиме. Единственное, что я могу сделать, это найти истинную красоту даже в отчаянной ситуации, ибо там должна быть надежда на истинную красоту. Я смотрю на луч света – это я смотрю на красоту». Мифология рождается жизнью. На Фукусиме она познакомилась с удивительным человеком – фермером. Он не отдал свое стадо коров на уничтожение. Он до сих пор ухаживает за ними, старается лечить, провожает в иной мир. Эта жизнь – его драгоценность, его смысл жизни. После картины «Мать Фукусимы» она начинает писать цикл графических работ. Содержательность человеческого духа монументальна, и эти произведения органично растут как монументальная фреска в динамике горизонтали. Драматический мотив содержания цикла рождает пластически ясное ядро композиции, но трудное по восприятию. И хотя это обращение напрямую к эмоции, но тем не менее предполагает ассоциативно художественное чувствование.

Геометрия формата работ выстроена по доминирующей горизонтали – зритель как будто идет вдоль и прочитывает живописный текст, но одновременно он направляет взгляд вверх, чтобы охватить пространство в целом: «... большая, чтобы сделать проще для лю-

дей, чтобы почувствовать себя, как будто вы там были со мной» (Вакана Ямаучи). Помимо динамики масштаба есть многомерная живописная структура – комбинация живописного тона и коллажа. Эта натурная реальность (цвет земли, пепла и т. п.) ассоциативно трансформируется в символическую категорию (горе, потери), а живописный тональный объем рождает проблески света. Графический рисунок лаконично очерчивает сюжетные фрагменты. Их немного, но энергия линий, контуров проникновенна. Обобщенное содержание рождает образ мужественного преодоления. И этот цикл сопровождается большим количеством отдельных графических работ, в них мотив концентрированности на внутренней экспрессии. Художник буквально погружает зрителей в «портретную» галерею ракурсов частей тела животного, чтобы мы почувствовали боль всего живого на Земле. Возможно для европейского человека это непривычный взгляд, но синтоистское мышление позволяет глубоко прочувствовать трагическую суть. Этот художественный проект имеет широкую профессиональную поддержку и, в целом, общественности Японии.

В августе 2017 года некоторые композиции из цикла под названием «Пастбище» были выставлены в Дальневосточном художественном музее в Хабаровске.

Хрупкая молодая женщина, она всегда старается быть незаметной, но как преображается, когда речь идет об искусстве, о людях: «Я хочу, чтобы исполнилось желание Миямото Цутому. Я хочу быть связанной с людьми. Мы должны понимать друг друга без политики, мы должны извлечь уроки из прошлого, чтобы мир был без войны, надеюсь, что не будет в мире войны».

Джазовые импровизации

Яков РОЙЗМАН

Хабаровский музыкальный театр. Ведущий объявляет очередной номер Дальневосточного фестиваля молодых исполнителей эстрадной песни и танца «Звезды Амура». Вот-вот назовут имя очередного участника, и уже звучат первые аккорды известной джазовой мелодии. Стоя за кулисами, она вслушивается в каждую ноту. Голос ведущего отражается от стен зала эхом: «... для вас поет Наталья Колпакова!»

Наталье было года четыре, когда она впервые запела. Всякий раз, отправляясь с мамой и сестрой в путешествие на поезде, она устраивала «концерт по заявкам». Скучно было девочке просто так ехать, вот и затягивала русские и украинские народные песни, которые слышала на праздниках в кругу семьи. «Не знаю, насколько хорошо я тогда пела, – вспоминает Наталья, – но пассажиры из соседних купе просили повторить».

Окончив Благовещенский колледж, Наташа отправилась в Хабаровск и поступила в институт искусств и культуры. Она еще не знала, что обучение на кафедре музыкальной эстрады и джаза завершится для нее вручением диплома с отличием и откроет дорогу для педагогической деятельности на этой же кафедре. В 2001 году, еще во время ее обучения, сюда пригласили доцента Российской академии музыки им. Гнесиных Ю.И. Олезарова, который приехал на Дальний Восток, чтобы возглавить только что построенный Хабаровский государственный цирк. Прослушав студентов, обучающихся по направлению эстрадно-джазового пения, он предпочел взять в свой класс вокала только Колпакову. Занятия проводил в помещении цирка, так как в то время кафедра не имела качественной усилительной аппаратуры. Он всегда говорил своей студентке, чтобы не спешила петь джаз, не освоив культуры пения.

2002 год приносит девушке участие в концертах Дальневосточного джазового оркестра под управлением заслуженного артиста России Виталия Каракуза. Ноябрь – очередная первая премия Дальневосточного фестиваля «Звезды Амура» и звание лауреата. Первые месяцы 2003-го Наталья посвящает подготовке к Восьмому региональному фестивалю «Дальневосточный джаз». Композиция Every day, великолепно исполненная молодой певицей, покоряет публику. На этом празднике импровизации На-

талью признают лучшей джазовой вокалисткой. Но, как оказалось, это не последнее событие в наполненном творчеством году. В мае старший преподаватель Наталья Сергеевна Колпакова подает заявление о допуске к сдаче кандидатских экзаменов для поступления в аспирантуру и успешно их сдает. Она становится соискателем ученой степени кандидата педагогических наук в Санкт-Петербургском государственном институте культуры.

«Мне всегда казалось, что для лауреата конкурсов и фестивалей педагогическая деятельность не способ самовыражения, а скорее обычная рутина», – размышляет Наталья. – Но без рутины, какой бы тяжелой она ни была, лауреатом не станешь. Сколько было слез, сколько было нервных срывов... Но ведь я сама выбрала такой путь. Это не жертвы. Я хочу часть своей жизни посвятить любимому делу. А будет ли мое имя вписано в историю эстрадной песни – это уже другой вопрос». Вокальные умения и навыки Наталья Сергеевна передает своим студентам. Многие ее выпускники работают по всему Дальнему Востоку, продолжая заниматься педагогической и исполнительской деятельностью. Некоторые из них стали вокалистами в Москве и Санкт-Петербурге.

На протяжении семнадцати лет Наталья активно участвует в творческой жизни молодежи. Совершает поездки по всему Дальнему Востоку в качестве члена жюри вокальных конкурсов и фестивалей. Одновременно проводит мастер-классы по направлению эстрадно-джазово-

Магистранты Московского института культуры, класс Л.А. Долиной

го вокала. Участниками таких встреч становятся педагоги музыкальных колледжей, школ, руководители вокальных студий и сами конкурсанты. Такие встречи важны, потому что участники обмениваются опытом работы с молодыми исполнителями, обсуждают современные тенденции и новые методики в области эстрадного вокала.

На Дальний Восток нечасто приезжают кумиры эстрадного вокала. Уже давно не балует слушателей Хабаровска джазовая певица Тина Носуль, живущая ныне в Сеуле. Валентина Пономарева служит в Московском цыганском театре «Ромэн». Ушли в прошлое джазовые фестивали, где блистали многие джазовые певицы. Но прошло время, и наступили перемены к лучшему. С появлением биг-бенда под руководством заслуженного работника культуры РФ Сергея Кузнецова при оркестре штаба Восточного военного округа у молодых музыкантов вновь появилась возможность проявить себя в джазе. Большую роль в этом сыграли талантливые дирижеры – начальник оркестровой службы Вадим Пахомов и начальник оркестра Павел Сергеенко.

Сегодня многое способствует развитию эстрадно-джазового вокала в нашем регионе, и молодым преподавателям нужно брать в свои руки это направление, тем более что среди них есть по-настоящему одаренные люди. Так, обладательницей Гран-при международного конкурса «Увеличительное стекло» стала хабаровчанка Наталья Колпакова, представившая номер в номинации «Джазовый вокал». Конкурс состоялся в Подмоскovie и объединил около 700 танцоров, вокалистов и инструменталистов из России и стран СНГ. Лицензирование этого жанра в Хабаровском институте культуры, без сомнения, будет способствовать развитию вокальной школы на Дальнем Востоке.

Всегда становятся яркими событиями творческие проекты ансамбля русских народных инструментов под ру-

ководством заслуженного работника культуры России профессора Н.Ф. Семенов и джазовой певицы Натальи Колпаковой. Такой творческий альянс приносит большой успех всем музыкантам. Иногда приходится удивляться, как Наталья может перевоплощаться из джазовой певицы в народную. Но здесь просматриваются истоки пения, ведь джазовый вокал возник на основе народной песни.

В 2015 году Наталья поступает в магистратуру при Московском институте культуры в класс к народной артистке России Л.А. Долиной, возглавляющей кафедру эстрадно-джазового вокала. В России знают Ларису Александровну как величайшую эстрадно-джазовую певицу, прошедшую большой творческий путь начиная с оркестра Олега Лундстрема. В Хабаровске давно существует потребность в педагоге с западной школой. Ведь ни для кого не секрет, что эстрадных вокалистов готовят педагоги, получившие образование по таким направлениям, как хоровое дирижирование или народно-хоровое пение. Специфика эстрадного вокала, тем более джазового, существенно отличается от перечисленных направлений.

На ежегодном конкурсе «Студенческая весна» постоянные участники – студенты класса Натальи Колпаковой. В 2015 году ее ученица Ксения Гоголева дважды удостоена звания лауреата первой степени – в номинации «Эстрадно-джазовый вокал» на VI Всероссийском вокально-чтецком конкурсе Российской общественной академии голоса и на краевом фестивале «Студенческая весна». Ксения активно занимается концертной деятельностью в Хабаровске и за его пределами. Молодая перспективная певица мечтает связать свою жизнь с исполнительской и педагогической деятельностью. Это значит, что джазовая история Дальнего Востока продолжается.

Трофеи аккордеониста

Марина ЦВЕТНИКОВА

В Хабаровске живет и удивительно ярко проявляет себя в филармонических проектах уникальный музыкант. Блестящее образование: Российская академия музыки им. Гнесиных, стажировка-ассистентура в Москве, трехлетняя стажировка в Париже, множество конкурсов, российских и зарубежных, где он неизменно получает только первые премии и золото. Знакомьтесь: аккордеонист Александр Веретенников.

Выбор и годы учебы

На мой первый вопрос, почему все-таки выбор пал на аккордеон, Саша рассказал забавную историю из детства. Когда-то в семилетнем возрасте он нашел в сарайчике небольшой чемоданчик, в котором оказался... аккордеон. Звучание инструмента так его покорило, что выбор был сделан в пользу именно этого инструмента, и он поступил в музыкальную школу. Несмотря на значительные успехи, Саша не планировал становиться профессиональным музыкантом. Большое влияние на него оказал преподаватель Хабаровского колледжа искусств В.А. Никиточкин, выдающийся педагог, воспитавший целую плеяду ярких исполнителей. Закончив колледж по классу аккордеона у этого мастера, Веретенников прошел прослушивание у профессора В.А. Семенова в академии им. Гнесиных, поступил туда и также блестяще ее закончил, занимаясь у ученика профессора, А.В. Селиванова. Тогда же у него появился исключительный инструмент, за которым пришлось ехать в Италию. В дальнейшем талантливый музыкант поступил в ассистентуру-стажировку к своему профессору.

Конкурсы

Александр Веретенников – конкурсант от Бога. Сколько талантливых исполнителей становятся заложниками своей неустойчивой нервной системы и в итоге блестящая подготовка, мастерство и технические достижения не приводят к желаемому результату! Но не таков наш герой. У него настоящие качества победителя. Участвуя еще в годы учебы в колледже в своих первых международных конкурсах во Владивостоке, он неизменно получал первые места. Затем Дельфийские игры в Подмосковье, которые принесли хабаровскому музыканту золотую медаль.

Последовали победы в странах Европы. На конкурсе «Трофей мира» в испанском городе Виго он завоевал первое место. А потом был конкурс во Франции – Гран-при в городе Монрон-ле-Бен – и вновь первое место. С таким послужным списком престижных побед вполне можно рассчитывать на статус музыканта – гражданина мира.

Творческая деятельность началась в Хабаровской краевой филармонии в 2008 году, когда Александр еще учился в Гнесинке. Мне впервые довелось услышать его в летнем проекте 2016 года «Два рояля» и ощутить такое мастерство, что не видно мастерства. Он играл разнообразнейшие танго, и возникало ощущение, что жанр вышел за свои рамки. Он вызывал ассоциации с вестерном и сумеречными драмами американского драматурга Юджина О'Нила, столько в них было накала и страсти. В осеннем проекте «Истории парижского кафе» аккордеонист сорвал едва ли не самые громкие овации, сыграв попури на знаменитые французские шлягеры.

На вопрос, почему при таких громких победах, когда были покорены практически все страны Европы, он все же остановил свой выбор на Хабаровске, музыкант сказал, что нигде не встречал столь горячей и откликающейся публики. Два проекта «Осенний шансон» и «Танго – пламя страсти» – ярчайшее тому доказательство. А в марте состоялся аншлаговый проект «Аргентинское танго» с привлечением танцоров из центра «Аргентинское танго». Давно такого не было, чтобы в Хабаровске метров за десять до входа в филармонию спрашивали лишний билетик...

Так вот, самое дорогое для него – это чуткая публика и накаленный зал. Только тогда бывает отдача, когда твоего концерта ждут, когда тебя встречают восторженные аплодисменты. Саша привел в пример одну неприятную историю, которая случилась в концертном зале Гнесинки. Музыкант, представлявший свою программу, учился в Москве, но родом был из Нижнего Новгорода. Этого оказалось достаточно, чтобы подвергнуть молодого артиста чуть ли не остракизму. Публика пришла с нотами (чтобы следить за правильностью текста и другими нюансами). Музыкант поборол негативные эмоции и сыграл так, что

начались восторженные «бисы». Характер у него оказался бойцовским, а ведь другого исполнителя такая публика могла запросто сломать.

Хочется подробнее остановиться на проекте «Танго – пламя страсти», в котором главным героем был Александр Веретенников. Публика сделала свои выводы: если заявлены такие имена, как Александр Веретенников (аккордеон), Владимир Будников (рояль), Юлия Николаева (скрипка), Арина Никитина (вокал), Вадим Проць (вокал), а программу ведет Ирина Батраченко, то проект просто обречен на успех. Идея этого яркого действия инициирована Владимиром Будниковым. Альфой и омегой проекта стал Александр Веретенников.

Программа разнообразна и достаточно сложна. Жанр танго вышел за рамки танца и скорее походил на большие инструментальные полотна, включающие самые разные стили и направления – свинг, джаз, поп. Центральной фигурой исполняемых произведений был композитор Астор Пьяццолла, который необыкновенно популярен в мире сегодня. Именно в танго Пьяццолла достиг совершенства, усложняя и углубляя язык этого жанра. Не сразу признанный на родине, в Аргентине, Пьяццолла не отступает от поисков именно своего непростого стиля, привнося элементы драматизма, театрализованности, глубины. Ярко прозвучали и другие композиторы, пишущие танго. Особенно хочется отметить Ришара Гальяно и его динамичное, с пьянящей энергетикой «Нью-Йорк танго». Почти все произведения исполнялись Александром Веретенниковым в тандеме с роялем (Владимир Будников). Мастерство, слаженность дуэта просто покоряли, было видно, какая гигантская работа проделана музыкантами. Интересен вокал Арины Никитиной – певицы, полюбившейся за яркое эмоциональное исполнение в проекте «Французский шансон». Ее исполнению присущи выразительные краски голоса, красивый тембр, необыкновенная эмоциональность.

Ко второму отделению, как и предсказала Ирина Батраченко, атмосфера продолжала накаляться. Фурор вызвал концерт в трех частях украинского композитора В. Зубицкого, посвященный Астору Пьяццолле. Александр Веретенников превратил аккордеон в отчасти ударный инструмент с элементами вокала. Мягким и лиричным «Танго для Клода» Ришара Гальяно и вокальным номером из танго-оперы А. Пьяццоллы «Мария в Буэнос-Айресе» завершился этот яркий, стильный, незабываемый концерт.

Париж, Париж...

Александр Веретенникову всего 28 лет, но им сделано столько, сколько иному не удастся за целую жизнь. Кроме блистательного исполнительства, его часто приглашают в жюри, так как авторитет его высок. Вот и совсем недавно поступило предложение приехать на конкурс «Трофей мира» в Париж в качестве арбитра. Думается, что настоящим трофеем мира для нас, хабаровчан, является сам музыкант – обаятельный и скромный, но чрезвычайно талантливый.

Объединяя республики и города

Елена СОЛНЦЕВА

Театр юного зрителя Республики Саха (Якутия) к своему 25-летию организовал большой гастрольный тур «С благодарностью Учителю...», побывав в Улан-Удэ, Москве и Казани.

Сцена из спектакля «Волшебный камень»

М. Павлова, А. Калягин, А. Павлов

Сцены из спектакля «Волшебный камень»

Это событие посвящено театральным педагогам, воспитавшим разные поколения артистов ТюЗа. Организаторы тура назвали его своеобразным творческим отчетом, а потому и выбор городов не случаен. В Якутском ТюЗе немало выпускников Восточно-Сибирской академии культуры и искусств в Улан-Удэ, основной же костяк труппы составляют щепкинцы. Во время поездки актеры с волнением ждали встречи с наставниками, чтобы сыграть для них свои роли, выразить благодарность.

История ТюЗа началась в 1990 году. Тогда это был театр эстрадных миниатюр «Наарасуохтар» («Бесшабашные») при Якутской государственной филармонии, названный впоследствии государственным национальным театром. В 2000 году статус изменился – Государственный театр юмора и сатиры Республики Саха (Якутия), а через восемь лет республиканский ТюЗ. Четверть века театром руководят его основатели – директор, заслуженный работник культуры Республики Саха (Якутия) Матрена Павлова и художественный руководитель, заслуженный работник культуры РФ и народный артист Республики Саха (Якутия) Алексей Павлов.

Якутский ТюЗ в театральном сообществе хорошо известен. Его работы отмечались на республиканских и всероссийских фестивалях, артисты выступали в Эстонии, Египте, Монголии, Тунисе, Китае. В 2009 году спектакль «Милосердный богатырь» П. Решетникова по мотивам эпоса олонхо в постановке Елены Ивановой-Гримм выдвигался на Национальную театральную премию «Золотая маска» в номинации «Эксперимент». И тогда же созданный по мотивам якутского эпоса олонхо «Юрюлю Бэргэн – богатырь на белом коне» М. Обутовой (режиссер Валентина Якимец) вошел в число номинантов на Российскую Национальную театральную премию «Арлекин». Лауреатом этой же престижной премии и Санкт-Петербургского фестиваля театрального искусства для детей «Арлекин» в 2010 году стал главный режиссер Якутского ТюЗа Александр Титигиров со спектаклем «Камень счастья». Уже почти десять лет ТюЗ является членом Международного института театра (ITI) при ЮНЕСКО, не так давно он вступил в Международную ассоциацию театров для детей и подростков АССИТЕЖ.

Внутренняя жизнь тоже полна событий. Республиканский детский фестиваль-конкурс «Шалуны-шалунишки», премия «Бриллианты смеха», республиканский литературный конкурс «Радуга смеха», благотвори-

рительный фестиваль детских театральных студий «Солнечный круг» для ребят с ограниченными физическими возможностями, фестиваль «Народные театры – детям», детский театральный фестиваль им. Айталины Ильиной «Лучик солнца» – и это далеко не все успешно воплощенные идеи худрука театра Алексея Павлова.

Для юбилейного гастрольного тура организаторы отобрали лучшие постановки, чтобы показать разные грани мастерства якутских артистов. В Бурятском республиканском театре кукол «Ульгэр» сыграли недавнюю премьеру «Король умирает...» Э. Ионеско в постановке Карла Сергучева с Алексеем Павловым в заглавной роли, а также одну из самых известных работ, отмеченную наградами российских и зарубежных фестивалей, – «Камень счастья» по легендам народов Севера. Для Якутского ТЮЗа это первый визит в столицу Республики Бурятии. Здесь состоялись встречи с представителями республиканского министерства культуры, Союза театральных деятелей, преподавателями и студентами Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, театральными критиками, и важность таких творческих контактов очевидна.

В Москве, на сцене Государственного театра наций сыграли мифическую притчу о жизни и смерти «Три ночи» по мотивам повести Н.В. Гоголя «Вий» в постановке Александра Титигирова и сценографической версии Прасковьи Павловой. На Малой сцене театра развернулась выставка эскизов костюмов, макетов и фотографий, проходившая накануне в Улан-Удэ, а в Москве представленная еще и в Государственном центральном театральном музее им. А.А. Бахрушина. В одном из его залов сыграли «Камень счастья» для московского зрителя, а на другой день показали этот спектакль в детском доме Зарайска, став участниками XIV Благотворительного фестиваля, проводимого Бахрушинским музеем. Завершился гастрольный тур в Казани, где на Международном театральном фестивале тюркских народов «Науруз» якутские артисты сыграли спектакль «Король умирает...». С «Наурузом» у театра давние тесные связи, и в 2002 году он вошел в число его лауреатов.

Гастрольный тур «С благодарностью Учителю...», проходивший под знаком 385-летия вхождения Якутии в состав Российского государства, прочертил свой маршрут почти через всю страну. Расстояния огромные, но искусство, если оно настоящее, делает их незаметными.

Сцены из спектакля «Три ночи»

«Король умирает...». В роли Короля Беранже Первого А. Павлов

**МУЗЫКА, ПЕНИЕ,
ТАНЦЫ НАРОДА САХА**

Согласно традиционным представлениям якутов, каждый человек должен обладать музыкальными способностями. Искусный охотник обязан хорошо играть на оленьих инструментах, у удачливого рыбака не будет упоминаний, если он не исполнит на промысле песню.

Сленность народа саха никогда не превышала нескольких тысяч человек, но в народной якутской музыке существуют разные стили, заметно отличающиеся друг от друга. Столь же разнообразно пение якутов. Оно подразделяется на эпическое, охотничье, шаманское.

Якутский народ ценит умение петь в высоком регистре, подражать звукам зверей и птиц, в частности «кочуку оура», а также искусство особого, горлового пения. Самым популярным традиционным инструментом является у якутов **хоумус**, миниатюрное изделие из металла, источник звука в котором – вибрирующая пластинка. При игре **хоумус** прижимается к зубам, исполнитель приводит пластинку в движение, рот и гортань музыканта являются резонатором звука.

У якутов есть ударные, духовые, а также струнные инструменты, например **лютия-кырыымма**. С музыкой и пением неразрывно связаны танцы. Самый главный из них – **вокурай**. Он исполняется как все танцы, возмещение в драматичности. Кружки исполняются **осуохуа**, символизируют солнце, а причастность человека к небесным божествам, к вечности, своему движению Вселенной. Движение по кругу, люди плывут. По **осуохуа** представляется собой «хороводную сюиту», в которой тесно сплетаются водоворот искусства танца, пения, музыки.

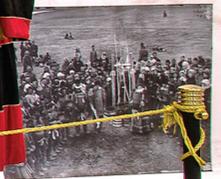
ЯКУТСКИЙ ПРАЗДНИК ЫСАХ

Ысыах – главный традиционный праздник якутов, предельно важный элемент культуры которого происходит от слова **мыс** (пробираться) – «собраться, встретиться». Отмечается его в конце и в начале лета.

Согласно традиционным поверьям в это время наступают Новый год и небес спускается на землю Духовит Божество **Аллах**, чтобы пропустить людей и пережить от долгого зимнего сна. Начинается **Ысыах** с церемонии «Итэриги гомо», с возлияний от его лучшей дочери. «Итэриги гомо» **Аллах** **Аууру** обожествляется и небесным Божеством. Благодаря ей изобилие плодов, разнообразие породности и крепость здоровья и огня, напиток из кобыльего молока – **кумус**.

В этот праздник, который длится много часов, кто участвует – предки души тысяч людей – **пукт кумус** и специальные **проок**, участвуют в чинных саамах, в соревнованиях исполняют якутские танцы **вокурай**. Считается, что участие в празднике, человек обретает свое состояние, получает новую родинку, а **Ысыах** – это единство прошлого, настоящего и будущего, поддерживает взаимосвязь между культурой предков и традицией современной молодежи.

Согласно традиционным поверьям, по характеру совершаемых ритуалов, он связан с далекой древностью, когда предки якутов кочевали в степных землях Южной Сибири.

Национальная одежда и утварь. Конец XIX – начало XX века

Этника

Мир саха

Виктория МАЛАКШАНОВА
Фото Светланы ВАВИЛИНОЙ
и Александра ХРАМЦОВА

В преддверии торжественных событий в честь празднования 385-летия вхождения Якутии в состав Российского государства в Хабаровске открылась этнографическая выставка «Мир саха». Это совместный проект двух крупнейших музеев Дальнего Востока – Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского и Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, обладающих значительными якутскими коллекциями, собранными на рубеже XIX–XX веков.

Ритуальная посуда. Конец XIX века

Д. Никонов, И.А. Купченко, Н.И. Рубан и гости из Чурапчинского улуса Республики Саха (Якутия)

Исполнение варганной музыки Светланой Евсеевой (Туймаана)

Исполнение алгыса (заклинания, благословения). Гости из Чурапчинского улуса

Выставка познакомила с богатой и многообразной культурой этноса саха, широко известного как якуты. Основное внимание уделили коневодческой культуре и ее атрибутам. По праву якутов называют самыми северными коневодами мира. Многие считают, что благодаря лошади предки современных якутов выжили в арктических условиях. Обычаи, традиции этноса связаны с этим животным. К примеру, для лошади невесты специально изготавливали отдельное убранство: расшитые попоны, инкрустированные стремена, декорированное серебряными пластинами седло, ковры из конского волоса. Один из самых важных и масштабных национальных праздников Ысыах также связан с восхвалением коня, воспеванием природы, богов – покровителей людей, животных и началом нового года. На торжестве в день летнего солнцестояния обязательные угощения – кумыс и отварное мясо. Место, где проходит Ысыах, украшается молодыми березками и резными столбами-коновязями сэргэ с различными на-

вершиями в виде головы коня, кумысного кубка, птиц. После совершения обрядов начинаются состязания – захватывающие конные скачки. Под вечер народ становится в коллективный хоровод с пением. Большой популярностью пользуется и Ысыах, проводимый в Хабаровске.

Более 100 старинных экспонатов продемонстрированы посетителям – деревянные и берестяные предметы быта, утварь, национальные костюмы из сукна, ровдуги и меха, серебряные украшения. Особое внимание привлек полный ювелирный комплект якутской невесты, состоящий из солярного диска на макушке меховой шапки, гривны, длинных нагрудных и наспинных украшений, пояса из кожи с посеребренными пластинами, серег с подвесками, кольца, браслетов. Все эти предметы выполняют защитную функцию от злых духов и дурных влияний. Ритуальный сосуд для кумыса конца XIX века, де-

ревянная чаша, декорированная металлическими розетками, ложка для подношения молочной пицци духам предков, огня, земли заняли особое место в экспозиции. Фигуры из бивня мамонта показали мастерство якутских резчиков. Выставка позволила в полной мере окунуться в удивительный мир саха.

Специально к выставке «Мир саха» был подготовлен каталог якутской коллекции из собрания Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова. Коллекция одна из старейших: основной период ее формирования датируется концом XIX – началом XX вв., и в настоящее время она насчитывает 149 единиц хранения. Издание каталога и проведение выставки сделали этнографические артефакты фондов ведущих дальневосточных музеев более доступными для исследователей, специалистов и общественности.

Якутская культура, как и культуры других коренных народов Севера, созданные в очень сложных природно-географических условиях, требует бережного отношения, изучения и популяризации для следующих поколений, которые будут стремиться покорить далекий и холодный Север.

Серебряные украшения невесты. Конец XIX – начало XX века

*... Как прекрасно солнце на восходе.
В мире – бед и слез не существует.
Все для жизни рождено в природе.
Праздник жизни – пусть восторжествует!*

Понеса Киле

Праздник жизни

К 25-летию проекта «Дети Амура: жизнь и творчество»

Елена КИЛЕ

О летней смене «Дети Амура: Жизнь и творчество» я узнала 25 лет назад от Надежды Ефимовны Кимонко – сотрудницы Краевого научно-методического центра. Ее звонок с приглашением поработать в детском оздоровительном лагере

восприняла с восторгом, а когда углубилась в этот процесс, почувствовала не только причастность к происходящему, но и гордость, что могу принести подрастающему талантливому поколению огромную пользу не только тем, что буду об-

учать различным традиционным ремеслам, но и способствовать его духовному росту.

Летние смены «Дети Амура» отличают прекрасно организованный досуг, отлично запланированное расписание занятий, позволяющее давать глубокие практические и теоретические знания. Добавим сюда широкий охват общелагерных тематических мероприятий, в которых дети принимают самое активное участие. Все это способствует их гармоничному развитию – коммуникабельность, обмен опытом, уважительное восприятие чужой культуры, дружелюбие, самоконтроль, самокритичность и, конечно же, расширение кругозора.

Немаловажно хорошо отлаженное питание по режиму, достаточная продолжительность сна, хорошо оборудованные помещения отдыха, активное или спокойное времяпровождение на досуге. Предоставленные дотации малообеспеченным семьям, обеспечение транспортом для экскурсий и походов, для выездов с концертами в клубы, села, в соседние оздоровительные

Образцовый фольклорный ансамбль «Тасима», село Ачан Амурского района

Марина Эльтун с сыном Юрием Захаром, село Верхний Нерген Нанайского района

Образцовый детский фольклорный ансамбль «Хоста», село Булава Ульчского района

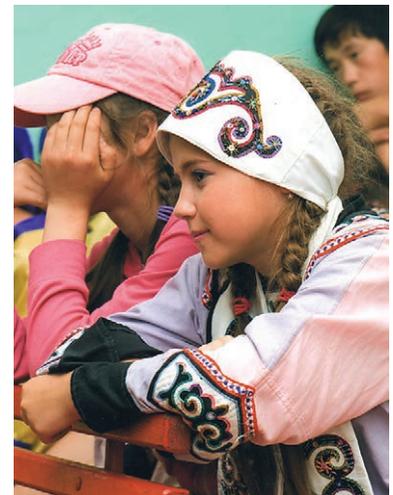
лагеря. Так как смены организованы во время летних каникул, дети физически и духовно оздоравливаются и домой возвращаются радостные, вдохновленные новыми идеями.

Не могу не сказать и о нас – преподавателях и воспитателях. Вся творческая обстановка смены «Дети Амура: жизнь и творчество» заражает не только детишек, но и всех взрослых. Обслуживающий персонал лагеря и руководство восхищаются песнями, танцами, представлениями различных детских коллективов. Делясь впечатлениями, они удивляются их воспитанности, скромности и организованности, отмечают особенную врожденную талантливость юных представителей малочисленных народов Дальнего Востока и Севера. Мне всегда очень нравилось, что рядом с детьми-северянами находились коллективы из разных городов, сел, детских домов Хабаровского края, где занимаются ребята других национальностей – русские, белорусы, украинцы, армяне, грузины...

В конце каждой смены всегда разворачиваются обширные выставки – изобразительное искусство, лозоплетение, изделия из бересты, рыбьей кожи, сувениры из кожи и меха, вышивка, шитье. Традиционным стал и гала-концерт, включающий лучшие номера ансамблей, юмористический концерт вожатых

и преподавателей, спортивные соревнования. А в финале различные шоу, дискотека и салют. За все время пребывания в лагере дети настолько сближаются друг с другом, что при расставании плачут. Теперь у них расширился круг друзей, у каждого появились любимые вожатые, преподаватели, с которыми они очень ждут новой встречи в следующих творческих сменах. И потом всю жизнь помнят о них, а кто-то даже решает пойти по их стопам.

Это очень важный момент, одна из главных целей, которая приво-

Л.Е. Варшавская проводит мастер-класс «Серебристая чешуя» для детей Ванинского района

Участники смены «Дети Амура» с Дальневосточным симфоническим оркестром (дирижер И. Дербилов)

дит к знанию своей традиционной культуры, родного языка, осознанию себя как представителя своего народа и гражданина большой многонациональной родины – России. И поныне в сменах «Дети Амура» работают талантливые, неравнодуш-

ные, преданные своему делу люди – руководители творческих коллективов Хабаровского края Нина Павловна Гейкер, Маргарита Даниловна Ким, Дина Георгиевна Сулова, Лидия Антоновна Урангина, Галина Павловна Веткан, Элла Иванов-

на Киле, Светлана Николаевна Захарова, Раиса Алексеевна Бельды, Любовь Александровна Гейкер, Марина Владимировна Актанко, Наталья Александровна Актанко, Марина Сергеевна Заксор, Любовь Петровна Бельды, Надежда Игнатьевна Ходжер, Вера Альбертовна Киле, Юлия Владимировна Дмитриева и другие. Их задача – раскрыть духовные и физические возможности, создать благоприятный климат в коллективе. То, что сегодня делается в различных творческих кружках по искусству малочисленных народов – дорогие семена, которые завтра обязательно взойдут.

Творческие кружки в летних сменах из года в год велись многими талантливыми мастерами и художниками, среди которых Людмила Уламовна Пассар из Комсомольска-на-Амуре, Андрей Владимирович Киле из с. Найхин, Ася Кирилловна Киле из с. Даерга, Валентин Лукич Самар из Хабаровска и другие. Хочу сказать, что лично я проработала в сменах «Дети Амура» почти 20 лет и очень этому рада. Это благодарный труд с большим гуманистическим смыслом, дающий ощущение, что жизнь проживаешь не зря.

Выступление образцового фольклорного ансамбля «Тасима», село Ачан Амурского района (руководитель Нина Павловна Гейкер)

Фото из архива КНОТОК

ОКНА В САД С ЛУННЫМИ ВОРОТАМИ

Наталия РОДИНА
Фото автора

«На небе есть рай, а на земле – Сучжоу и Ханчжоу». Эта китайская поговорка встречается в путеводителях и на сайтах путешественников, когда речь заходит о городах юго-востока Великого Китайского канала. Европейские гиды рекомендуют также включить в маршрут «рая земного» китайскую Венецию – Вучжен, Тонгли, Чжоучжуань и другие городки на воде, сохранившие тысячелетнюю архитектуру и улицы-каналы. Благо они находятся в автобусной доступности от Шанхая, где паломничество обычно и завершается.

«Окна в сад» на острове озера Сиху . Ханчжоу

Центральная часть Сада мастера сетей. Сучжоу

Окно в Саду супружеской верности. Сучжоу

В Саду скромного чиновника. Сучжоу

Да, старый Китай с его уникальными искусствами-ремеслами здесь живет и процветает – чай Ханчжоу, шелк и двусторонняя вышивка Сучжоу, россыпи жемчуга и перламутра в магазинчиках Чжоучжуаня и на ювелирных рынках Шанхая, звон тонкого фарфора под легкими постукиваниями улыбчивых продавцов вызывают восхищение, понимание цены и желание вежливо торговаться, чтобы увезти что-нибудь на память. Но только дома, просматривая массу разноликих южнокитайских фото, я поняла, что попыталась сохранить для себя еще одну традицию: рефреном через все пункты поездки со старой архитектурой стали окна в саду и лунные ворота. То, что они называются именно так, я узнала потом. А в Китае самозабвенно «щелкала» необычные фигурные решетки и проемы в стенах всюду, где попадались.

Первые «окна» встретились в Ханчжоу, на одном из островов озера Сиху – в популярном месте отдыха, куда отдыхающих толпами доставляет паром. Казалось, птицы уютно обосновались в фигурных проемах белой стены, одиноко стоящей среди деревьев и зарослей бамбука. На фоне зелени решетки смотрелись легкими полупрозрачными картинами. Они росли вместе с деревьями и травой, вроде без всякой практической пользы, и я начала вертеть головой в поисках подруги, изучающей китайский язык: может, она знает, зачем это здесь? Но все попутчики как-то неожиданно оказались в отдалении. Зато снимать было удобно.

Потом был старинный район Вучжена – города на канале с более чем тысячелетней историей – и те же окна-решетки с птицами в стенах внутренних дворики между домами со входами необычной конфигурации и без особой практической надобности. Правда, нам благодаря обстановке (жилой район) уже вспомнилась символика фэншуй – птичья пара как символ счастливой семьи. А по факту ситуация та же: полчища туристов рассредоточились на исторической территории, без тесноты и обиды исследуя окрестности и делая селфи, засев в кафе, катаясь на лодках или опустошая сувенирные магазинчики.

И, наконец, Сучжоу. Этот город обрел свое название в 585 году (а под другим возник еще до нашей эры) и прославился уникальными старинными именами – садами в местной терминологии – настолько, что они веками почитаются как образцы ландшафтной архитектуры и дизайна. Что интересно, ни один европейский или российский путеводитель не дает их точного числа (от пятидесяти до ста с лишним), точно называются лишь девять находящихся под охраной ЮНЕСКО. И эта разноязыкая известность превращает Сад скромного чиновника на русском в Сад нерадивого администратора на французском, Сад мастера сетей – в Сад мастера хитросплетений (Сад рыбака), Сад Львиной рожи – в Сад Камней в форме льва (на английском) и так далее. В общем, чтобы разобраться во всем этом ландшафтно-лингвистическом великолепии нуж-

но родиться в Сучжоу, заняться местной историей, китайской философией с основами фэншуй и ландшафтной архитектурой, изучив заодно два-три европейских языка. Не самая плохая участь, надо сказать! Но даже скромному (нерадивому?) туристу после посещения трех-четырех таких усадеб с особо впечатляющей историей становится ясно, что это явные родственники. За высокими оградами и прямоугольными воротами жилые помещения, летние павильоны и беседки, пруды с золотыми рыбками и мостики-переходы, каменные композиции и садовые растения живут одной системой, но разделены на своеобразные участки павильонами и внутренними стенами с решетками и круглыми или фигурными входами-проемами – теми самыми окнами в саду и лунными воротами.

Конечно, у каждого своя история: Сад мастера сетей, например, заложен на территории в полгектара в XII веке чиновником, вдохновленным жизнью рыбаков, Сад Львиной рожи на два века позже основан монахом в честь своего учителя, достигшего нирваны, а самый большой (пять гектаров!) построен в XVI веке «скромным чиновником» – бывшим государственным цензором, отстраненным от службы по обвинению в коррупции. Эти и подобные им резиденции по стилю и планировке детища времени войн, репрессий, покушений и уникальной культуры – эпохи правления династии Мин. Около трехсот лет, в XIV–XVI веках, мастера ландшафтного дизайна воплощали представления о красоте и счастливой жизни образованных заказчиков – аристократов на службе, чиновников высокого ранга, богатых коммерсантов – укрыться от мира в спокойном творчестве, любви, беседах с друзьями, размышлениях.

«Пейзаж все равно что цветок, который не увядает, когда ты срываешь его. Напротив, он приобретает новую жизнь. Не нужно придерживать никаких принципов. Если пейзаж трогает душу – значит, это твой пейзаж...». Это из трактата мастера садовых ландшафтов – художника и архитектора Цзи Чэна «Устройство садов» («Юань»)*, написанного в 1631 году, который считается таким же уникальным памятником культуры эпохи Мин, как и сады, созданные по его принципам. Сад, вымечтанный мир уставшего от изнурительных обязанностей, интриг и финансовых рисков человека, именно строился. Одновременно, в комплексе, возводились дом, беседки, летние павильоны, сажались деревья и цветы, благоустраивались водоемы и собирались композиции-лабиринты из камней интересной формы. При этом природную основу участка не уничтожали, а бережно использовали.

*Цзи Чэн Устройство садов / Перевод Е.А. Кузьминой // Иностранная литература.– 2012 – № 6.

*«Окна в сад» –
решетки в стенах
исторической части
Вучжена.*

Естественно, как всякую недвижимость сады продавали по частям, отдавали за долги, проигрывали, разрушали, но многие из них сохранились или были восстановлены по исконному замыслу мастера, потому что, подобно живому организму, рождены единым целым. Пришедшая в XVII веке с очередной кровавой «эпохой перемен» династия Цин традиции ландшафтной архитектуры приняла как классику, а уже в новое время, в 1956 году, сад Юй Юань (Радости, Неторопливых раздумий) в сердце старого Шанхая, разрушенный в опиумных войнах XIX века, реставрировался по старым канонам.

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Лунные ворота в Саду супружеской верности. Сучжоу

Лунные ворота в историческом центре Тонгли

Лунные ворота в Саду радости. Шанхай

В садах Сучжоу я поняла, что окна-решетки с растительным сюжетом или затейливым геометрическим орнаментом во внутренних стенах не зря расположены на уровне глаз: они, как камень в оправу, берут в рамку элемент сада. При этом рисунок каждого уникален. А лунные ворота таким же образом открывают пейзаж, фрагмент строения или часть интерьера – в зависимости от места

Шанхай. Центральная часть Сада радости (Юй Юань)

расположения и конфигурации. Войти в эти ворота высотой в рост человека можно только в одиночку, и какой бы толпой ни пришли посетители, внутри она рассыпается, и каждый обретает свое пространство-пейзаж.

Но глядя в затейливый рисунок решетки или в «лунный» проем, шагая через него в живой растущий, щебечущий, плещущийся мир, ощущаешь не благоговейный трепет во прахе веков, а восхищение и живой привет от людей, живших и творивших здесь пятьсот-шестьсот лет назад. Они видели то же самое! И это чувство живой традиции от Ханчжоу, Вучжена и Сучжоу не покидало нас и в маленьких Тонгли и Чжоучжуане – бережно восстановленных исторических центрах, существующих за счет туристов, и в огромном, многоликом Шанхае. Наверное, благодаря таким связующим нитям времен в многолюдности китайских мегаполисов нет подспудной агрессии и тревожности толпы – даже в часы пик в метро, торговых центрах и местах массовых зрелищ их жители умеют обходиться без толкотни и давки. Впечатление, что каждый занят своим делом, сохраняя личное пространство...

«...Самое важное в устройении сада – использовать красоту вокруг тебя. В разное время ты можешь любоваться отдаленным или ближним пейзажем, облаками над головой или травой под ногами. Однако прекрасный образ – как внешний, так и внутренний, прежде чем ты изложишь его на бумаге, должен проявиться в твоём воображении. Только тогда ты сможешь воплотить его...»

Это еще одно наставление Цзи Чэна из «Устройства садов». Лунные ворота и окна в саду давно и широко используются во всем мире. Как шелк, фарфор, жемчуг и двусторонняя вышивка, старое ремесло – видеть и развивать свой мир в гармонии, сохраненной предками в самые сложные времена, стало высоким искусством.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Антон Вольгушев. Колодец живет. Левая часть триптиха «Возвращение». Цветная линогравюра. 20 х 30

КОЛОДЕЦ ЖИВЕТ

ЛИТЕРАТУРА

«Для пользы дорогого отечества...»*

О первом русском учебнике корейского языка и его составителе

Наталья РАДИШАУСКАЙТЕ

В 1900 г. из типографии Штаба Приамурского военного округа в Хабаровске вышло «Элементарное пособие к изучению корейского языка с грамматическими правилами и фразами для упражнений». Составил его Никита Дмитриевич Кузьмин – «бывший инструктор корейских войск», как указано на титульном листе. Это был первый учебник корейского языка, вышедший в России.

Во второй половине XIX в. в России вышло не больше двух десятков отечественных изданий по корейскому языку, первое из которых появилось в 1874 г. и называлось «Корейская азбука». Ее составил миссионер В. Пьянков «в пользу корейских школ Южно-Уссурийского края»¹. Курс грамматики корейского языка впервые появился в издании А.В. Старчевского «Наши соседи. Справочная книжка. Пограничный переводчик (По нашей южной, азиатской границе)» (СПб., 1890) – это было «первое изложение корейской грамматики на русском языке»².

Несмотря на близкое соседство, Российская империя не торопилась устанавливать официальные отношения с маленьким и слабым государством, каким была Корея в XIX в. Даже появление в 1860 г. общей государственной границы между двумя странами не подтолкнуло российскую власть к налаживанию дипломатических связей с азиатским соседом. И это несмотря на то, что население российского Дальнего Востока с середины XIX в. поддерживало активные торговые связи с ко-

рейским народом, а корейцы в больших количествах мигрировали на российские дальневосточные земли. Лишь изменение политической ситуации на Дальнем Востоке, усиление влияния Японии и западноевропейских держав заставило Россию в 1884 г. заключить первый двусторонний договор о дружбе и торговле, что положило начало официальным дипломатическим отношениям двух государств.

Расцвет российско-корейских отношений пришелся на 1896–1898 гг. В целом, до 1896 г. российское правительство, несмотря на неоднократные обращения корейского короля, никак не реагировало на усиление японского присутствия в Корее. Но в 1896 г. корейский король Коджон при поддержке российских дипломатов (действовавших с официального одобрения русских властей) совершил «мирный переворот»³, свергнув прояпонское правительство и тем самым отстояв еще на некоторое время независимость своей страны. После этого отношения между двумя государствами оживились.

«Весной 1896 г. Корее представилась возможность вести прямые переговоры с российским правительством, когда король Коджон получил официальное приглашение отправить в Москву делегацию для участия в

Переплет и титульный лист «Элементарного пособия к изучению корейского языка» Н. Д. Кузьмина Хабаровск, 1900

* В исторических цитатах сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

¹ Ким Г. Н. Корейские книжные фонды в Казахстане // Корё Сарам – Записки о корейцах. [Ташкент], 18.07.2009. URL: <https://koryo-saram.ru/kim-g-n-korejskie-knizhny-e-fondy-v-kazahstane/> (дата обращения: 26.05.2017).

² Там же.

³ Торкунов А., Денисов В. Россия – Корея: взгляд из прошлого в настоящее // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 1. С. 48.

коронации императора Николая II. <...> Завершив участие в торжествах 14–16 мая 1896 г., корейское посольство отправилось в Петербург с целью ведения переговоров с правительством России. Основным предметом обсуждения на переговорах были пять вопросов: об отправке в Корею русских военных инструкторов, о назначении в Корею русских советников, об организации охранной гвардии короля, о соединении сибирской телеграфной линии с северной корейской и оказании помощи в строительстве телеграфных линий, о выделении Корею займа в размере 3 миллионов иен для погашения долга Японии»⁴.

Переговоры длились несколько месяцев и в целом закончились успешно: хотя официальные ответы Российской империи на просьбы корейской делегации были довольно уклончивы – «из-за опасения обострения отношений с Японией»⁵, – на деле российская сторона предприняла ряд шагов по оказанию Корею помощи в обсуждавшихся на переговорах вопросах. Одним из таких шагов стала отправка уже осенью 1896 г. русских военных инструкторов для обучения корейской армии.

Дело в том, что корейские вооруженные силы крайне нуждались в реорганизации: «...К концу XIX столетия Корея оказалась настолько слаба, что не могла защитить себя сама. В Корею практически не было армии, если не считать небольшой королевской гвардии. Поэтому войска соседних стран, Японии и Китая, могли беспрепятственно высаживаться в Корею, передвигаться по ее территории и даже вести там свои собственные боевые операции. Для защиты трона и государства у короля Коджона не было иного пути кроме как обратиться к какой-либо иностранной державе»⁶. При этом основным оружием корейского солдата до 1880-х гг. оставался лук с бамбуковыми стрелами.

За помощь в преобразовании армии в 1870–1890-х гг. Корея обращалась к Китаю, Японии и даже США, но результат оказался неудовлетворительным (впрочем, по-видимому, во многом вина лежала на корейской стороне). Король Коджон также неоднократно обращался и к России с предложением военного сотрудничества (поставки в Корею русского огнестрельного оружия и присылки военных инструкторов), однако российское правительство до 1896 г. не решалось на такой шаг по политическим соображениям.

⁴ Курбанов С.О. Россия и Корея: ключевые моменты в истории российско-корейских отношений середины XIX – начала XX столетий // Корё Сарам – Записки о корейцах. [Ташкент], 07.06.2009. URL: <https://koryo-saram.ru/kurbanov-s-o-rossiya-i-koreya-klyuchevy-e-momenty-v-istorii-rossijsko-korejskih-otnoshenij-serediny-xix-nachala-xx-stoletij/> (дата обращения: 15.06.2017).

⁵ Пискулова Ю.Е. Российско-корейские отношения в конце XIX – начале XX веков : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15. – Москва, 2002. – С. 71.

⁶ Курбанов С.О. Россия и Корея: ключевые моменты в истории российско-корейских отношений середины XIX – начала XX столетий // Корё Сарам – Записки о корейцах. [Ташкент], 07.06.2009. URL: <https://koryo-saram.ru/kurbanov-s-o-rossiya-i-koreya-klyuchevy-e-momenty-v-istorii-rossijsko-korejskih-otnoshenij-serediny-xix-nachala-xx-stoletij/> (дата обращения: 15.05.2017).

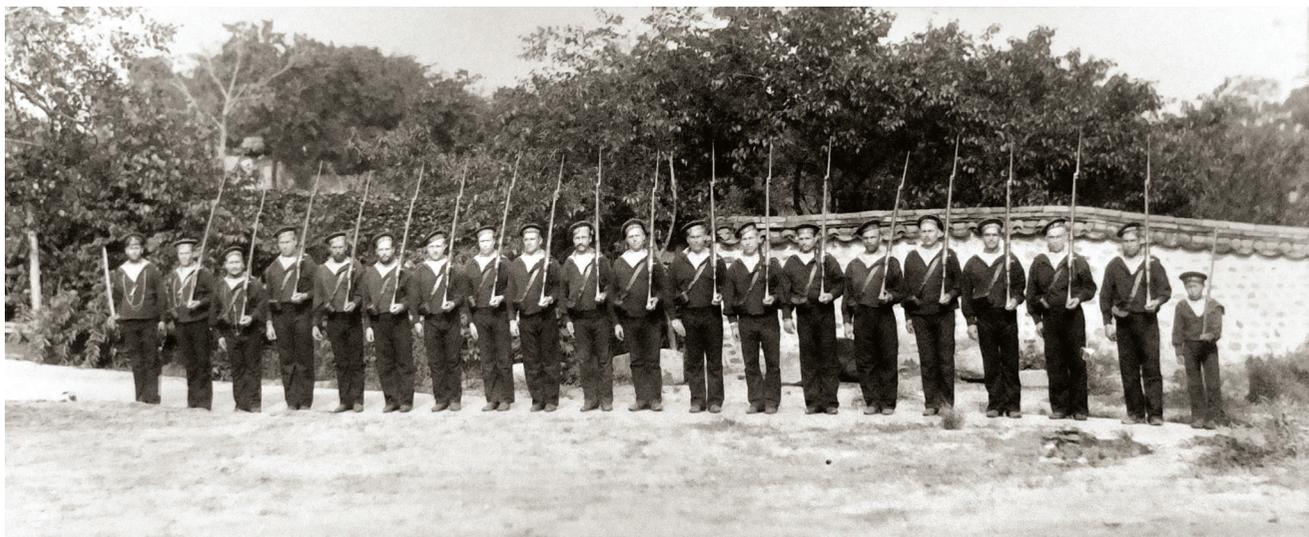
Король Кореи Коджон (1852–1919)

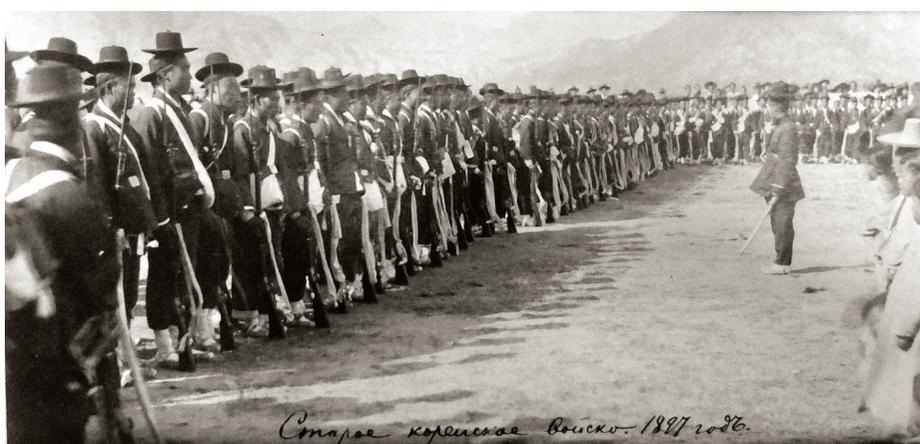
Тронный зал королевского дворца Кёнбоккун в Сеуле. Конец XIX – начало XX в.

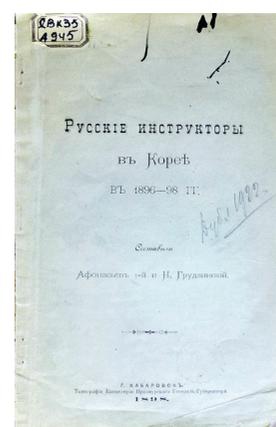
Южные ворота Намдэмуна в Сеуле. Конец XIX – начало XX в.

Русский десант в Сеуле. 1897

Корейское войско. 1897

Обложка издания «Русские инструкторы в Корее в 1896–98 гг.» Н. Грудзинского и Афонасьева (Хабаровск, 1898).

Японские солдаты в Сеуле. Декабрь 1905

В октябре 1896 г. в Сеул прибыла «первая партия» инструкторов под командованием полковника Д.В. Путяты в составе 2 офицеров, 10 унтер-офицеров и врача⁷. В конце декабря к ним присоединился и поручик Никита Дмит-

⁷ Составители «Описания Кореи» (ч. 2; СПб., 1900) указывают, что будущих инструкторов полковник Путята «исходатайствовал» в Приамурском военном округе и командированы они были из Хабаровска (с. 425, 427).

риевич Кузьмин⁸ – будущий автор учебника корейского языка. Вторая группа инструкторов в составе 3 младших офицеров, 10 унтер-офицеров, врача и фельдшера⁹ прибыла в Сеул в июле 1897 г. Российские инструкторы проработали в Корее до марта 1898 г. Их задачей было обучить корейских солдат и офицеров – создать «надежную корейскую армию»¹⁰, на которую король Коджон «мог опереться в трудную минуту»¹¹, но прежде всего – подготовить личную охрану самого короля.

Русские инструкторы за полтора года сумели обучить около 3 000 солдат и офицеров – половину корейской армии, несмотря на противодействие корейских чиновников и старших офицеров (устройство службы и

⁸ Волков С. В. Деятельность иностранных военных инструкторов и реформы корейской армии в конце XIX – начале XX вв. // Российское корееведение. Москва, 2007. Вып 5. С. 46.

⁹ Приамурские ведомости. 1898. № 233 (14 июня). С. 7.

¹⁰ Иванова Л. В. Исторический опыт российско-корейского культурного сотрудничества: русские военные специалисты в Корее в конце XIX века // Фундаментальные исследования. 2013. № 4. С. 730.

¹¹ Сыромятников С. Н. [В Корее] / Сигма [псевд.] // Форум «Русско-японская война 1904–1905 гг.» : [архив]. [Б. м.], 12.04.07. URL: <http://tsushima.borda.ru/?1-0-0-00000481-000-0-0-1223637039> (дата обращения: 25.05.2017).

армейского хозяйства на российский манер, введенное русскими инструкторами, лишало корейских служащих большого дохода от взяток и хищений). Вот как об этом писал российский посланник в Корею К.И. Вебер приамурскому генерал-губернатору Н.И. Гродекову 1 сентября 1897 г.: «К великому огорчению наших недоброжелателей, которых у нас здесь немало, месяца три тому назад поручик Кузьмин принялся за введение в батальоне королевской охраны внутреннего хозяйства, упорядочением которого урезаются нелегальные доходы и взятки чинов военного министерства и командира батальона. Поэтому поручику Кузьмину приходилось сильно бороться со своекорыстными препирательствами корейцев, отстаивающих интересы своего кармана. Но благодаря спокойному и положительному характеру Кузьмина победа осталась за ним. Солдаты и офицеры крайне рады такому успешному исходу... Старая консервативная партия чует, что введение порядка и реформ положит конец их своеволию и грабительству»¹².

Одной из самых больших трудностей, с которыми столкнулись русские инструкторы в Корею, стало незнание корейского языка и отсутствие переводчиков. Как пишет в отчете поручик Афанасьев: «...Не было переводчиков, за исключением одного корейского офицера, плохо говорящего по-русски, но что мог помочь один человек?»¹³ (на тот момент обучаемых было 800 человек – десять групп по 80 человек, поэтому один переводчик и правда не слишком мог помочь делу). Чуть позже появились еще два переводчика, что несколько улучшило ситуацию. Несмотря на это, российским офицерам удавалось с помощью корейцев переводить на корейский язык необходимые инструкции, уставы, документы. Так, тот же поручик Афанасьев писал: «...Переводы занимают много времени, приходится переводить несколько раз, ибо переводчики – жители северных провинций и плохо справляются с переводом»¹⁴.

Вот этими самыми трудностями, испытанными Н.Д. Кузьминым в полной мере, и объясняется желание последнего составить учебник корейского языка. «В разное время, в течение более чем двухлетнего моего пребывания в Корею, как путешественника и позднее инструктора корейских войск, мне пришлось испытать самому и видеть на других беспощадное состояние, вследствие незнания местного, туземного языка. Во многих случаях, при сношениях с туземцами, обе стороны, или хотя одна, находятся в полной зависимости от не всегда высококвалифицированных переводчиков... Отсутствие же часто и каких-нибудь переводчиков весьма неблагоприятно отражается на ходе дел в дружеских сношениях обеих сторон»¹⁵, – рассужда-

ет в предисловии к своему труду Никита Дмитриевич. Далее он пишет, что «перевел и, насколько возможно, приспособил самое популярное и универсальное руководство для изучения корейского языка, составленное бывшим консулом в Корею англичанином m-r Scott»¹⁶. Очевидно, имеется в виду издание «A Corean Manual or Phrase Book, with Introductory Grammar» («Учебник корейского языка или разговорник, с введением в грамматику»), вышедшее впервые в 1887 г. и переизданное в 1893-м. Его автором был служащий британского консульства в Китае Джеймс Скотт (1850–1920), который с 1887 по 1892 г. «проводил много времени в [британском] консульстве в Чемульпо»¹⁷¹⁸. Это был один из первых европейских учебников корейского языка.

Во введении Н. Д. Кузьмин объясняет выбор именно этого пособия в качестве основы для своего труда: оно представлялось «самым универсальным и целесообразным из руководств». У учебника Дж. Скотта, по мнению русского поручика, следующие достоинства: приводятся исчерпывающие этимологические правила, даются материалы для чтения, которые служат двойной цели – практике языка и знакомству с его «строением». Две другие имевшиеся на тот момент грамматики корейского (французская и американская) грешили, на взгляд составителя русского учебника, чрезмерно детальным объяснением чересчур многочисленных правил и «подробным разбором тонкостей»¹⁹, вследствие чего не годились для начинающих изучать язык.

Учебник Н. Кузьмина, как и пособие Дж. Скотта, состоит из двух частей. В первой из них кратко дается корейская грамматика: рассматривается алфавит и произношение, части речи корейского языка и соединительные «частицы в конце слов». Вторая часть целиком состоит из упражнений. Выглядят они следующим образом. Сначала с четким разделением на слова напечатана какая-либо фраза по-корейски, под каждым словом дана русская транскрипция, под ней – дословный (подстрочный) перевод каждого слова, а в завершение – литературный перевод фразы на русский язык. (Пример того, как выглядят упражнения, можно увидеть на иллюстрации.)

Если сравнивать «приспособленный» перевод Кузьмина с оригиналом, то видно, что Никита Дмитриевич во многом изменил английское пособие, преимущественно сократив его. Так, была сильно сокращена собственно теоретическая часть (фонетика и грамматика): убраны объяснения, составленные Скоттом, и оставлены практические примеры. Например, в фонетической части мы видим корейский иероглиф-букву, пояснение его произношения в соотношении с русскими звуками и буквами, употребление этого иероглифа в слове и его русскую транскрипцию (иногда с кратким уточнением произношения) и перевод. Грамматика составлена почти из одних перечислений грамматических категорий

¹² Цит. по: Хохлов А. Н. Журналист-востоковед С.Н. Сыромятников и его материалы о Корею конца XIX – начала XX века // Восточный архив. 2006. № 14–15. С. 55.

¹³ Афанасьев, Грудзинский Н. Русские военные инструкторы в Корею в 1896–1898 гг. Хабаровск, 1893. С. 17.

¹⁴ Там же. С. 19.

¹⁵ Кузьмин Н. Д. Элементарное пособие к изучению корейского языка с грамматическими правилами и фразами для упражнений. Хабаровск, 1900. С. [9].

¹⁶ Там же.

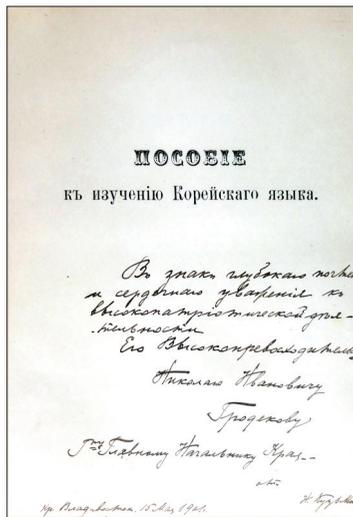
¹⁷ Ныне Инчхон, город и порт в Южной Корею.

¹⁸ Pratt K., Rutt R. Korea: A Historical and Cultural Dictionary. [Richmond]: Curzon, [1999]. P. 406.

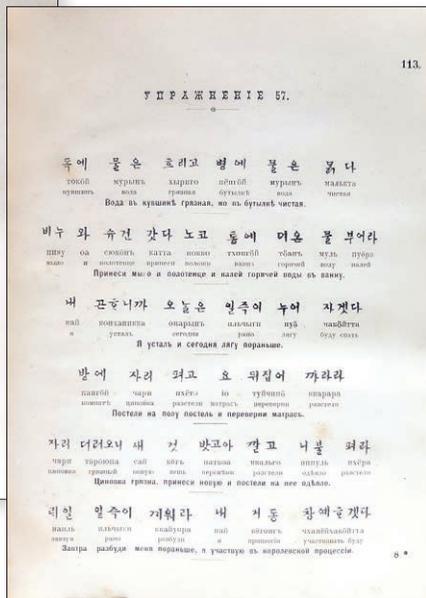
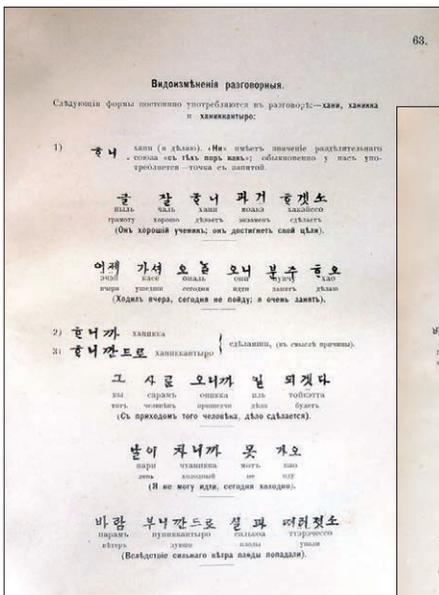
¹⁹ Кузьмин Н.Д. Указ. соч. С. III.

Николай Иванович Гродеков
(1843–1913)

Дарственная надпись
Н.Д. Кузьмина приамурскому
генерал-губернатору Н. И. Гродекову
на экземпляре «Элементарного
пособия», хранящемся в ДВГНБ

Страницы из «Элементарного
пособия к изучению корейского
языка» Н.Д. Кузьмина. Хабаровск,
1900

и примеров корейских частей речи с записью иероглифами и в русской транскрипции с переводом, тогда как Дж. Скотт в своем пособии давал сначала общие объяснения, например особенностей склонения существительных, а потом уже приводил примеры. Эти-то примеры с переводом на русскую транскрипцию и русский язык и оставил в своем учебнике Н.Д. Кузьмин. Упражнения в английском оригинале помещены вслед за соответствующим грамматическим разделом и направлены на уяснение какой-либо грамматической нормы, например упражнения на использование повелительного наклонения в корейском языке, а во втором разделе у

Дж. Скотта помещены дополнительные упражнения. В руководстве Н.Д. Кузьмина все упражнения собраны во второй части и расположены в порядке от более простых (то есть с короткими разговорными фразами) к более сложным. Они, по-видимому, не предназначены для закрепления грамматических правил, а имеют своей целью практику корейского языка с опорой на минимальные познания в грамматике. Упражнения в английском учебнике и русском совершенно различны: вероятно, эту часть своего пособия Н.Д. Кузьмин составлял самостоятельно.

О выходе этого учебника в свет в «Приамурских ведомостях» была помещена заметка, в которой, между прочим, приводились такие сведения об истории его издания: «Сданная в печать в конце 1898 года, вследствие больших технических трудностей, ибо в текст введены корейские иероглифы, что пришлось исполнять при помощи литографии, книга эта не могла быть напечатана не только в том же году, но ее печатание протянулось весь 1899 г. и закончилось только в ноябре текущего года. Книга напечатана в типографии окружного штаба и, нужно отдать справедливость, вполне удовлетворительно и тщательно»²⁰. Сам же автор в предисловии указывает, что печатное издание этого пособия появилось благодаря «глубоко сердечному покровительству и помощи» приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова». Видимо, именно из благодарности за помощь и поддержку Н.Д. Кузьмин преподнес один экземпляр своего учебника Николаю Ивановичу Гродекову: на шмуцтителе экземпляра, хранящегося в фонде редких и ценных изданий ДВГНБ, есть дарственная надпись автора. Она гласит: «В знак глубокого почтения и сердечного уважения к высокопатриотической деятельности Его

Высокопревосходительству Николаю Ивановичу Гродекову Г-ну Главному Начальнику Края от Н. Кузьмина. Кр. Владивосток. 15 Мая 1901 г.».

²⁰ Приамурские ведомости. 1900. № 363 (10 дек.). С. 10–11. О сложности с печатанием восточных текстов на российском Дальнем Востоке известно также из предисловия директора Восточного института А.М. Позднеева к первому выпуску «Известий» этого института. Он писал о том, что, хотя комплекты японского и корейского шрифтов для институтской типографии были закуплены, в них не оказалось «некоторых важнейших иероглифов»; не было во Владивостоке и наборщиков для этих языков (Известия Восточного института. 1900. Т. 1. С. VI–VII). Видимо, схожие трудности наблюдались и в Хабаровске, где печаталось издание «Элементарного пособия к изучению корейского языка».

Нужно сказать, что генерал-губернатор Гродеков поощрял изучение офицерами Приамурского военного округа иностранных языков, особенно восточных, и оказывал таким военным всяческое содействие. Так, в «Приамурских ведомостях» за 1900 г. помещена заметка о том, что Н.И. Гродеков наградил золотыми часами господина Михайловского за занятия китайским языком с офицерами Приамурского военного округа²¹. Также Николай Иванович активно поддерживал офицеров, желавших получить образование в открытом в 1899 г. во Владивостоке Восточном институте – добился выделения для них правительством специальных мест, отпускал из бюджета средства на заграничные командировки во время летних каникул и т. д.

О жизни составителя «Элементарного пособия» известно не слишком много. О службе Н.Д. Кузьмина до 1903 г. есть несколько строчек в «Списке полковникам по старшинству» (одном из ежегодников Военного министерства Российской империи) за 1914 г., в уже упоминавшихся заметке в «Приамурских ведомостях» и статье Н.В. Хисамудиновой. Некоторые сведения об учебе Кузьмина в Восточном институте можно почерпнуть из «Известий» этого института, в частности из протоколов заседаний его конференции²². На основании архивного дела сухие факты о деятельности капитана с 1903 г. перечисляет в своей статье «Офицеры – выпускники Восточного института: годы и судьбы» А.М. Буяков²³. Из всех этих источников об авторе учебника известно следующее. Никита Дмитриевич Кузьмин родился 15 июля (по старому стилю) 1866 г. В 1886 г. окончил Иркутское юнкерское училище²⁴, «после чего служил на российско-корейской границе: был начальником охраны на пограничной реке Тюмень-ула (ныне Туманная)»²⁵. Как мы уже знаем, в 1896–1898 гг. он был военным инструктором в Корее. В очерке его сослуживцев, таких же инструкторов С. Афанасьева и Н. Грудзинского, сказано, что, помимо подготовки корейских военных Н. Кузьмин переводил «все хозяйственные книги с русского на корейский язык», готовил отчетность, а впоследствии заведовал всем хозяйством обуча-

Иркутское военное училище. 1910-е

емых батальонов²⁶. Об этом периоде его жизни упоминается и в «Приамурских ведомостях» – в заметке о выходе в свет «Элементарного пособия к изучению корейского языка»: «...До назначения в Корею, ш.-к. Кузьмин служил в войсках новокиевского гарнизона; живя в Новокиевском, центре корейских поселений Посьетского участка, ш.-к. Кузьмин посвятил свои досуги на изучение быта корейского народа и его языка, так что, когда он прибыл, в 1896 году в Сеул, он уже имел некоторые знания корейского языка, а в Сеуле, корейской столице, он стал заниматься изучением корейского языка не только с практической стороны, но и с научной, для чего познакомился с корейскими учеными и с некоторыми из англичан, работавших в Сеуле над тем-же делом»²⁷. Именно в этот период он, по-видимому, и составил свой учебник корейского языка. Вернувшись на родину летом 1898 г., Кузьмин получил назначение на должность адъютанта штаба Приамурского военного округа, где и служил до 1900 г. Сразу после возвращения он пожертвовал в «хабаровский музей коллекцию, изображающую постепенную выработку ружейных патронов на патронном заводе в Корее»²⁸. В заметке, опубликованной в «Приамурских ведомостях», А.П. Сильницкий отмечал, что «коллекция составлена очень хорошо и дает возможность получить полное понятие о выработке корейских патронов»²⁹.

В 1899 г. Никита Дмитриевич, будучи уже в чине штабс-капитана, с первым набором поступил в только что открывшийся во Владивостоке Восточный институт. В то время в России восточные языки преподавались только на восточном факультете Санкт-Петербургского университета. Там в 1897 г. на пике дружеских отношений с Кореей был открыт первый в стране курс корейского языка³⁰. Но он был факультативным и, как указывает Н.В. Хисамудинова, теоретическим. Владивостокский же Восточный институт должен был готовить учащихся «к службе в административных и торгово-про-

²¹ Приамурские ведомости. 1900. № 324 (12 марта). С. 7.

²² Конференция Восточного института – орган управления учебной частью института, состоявший из его директора, инспектора и всех профессоров, преподавателей и лекторов.

²³ Буяков А.М. Офицеры – выпускники Восточного института: годы и судьбы // Известия Восточного института. 1999. № 5. С. 107–108.

²⁴ Иркутское юнкерское училище – «военно-учебное заведение Российской императорской армии, занимавшееся подготовкой офицеров пехоты, а также кавалерии (в первые годы существования)». Открыто в 1874 г. «для обучения вольноопределяющихся из казаков». С 1901 г. – Иркутское пехотное юнкерское училище. «Готовило офицеров для регулярных и казачьих войск Сибири и Дальнего Востока. В училище принимали казаков Забайкальского, Уссурийского, и Амурского казачьих войск, а также Иркутской и Красноярской сотен. Предполагалось, что доля казаков среди учащихся должна составлять 2/3, но на практике их было меньше. В 1909 г. переименовано в Иркутское военное училище». (Источники: Прибайкалье (<http://www.pribaikal.ru/irkutsk-colleges/gallery/0/197/3152.html>); Ирина Михайловна Яковлева. Капризы памяти (<http://sundry.wmsite.ru/mojagenealogija/moi-sibirskie-predki/zilingi/irkutskoe-imperatorskoe-voennoe-uchilische/>)).

²⁵ Хисамудинова Н.В. Подготовка военных переводчиков в Восточном институте (конец XIX – начало XX в.) // Военно-исторический журнал. 2013. № 8. С. 57.

²⁶ Афанасьев, Грудзинский Н. Указ. соч. С. 29–31.

²⁷ Приамурские ведомости. 1900. № 363 (10 дек.). С. 10.

²⁸ Приамурские ведомости. 1898. № 233 (14 июня). С. 8.

²⁹ Там же.

³⁰ Троцевич А. Ф. Изучение корейской литературы в России // Вестник Центра корейского языка и культуры. 1999. Вып. 3–4. С. 39.

Список прослушавших полный курс наук Восточного Института.					Коллегии,	Летней академии	Летней академии	Летней академии	Специальные	Политические	Политические
					Коллегии,	Летней академии	Летней академии	Летней академии	Специальные	Политические	Политические
Студенты:											
1.	О. в. Вольской Дух. Семинария	отл.	удов.	—	удов.	удов.					
2.	О. в. Троицко-авского Рева. Училища	отл.	в. уд.	в. уд.	отл.	отл.					
3.	О. в. Озюнецкой Клас. Гимназия	отл.	отл.	отл.	в. уд.	отл.					
4.	О. в. Астрханской Дух. Семинария	отл.	отл.	отл.	отл.	в. уд.					
5.	Свищенская Цивильск. о. Констанция	отл.	удов.	—	востр.	удов.					
6.	О. в. С.-Петербургского Юнк. Училища	отл.	в. уд.	в. уд.	в. уд.	в. уд.					
Офицеры-слушатели:											
7.	Капитанъ Того В. С. Сурьского полка	в. уд.	удов.	—	удов.	удов.					
8.	Низь-пантанъ 14-го В. С. Сурьского полка	отл.	отл.	—	в. уд.	в. уд.					
Посторонние слушатели:											
9.	Подпоручикъ Павла Назаровъ Гунгорей	отл.	удов.	—	удов.	удов.					
10.	Коллежский Ассесоръ Шкуркинъ Павелъ	отл.	отл.	отл.	отл.	отл.					

014 – Ведомость итоговых оценок слушателей последнего IV курса Восточного института (первый набор военнослужащих).

мысленных учреждениях восточноазиатской России и прилегающих к ней государств»³¹ – эта цель была прописана в первом пункте Положения о Восточном институте. По предложению приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова в институт с первого года на особых основаниях стали принимать по четыре офицера. Поступали они по направлению генерал-губернатора и изучали те предметы, которые указывались генерал-губернатором. Курс обучения продолжался четыре года. В конце каждого учебного года офицеры, наряду с остальными студентами, сдавали экзамены по пройденным предметам и, если получали положительные оценки, переводились на следующий курс. Студенты и офицеры по усмотрению конференции института и (в случае с офицерами) военного начальства могли во время летних каникул направляться за казенный счет в командировки в соседние азиатские государства «для усовершенствования в изучаемых языках»³². В протоколах заседаний конференции Восточного института за 1900–1903 гг. можно найти оценки, полученные Н.Д. Кузьминым на годовых экзаменах. Первый курс он окончил с такими результатами: политическая экономия – 4; государственное право – 4; английский язык – 4; богословие – 4; китайский язык – 5; география Востока – 5. В итоге он зачислен на второй курс корейско-китайского отделения, а в качестве «специального предмета изучения» выбран корейский язык³³.

Тем летом Кузьмин наряду с другими студентами и офицерами Восточного института был отправлен в командировку за границу. Его, вероятно, как знающего корейский язык и подавшего заявление на корейско-китайское отделение, направили в Корею. В протоколе заседания конференции Восточного института от 20 октября 1900 г. упомянуто, что на заседании заслушивались

³¹ Положение о Восточном институте // Известия Восточного института. 1900. Т. 1. С. 81.

³² Положение о Восточном институте // Известия Восточного института. 1900. Т. 1. С. 82.

³³ Протоколы заседаний конференции Восточного института за 1900–1901 академический год // Известия Восточного института. 1900. Т. 2, вып. 1. С. 49.

«отчеты о командировках»³⁴, представленные прикомандированными к институту офицерами, в том числе и отчет Н. Кузьмина. Конференция постановила «работу г. Кузьмина признать заслуживающей почетного отзыва».

Но на последующих курсах успехи автора «Элементарного пособия» были гораздо скромнее – из хорошиста он стал троечником. Так, на годовых экзаменах вто-

рого курса он получил следующие оценки³⁵: китайский язык – 3; международное право – 4; специальный язык [т. е. корейский] – 3; английский язык – 5; история – 3.

Однако, несмотря на снижение успеваемости, летом 1901 г. его снова на средства института направили в учебную командировку в столицу Кореи Сеул. В отчете Восточного института за 1901 г. сказано, что в качестве отчета о летней командировке «штабс-капитан Кузьмин представил... обстоятельные записи по Северной Корее»³⁶.

Экзаменационные отметки Н. Кузьмина на третьем курсе были еще хуже³⁷: китайский язык – 3; специальные языки [т. е. корейский] – 3; история – 3; торговое право – 3; счетоводство – 3; английский язык – 4. На лето он снова, вместе с офицерами С. Афанасьевым и И. Дюковым, был командирован в Корею: осенью Никита Кузьмин представил отчет «Посещение корейских портов Кунь-сань [т. е. Кун-сан] и Мок-пхо»³⁸. И наконец, в 9-м томе «Известий Восточного института» за 1902–1903 академический год напечатана итоговая ведомость «прослушавших полный курс наук Восточного института». На заседании конференции института было определено «утвердить определение успешности г.г. прослушавших полный курс наук Восточного института в усвоении ими предметов институтского преподавания – нижеследующей оценкой их знаний (отл. = отличные успехи, в. уд. = весьма удовлетворительные успехи; удов. = удовлетворительные успехи; поср. = посредственные успехи)»³⁹.

³⁴ Предоставление отчета о командировке было обязательным для всех слушателей института, отправленных для практики за границу. При отсутствии отчета студент не допускался к занятиям на следующем курсе.

³⁵ Протоколы заседаний конференции Восточного института // Известия Восточного института. 1901. Т. 2, вып. 3. С. 221.

³⁶ Позднеев А.М. Отчет о состоянии и деятельности Восточного института за 1901 год, составленный и, в извлечениях, читанный на годовом акте 21 октября 1901 года директором Восточного института, профессором А. Позднеевым // Известия Восточного института. 1902. Т. 3, вып. 3. С. 75.

³⁷ Протоколы заседаний конференции Восточного института за 1901–1902 академический год // Известия Восточного института. 1902. Т. 3, вып. 5. С. 179.

³⁸ Отчет о состоянии и деятельности Восточного института за 1902 год / [А.М. Позднеев] // Известия Восточного института. 1903. Т. 5. С. LVII.

³⁹ Протоколы заседаний конференции Восточного института // Известия Восточного института. 1903. Т. 9. С. CLXV.

Согласно этому определению итоговые оценки капитана (за время учебы он успел получить следующее звание) 7-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Н.Д. Кузьмина выглядят следующим образом: богословие – в. уд.; китайский язык (общий курс) – удов.; китайский язык (специальный курс) – [не изучал]; специальные языки [т. е. корейский] – удов.; политическая организация Китая – удов.; политическая организация страны специального изучения – удов.; английский язык – удов.; французский язык – [не изучал]; общий курс географии и этнографии Востока – отл.; новейшая история Востока – удов.; коммерческая география Востока – в. уд.; политическая экономия – в. уд.; международное право – в. уд.; государственное право – в. уд.; гражданское и торговое право – удов.; счетоводство – удов.; товароведение – в. уд.; письменное сочинение – в. уд. (поч[ти] от[лично])⁴⁰.

Вскоре после окончания Восточного института, в феврале 1904 г. Никита Дмитриевич Кузьмин был «командирован в штаб Маньчжурской армии и в марте был назначен начальником разведывательного отделения Восточного отряда Маньчжурской армии»⁴¹. О его дальнейшей судьбе можно узнать из статьи А.М. Буякова «Офицеры – выпускники Восточного института: годы и судьбы». Цитируем этот фрагмент статьи полностью:

«С сентября 1904 г. – штаб-офицер для поручений при управлении военных сообщений Приамурского военного округа, а с января 1905 г. – штаба обороны Приморской области. В январе 1906 г. за отличие по службе произведен в подполковники. С марта 1906 г. назначен исправляющим должность пограничного комиссара Амурской области. С августа 1912 г. – исправляющий должность, а с мая 1914 г. – пограничный комиссар в Южно-Уссурийском крае. В декабре 1912 г. за отличие по службе произведен в полковники.

<...> Кузьмин был пограничным комиссаром до 1923 г. Он не ушел с остатками Белой армии в Китай в октябре 1922 г., а остался в советском Приморье.

После ликвидации комиссарства был безработным. Как «чуждый социальный элемент» стоял на учете. Подрабатывал торговлей. Только в 1925 г. был принят на государственную службу главным содержанием имущества морской инспекции частей пограничной охраны Приморского губернского отдела ОГПУ. Уволен 1 ноября того же года как «не имеющий военно-морской специальности». 21 мая 1926 г. был арестован сотрудниками контрразведывательного отделения Приморского окружного отдела ОГПУ по обвинению в шпионаже в пользу Японии. Дело его рассматривала заочно в судебном заседании коллегия ОГПУ СССР. 29 ноября 1926 г. он был приговорен по ее решению к трем годам заключения в концлагерь.

6 февраля 1927 г. был отправлен этапом и отбывал наказание как ссыльнопоселенец в Соловецком концлагере ОГПУ. Ходатайства его и жены об условно-досрочном освобождении были отклонены. В концлагере

ре его дальнейшие следы теряются. Учитывая возраст Кузьмина и плохое состояние здоровья, можно предположить, что он в скором времени там умер. В июне 1997 г. был реабилитирован»⁴².

Еще один интересный факт, касающийся карьеры Н.Д. Кузьмина, находим в статье Ю.А. Павлова: «В январе 1906 г. начальник штаба Приамурского военного округа писал командующему округом: «При настоящем положении дел и чрезвычайной важности в военном отношении границы нашей с Кореей, а равно крайней необходимости вести тщательную разведку обо всем, предпринимаемом японцами в Корее, должность пограничного комиссара Южно-Уссурийского края приобретает весьма важное значение, и на эту должность следовало бы назначать людей со специальной подготовкой, знающих Корею, сопредельную с нами, и ее население, и притом непременно офицеров, то есть лиц, имеющих кроме перечисленных выше качеств еще и солидные военные познания... Состоящий ныне в должности пограничного комиссара действительный статский советник Смирнов, не обладающий никакой специальной подготовкой, не знающий местных языков и совершенно не знакомый с военным делом, по моему мнению, совершенно не соответствует занимаемой им должности, приобретающей при современной обстановке значение первой важности». Начальник штаба ходатайствовал о назначении вместо него Н.Д. Кузьмина»⁴³. Но, как мы уже видели, в январе 1906 г. Никита Дмитриевич получил назначение на должность пограничного комиссара Амурской области, а пограничным комиссаром Южно-Уссурийского края он стал только в 1912 г.

Добавим также, что во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Н.Д. Кузьмин получил два ордена: Святого Станислава II степени (1904) и Святой Анны II степени (1905). В 1915 г., по сведениям А.М. Буякова, он «награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. с бантом за выслугу 25 лет в офицерских чинах»⁴⁴.

Николай Иванович Гродеков, уезжая с Дальнего Востока в 1902 г., подарил все свое книжное собрание Николаевской публичной библиотеке в Хабаровске (ныне Дальневосточная государственная научная библиотека). Среди пожертвованных книг оказался и учебник Кузьмина с его дарственной надписью. Он хранится в фонде редких и ценных изданий ДВГНБ в составе книжной коллекции Н.И. Гродекова.

Фотографии Сеула взяты с военно-исторического сайта «Feldgrau.info», снимок японских солдат в Сеуле – с сайта «Корё сарам» (koryo-saram.ru). Снимок Иркутского военного училища скопирован с сайта «Прибайкалье» (<http://www.pribaikal.ru>). Фотографии 8–10 – из альбома «Корея», хранящегося в фонде редких и ценных изданий ДВГНБ

⁴⁰ Протоколы заседаний конференции Восточного института // Известия Восточного института. 1903. Т. 9. С. CLXIV–CLXV.

⁴¹ Буяков А.М. Офицеры – выпускники Восточного института: годы и судьбы // Известия Восточного института. 1999. № 5. С. 107.

⁴² Буяков А.М. Офицеры – выпускники Восточного института: годы и судьбы // Известия Восточного института. 1999. № 5. С. 107–108.

⁴³ Павлов Ю.А. Офицеры – пограничные комиссары на Дальнем Востоке (конец XIX – начало XX в.) // Вестник ДВО РАН. 2007. № 1. С. 109.

⁴⁴ Буяков А.М. Офицеры – выпускники Восточного института: годы и судьбы // Известия Восточного института. 1999. № 5. С. 108.

Книги странствий*

Морские гидрографические исследования дальневосточных берегов в XVIII – начале XIX века

Татьяна КИРПИЧЕНКО

Эпоха XVIII–XIX веков вошла в науку как эра великих русских географических открытий. О более ранних исторических событиях сохранились «отписки» и «скаска» первопроходцев Дежнева, Хабарова, Пояркова, Атласова... Исследователи более позднего времени – российские мореплаватели, первооткрыватели земель на Тихом океане XVIII–XIX вв. оставили путевые дневники, очерки, мемуары. Среди этих интересных исторических документов встречались сочинения с явными литературными достоинствами. Они представляли интерес для широкой публики и издавались достаточно большими тиражами, что позволило им сохраниться до наших дней.

Перечень таких книг велик: «Российского купца Григория Шелихова странствия из Охотска по Восточному океану к американским берегам» (1791), «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним» (в двух книгах, 1810, 1812), «Путешествие вокруг света в 1803–1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве» И.Ф. Крузенштерна» (1809, 1812), «Путешествие вокруг света на корабле «Нева» в 1803–1806 годах» Ю.Ф. Лисянского (1812), «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах...» (1816), «Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1818 и 1819 годах» В.М. Головнина, «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820–1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф.П. Врангеля», «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849–1855» Г.И. Невельского (1878) и многие другие. В них описаны героические и трагические страницы российской истории, показан подвижнический труд море-

ходов, открывавших и осваивавших новые земли.

Издавались в России в тот период и переводные книги о путешествиях и научных экспедициях иностранных моряков Дж. Кука, И. Биллингса, Д. Ванкувера, Ж.-Б. Лессеписа и других. В фонде редких и ценных изданий отдела краеведческой литературы Дальневосточной государственной научной библиотеки (ДВГНБ) хранятся некоторые из этих книг. Они интересны нам сегодня и как памятники той эпохи, и как богатый источник исторической прозы.

Книга «Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжение осьми лет, при Географической и Астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса, с 1785 по 1793 год» была издана в двух частях в Санкт-Петербурге в 1802 году. Труд Сарычева сразу обратил на себя внимание публики. Книгу перевели на иностранные языки и издали в Англии, Германии, Франции и Голландии. Иностранные историки подчеркивали выдающееся научное значение работы автора.

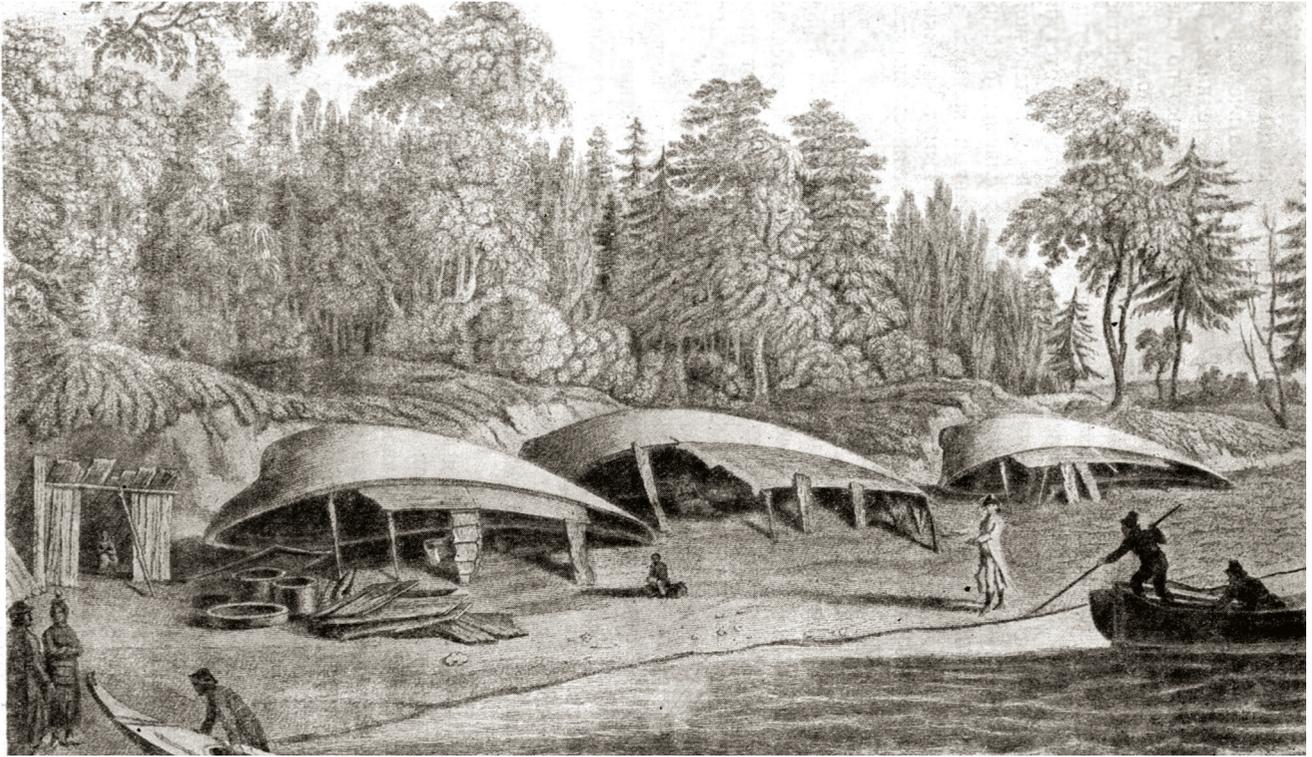

Гавриил Андреевич Сарычев

Гавриил Андреевич Сарычев – морской офицер, ученый-гидрограф, руководитель ряда экспедиций, составитель карт, атласов, лоций и наставлений по морской оптики. Он родился в 1763 году в семье мелкопоместного дворянина, служившего прапорщиком в морском

* В исторических цитатах сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

Лагерь американцев-туземцев, расположившихся под байдарами. Атлас к путешествию Г. Сарычева

Мужчина с острова Уналашки.
Рисунок из атласа Г. Сарычева. 1802

батальоне. После окончания Морского кадетского корпуса служил на Балтийском море, реках Днепр и Сож. С наибольшей силой его талант ученого и гидрографа проявился во время участия в Северо-Восточной географической и астрономической морской и сухопутной экспедиции И.И. Биллингса – Г.А. Сарычева (1785–1794). Главным результатом стало то, что все открытые русскими промышленниками острова и земли северной части Тихого океана и Дальнего Востока были закреплены за Россией. Руководителем этой секретной экспеди-

ции стал англичанин И.И. Биллингс, а помощником был назначен лейтенант Г.А. Сарычев. На самом деле 22-летний Сарычев в этой экспедиции сыграл основную роль. Действуя самостоятельно, он тщательно и добросовестно описал работу экспедиции, снабдив описание заметками по географии, наблюдениями по этнографии, гидрографии и метеорологии.

Экспедиция проходила в чрезвычайно сложных условиях. В 1786 году ее участники прибыли в Нижнеколымск, а в 1787-м на двух отстроенных там кораблях вышли из устья реки Колымы в океан. Но обогнуть Чукотский полуостров и войти в Берингов пролив сразу не удалось. Осенью 1789 года Сарычев и Биллингс повторили попытку пройти к Берингову проливу и Америке со стороны Охотска. На пути к Курильским островам был открыт остров Святого Ионы, исследованы полуостров Камчатка и Авачинская губа. Эта часть работы описана Сарычевым в первом томе его книги «Путешествия флота капитана Сарычева». Вторая часть включает сведения «со времени отправления из Петропавловской гавани до окончания экспедиции». В предисловии к книге Сарычев писал: «Я

Алеутка.
Атлас к путешествию Г. Сарычева

не старался по примеру некоторых странствователей украсить повествование свое привлекательными, необычайными и забавными, но вместе вымышленными приключениями, а только, следуя всегда одной истине, с точностью вносил в оное подлинные происшествия и местами делал свои замечания».

Текст книги «Путешествие флота капитана Сарычева» украшают гравюры с рисунков художника экспедиции Луки Воронина, на которых изображены очертания берегов с моря, виды поселений, портреты туземцев, предметы их быта и культуры – ценные свидетельства

по этнографии жителей Алеутских островов, Чукотки и Аляски. Экземпляр книги, хранящейся в Дальневосточной государственной научной библиотеке, поступил, о чем сообщает наклейка на форзаце, «Из библиотеки Дома воспитания бедных детей».

В 1803–1806 годах российские моряки совершили первое кругосветное путешествие. Организовали его по заданию правительства и Российско-Американской компании с целью найти короткий путь для доставки грузов на территории Русской Америки и к островам Тихоокеанского побережья. К северо-западным берегам Америки и были направлены корабли «Надежда» и «Нева». Для установления дипломатических и торговых связей с Японией в состав экспедиции был включен русский посланник действительный статский советник Н.П. Резанов, поэтому «Надежда» направлялась к Камчатке и в Японию, а «Нева» в Америку. Возглавил экспедицию и корабль «Надежда» флота капитан-лейтенант И.Ф. Крузенштерн, командовать вторым кораблем поручили Ю.Ф. Лисянскому.

Юрий Федорович Лисянский родился 2 августа 1773 года в г. Нежине в семье протоиерея. Он закончил Морской кадетский корпус, где подружился с И.Ф. Крузенштерном и к началу первого российского кругосветного плавания имел богатый опыт далеких и опасных плаваний, маневров и морских сражений. Ю.Ф. Лисянский хорошо знал астрономию, математику, картографию, специальные морские науки и прекрасно владел иностранными языками. Неудивительно, что именно ему, по предложению И.Ф. Крузенштерна, было поручено командование вторым кораблем кругосветного путешествия.

Первое плавание русских вокруг света продолжалось три года. Оно открыло новые страницы географической науки. Крузенштерн и Лисянский уточнили карту Мирового океана, определили точные координаты многих пунктов, зачеркнули многие мифические земли, показанные на картах. В результате этого путешествия был освоен морской путь из Кронштадта в

Индию, Китай и к берегам Русской Америки. Коллекции, собранные экспедицией, представляли большую научную ценность. По итогам экспедиции оба командира кораблей опубликовали записки о своем путешествии. В их путевых дневниках документально точно описан путь следования, достопримечательности разных стран, городов, быт и нравы жителей, особенно тех племен, где сохранились древние обычаи.

В ДВГНБ хранится первое издание книги Ю.Ф. Лисянского **«Путешествие вокруг света в 1803. 4. 5. и 1806 годах, по повелению Его Императорского Величества Александра Первого, на корабле «Неве», под начальством флота капитан-лейтенанта, ныне капитана 1-го ранга и кавалера Юрия Лисянского»** (ч. 1–2, СПб., 1812). Первая часть рассказывает о плавании «Невы» из Кронштадта до Англии и Канарских островов, посещения острова Св. Пасхи, Маркизовых и Сандвичевых [Гавайских] островов. Страницы второй части посвящены пребыванию мореходов в Русской Америке. В ней описаны встреча с правителем Русской Америки А.А. Барановым и русскими промышленными людьми, путешествие в глубь острова Кадык и взаимоотношения с его коренным населением. Из записок Лисянского можно узнать о жизни Русской Америки, ее природе и быте, о коренных жителях, их жизни и культуре. В своем труде Лисянский публикует целый ряд словарей жителей островов Русской Америки, которые, несомненно, в свое время оказали большую помощь морякам, посещавшим в дальних плаваниях тихоокеанские острова.

Книга Ю.Ф. Лисянского, вышедшая позже записок И.Ф. Крузенштерна, интересна и сама по себе, и как дополнение труда Крузенштерна. В предисловии Ю.Ф. Лисянский пишет: несмотря на то, что была опубликована книга Крузенштерна с описанием их кругосветного путешествия, он решил издать свои записки для более полной картины путешествия на обоих кораблях, так как непредвиденные обстоятельства, жестокие бури и маршру-

ты часто надолго разводили корабли, и поэтому в своих записках автор нередко описывает такие места, где не бывал И.Ф. Крузенштерн, и такие события, в которых он не участвовал. В заключение своего «предуведомления» Лисянский подчеркивает: «При сочинении моих путешественных записок я старался украсить все предметы не витийством или плавностию слога, но истиною».

С изданием книги возникли большие проблемы. Написанная в 1806 году рукопись неоднократно возвращалась к автору, а в 1812-м он напечатал ее за свой счет. Чтобы возместить расходы, он перевел свой труд на английский язык и издал в Лондоне, уверенный, что в морской державе интерес к такой литературе несравненно выше. И не ошибся. Превосходно оформленное издание разошлось быстро. Об этом успехе высказался много лет спустя В. Белинский: «Но вот еще характеристическая черта нашей литературы или, лучше сказать, нашей публики, – черта, о которой, к сожалению, нельзя сказать, чтобы она отзывалась стариной: известного путешествия Крузенштерна вокруг света, изданного в 1809–1812 годах, на русском и немецком языках, и путешествия вокруг света Лисянского, изданного в 1812 году, на русском и английском языках, в России разошлось едва ли по двести экземпляров каждого, между тем, как в Германии вышло три издания путешествия Крузенштерна, а в Лондоне продана в две недели половина экземпляров книги Лисянского». В «Вестнике Европы» за 1913 год тоже писали о книге Ю.Ф. Лисянского: «Сии сочинения можно назвать прекраснейшим памятником, который народом России воздвигнут мореходству и наукам».

В ДВГНБ хранится два экземпляра книги Лисянского издания 1812 года. Один экземпляр – это две части в одном томе, переплетенные в кожу с тиснением на корешке и обрезом с синим краплением, принадлежал известной на Дальнем Востоке семье предпринимателя А.Д. Старцева. На первой части книги под «Предуведомлением» автора имеется роспись, предположи-

Юрий Федорович Лисянский

тельно автограф самого путешественника. Второй экземпляр – это отдельный выпуск второй части книги.

Первая русская кругосветная экспедиция Крузенштерна и Лисянского вписала яркую страницу в историю русского флота и русскую географическую науку. Она вызвала к жизни целую серию русских кругосветных и полукругосветных плаваний, во время которых морскими офицерами и учеными экспедиций производились исследования морей и океанов, а также описания посещаемых мест; были открыты неизвестные острова, проливы, заливы. Весной 1807 года в путь отправилась новая экспедиция, чтобы совершить плавание к русским владениям в Северной Америке и провести гидрографические исследования в этой части Тихого океана, изучить береговой рельеф Камчатки, Курил и Аляски, открыть судоходные реки, по которым можно было бы проникнуть в глубь этих малоизвестных земель. Начальником экспедиции был назначен лейтенант В.М. Головнин.

Василий Михайлович Головнин родился в 1776 году в небогатой дворянской семье. Потеряв родителей, был определен в морской кадетский корпус. Гардемарином участвовал в сражениях со шведами. В кадетском корпусе кроме основных дисциплин изучил словесность, историю, физику, с увлече-

Шлюп «Нева» в гавани Святого Павла на острове Кадьяк

нием читал книги о морских путешествиях, опыта набирался, служа на судах английского флота. В возрасте 30 лет стал командиром шлюпа «Диана», отправлявшегося для описания северной части Великого океана. Экипаж «Дианы» был тщательно подобран самим капитаном. Своим помощником он избрал капитан-лейтенанта Петра Ивановича Рикорда, с которым его связывала многолетняя дружба.

Во время этого плавания В.М. Головнину и его команде пришлось испытать немало приключений, побывать в сложных и опасных ситуациях. Корабль был задержан англичанами на мысе Доброй Надежды и только отчаянный побег

помог им вырваться из английского плена. Во время работ у острова Кунашир Головнина вероломно захватили в плен японцы, и он вместе с двумя офицерами и четырьмя матросами провел в неволе более двух лет. Освободили их только благодаря усилиям и настойчивости П.И. Рикорда. «В Петербург, – писал Василий Михайлович, – приехал я в 1814 году в среду, 22 июля, в 10 часов утра, ровно из часу в час через семь лет моих путешествий из Петропавловской гавани до Петербурга; провел я в дороге 7 месяцев и 20 дней: ехал на собаках, на оленях верхом, на лошадях верхом, в зимних повозках, опять на лошадях и летних повозках. Конец

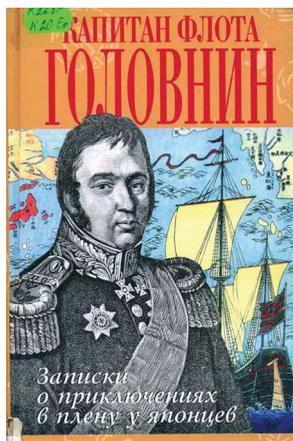
дороги. Богу слава!» В 1817–1819 годах он совершил новое кругосветное путешествие, после которого трудился на российских верфях, где под его руководством было построено более 200 кораблей. Еще не старый, полный сил вице-адмирал В.М. Головнин скончался от холеры в 1831 году.

Он был мореплавателем и ученым, историком и географом, экономистом и лингвистом, кораблестроителем и навигатором, этнографом и военно-морским теоретиком, философом и литератором, государственным и общественным деятелем. О своих морских странствиях и приключениях Головнин написал несколько книг. Особой популярностью пользовались «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением замечаний его о Японском государстве и народе», впервые изданные в 1816 году и сразу же переведенные на многие европейские языки. В «Предуведомлении» автор пишет: «Если б по примеру некоторых издателей путешествий, я имел желание увеличить сию книгу для моих выгод, то, конечно, мог бы под названием предисловия, введения, вступления и проч. и проч. наполнить добрый том выписками из других книг, в коих писано о Японии и которые известны всем просвещенным читателям, но я хочу описывать только то, что со мной случилось, что я сам испытал и видел собственными глазами».

В Дальневосточной государственной научной библиотеке хранится книга **«Записки флота капитана Головнина»** под редакцией профессора Э.Ю. Петри, изданная в Санкт-Петербурге в 1894 году как ежемесячное приложение к журналу «Северь» за октябрь 1894 года (три части в одном томе). На форзаце штамп «Вытегорская земская библиотека-читальня» (Вытегра – город Олонецкой губернии, ныне центр Вытегорского района Вологодской области. – Т. К.). Рядом со штампом надпись карандашом «Маховъ». В «Журнале Распорядительного комитета Приамурского отдела Императорского Русского географического общества» (№ 6

В.М. Головнин у берегов Камчатки. С картины В. Соколова-Ширшова

за 1894 год) есть запись, что в Николаевскую публичную библиотеку поступила книга В. Махова «Фрегат «Диана»: путевые записки бывшего протоиерея Василия Махова», присланная из Санкт-Петербурга сыном автора И.В. Маховым. Протоиерей Василий Емельянович Махов служил священником в походной церкви на фрегате «Диана» и с командой адмирала Путятина совершил кругосветное путешествие и побывал в Японии в 1854–1855 годах.

Возможно, книги В.М. Головнина о Японии и морских странствиях были в библиотеке отца и сына Маховых и вместе с книгой В. Махова «Фрегат «Диана» попали в Хабаровскую библиотеку.

В значительной степени сочинение Головнина дополняют **«За-**

писки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с японцами».

Петр Иванович Рикорд (1776–1855) – мореплаватель-путешественник, исследователь северной части Тихого океана, адмирал, один из основателей Русского географического общества. В 1787 году он был определен в Морской кадетский корпус в Кронштадте, а в 1792-м произведен в гардемарины и в этом звании, а затем мичманом участвовал в военных кампаниях. Связанный дружбой с В.М. Головниным еще с кадетской скамьи, он также совершал плавания в качестве волонтера на судах Английского флота (1803–1806).

В 1806 году на шлюпе «Диана» помощником капитана лейтенанта

Бюст Василия Михайловича Головнина в Южно-Сахалинске. 1982. Скульпторы Р. Муродян и В. Клочков

Головнина отправился для сопровождения судна «Нева» (под командой капитана Гагемейстера) в кругосветное плавание для открытия и описания северной части Великого океана. На Камчатку они прибыли только в 1809 году, пробыв в плену у англичан 18 месяцев. Следующие две зимы П.И. Рикорд провёл на Камчатке, где с Головниным на «Диане» обследовал южные Курильские острова. В 1817–1822 годах в чине капитана I ранга исполнял обязанности начальника Камчатской области. Впоследствии воевал с турками, был начальником обороны Кронштадта (1854).

О своих приключениях с В.М. Головниным Рикорд написал в «Записках флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах и о сношениях с япон-

цами», изданных в 1816 и переизданных в 1851 и 1875 годах. Они дополнили книгу В.М. Головнина о пребывании его в плену. Записки Рикорда переведены на французский, немецкий и шведский языки. В ДВГНБ хранится третье издание «Записок», напечатанное в Санкт-Петербурге в 1875 году. Публикация была подготовлена вдовой адмирала П.И. Рикорда Людмилой Ивановной Рикорд (урожденной Коростовцевой) как специальное издание, «предназначенное для воспитанников Морского училища, получающих премию имени адмирала Рикорда». Книгами Головнина и Рикорда в те годы зачитывались

21 августа 1996 г. в японском городе Госики-тё на острове Авадзи(сима) в горловине Осацкого залива на восьмитонном каменном монолите, доставленном с острова Кунашир, был установлен бронзовый памятник русскому адмиралу В. Головнину и японскому купцу Такатая Кажю, много сделавшему для того, чтобы Василий Михайлович вернулся домой из плена

Памятник адмиралу Рикорду в Торопце установлен в 2001 г., в честь 225-летнего юбилея со дня рождения великого адмирала

Петр Иванович Рикорд

С.К. Зарянко. Портрет генерал-адъютанта Федора Петровича Литке. 1854

все молодые офицеры. Все мечтали отправиться с Головниным в новое кругосветное путешествие, но удавалось это немногим. Головнин был требовательным командиром. Среди счастливых оказался мичман Федор Литке.

Граф Федор Петрович Литке (1797–1882) – русский мореплаватель и географ, адмирал, президент Императорской Академии наук. Участвовал в кругосветном плавании Головнина в 1817 году. Командовал шлюпом «Сенявин» в кругосветной экспедиции (1826–1829), во время которой описал западное побережье Берингова моря и открыл в нем ряд островов. Один из создателей Русского географического общества. Был его вице-председателем до 1873 года.

Ф.П. Литке родился 17 сентября 1797 года в Петербурге, в семье таможенного чиновника. В тот же день умерла от родов его мать. Осталось пятеро малолетних детей. В шесть лет Федор был отправлен на воспитание в пансион, но за четыре года обучения получил весьма слабые знания. С 11 до 15 лет жил у дяди, который тоже не занимался мальчи-

ком, и только пробудившаяся в нем страсть к чтению и переезд в семью старшей сестры, муж которой был морским офицером, помогли ему сделать правильный выбор жизненного пути. Мальчик все дни проводил на кораблях, а его любимыми книгами стали сочинения знаменитых мореплавателей.

Юному гардемарину довелось участвовать в боевых действиях, служить адъютантом главного командира Свеаборгского военного порта, при этом он непрерывно занимался самообразованием, совершенствуясь в военно-морском деле и перечитывая труды Крузенштерна, Лисянского, Сарычева и других мореплавателей. Дарования и энергию молодого офицера оценил и В.М. Головнин, включив его в состав кругосветной экспедиции 1817–1819 годов, а затем дав рекомендацию для назначения начальником экспедиции в Северный Ледовитый океан. По итогам этих походов Литке написал книгу **«Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан, совершенное по повелению Императора Александра I на военном бри-**

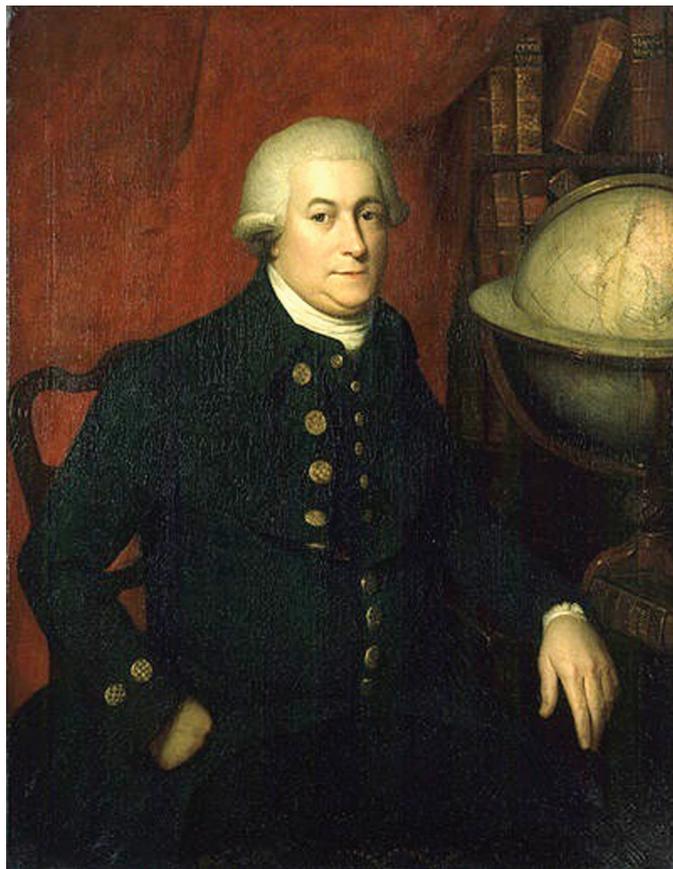
ге «Новая Земля» в 1821, 1822, 1823 и 1824 годах флота капитан-лейтенантом Федором Литке. Издано по Высочайшему повелению. В двух частях. СПб. 1828».

14 августа 1826 года Ф. Литке был отправлен в кругосветное плавание начальником экспедиции, в состав которой входили два шлюпа – «Моллер» под командованием капитан-лейтенанта М.Н. Станюковича и «Сенявин» под командой самого Ф.П. Литке. Плавание 23-летнего офицера на «Сенявине» продолжалось три года и пять дней. Экспедицию эту географы считают одной из самых плодотворных русских кругосветных экспедиций. Ф.П. Литке составил точную карту значительной части побережья и островов Берингова моря, открыл в этом море большую группу островов, измерил высоту многих сопок Камчатки. В Тихом океане он открыл 12 неизвестных островов и описал 26 групп не обследованных до него островов, составил карты Каролинского и Марианского архипелагов. В результате всех этих работ был составлен мореходный атлас, содержащий более пятидесяти карт и планов. Своими наблюдениями Литке внес ценный вклад в океанографию, метеорологию и другие науки. Натуралисты экспедиции собрали ценные коллекции по зоологии, ботанике, минералогии и сделали до 1 250 зарисовок. Литке привез богатую коллекцию одежды, орудий, утвари и украшений народностей Америки, Камчатки и Тихоокеанских островов. За успешное завершение экспедиции его произвели «через чин» в капитаны первого ранга.

В 1832 году Федор Петрович закончил работу над трехтомным описанием своего плавания. «Путешествие вокруг света, совершенное по повелению Императора Николая I на военном шлюпе «Сенявин» в 1826, 1827, 1828 и 1829 гг. флота капитаном Федором Литке». Издано оно было в 1834–1836 годах на русском и французском языках. Один экземпляр на русском языке первого издания книги Ф.П. Литке хранится в ДВГНБ. Этот замечательный труд стал главнейшим в жизни выдающегося мореплавателя, блестяще продемонстрировав его обширные познания в самых разных областях на-

уки. В рассказе о своем путешествии Литке приводит описание многих районов, где шлюп стоял на якоре. Помимо географических характеристик дает картину политических и экономических отношений во многих местах Русской Америки, Алеутских островов, Каролинских островов, Камчатки и т. д. Здесь же множество сведений по этнографии, которой Федор Петрович увлеченно занимался, составляя словарь каролинских наречий. Большой научный интерес представляют «Замечания о чукчах», в которых рассматривается историческое происхождение этой народности, дается характеристика общественного строя, обычаев, обрядов, образа жизни, семейных отношений чукчей. Третья часть книги содержит сочинения ученых-натуралистов экспедиции: Постельса, Мертенса и Киттлица. В них представлены геолого-минералогические описания посещаемых районов, обзор животного мира с приложением зарисовок, рисунков и видов животных, растений, геологических обнажений и геоморфологических образований.

Сочинение Литке было отмечено Академией наук полной Демидовской премией, автора избрали членом-корреспондентом Академии. Но погрузиться в любимое занятие наукой, то, к чему так стремился Федор Петрович, не пришлось. Много лет в его обязанности входило воспитание великого князя Константина Николаевича, позже он исполнял обязанности главного командира Ревельского порта и ревельского, а затем кронштадтского военного губернатора. При его живейшем участии основано Русское Географическое общество, вице-президентом которого Ф.П. Литке являлся с 1845 по 1873 год за исключением того периода (1850–1856), когда по службе пришлось выезжать из Петербурга. Неустанно трудился он и на посту президента Академии наук с 1864 года до конца жизни. Большие заслуги Литке перед русской географической наукой были признаны еще при его жизни. В 1872 году учредили золотую медаль его имени, которой награждались выдающиеся отечественные географы-исследователи.

Неизвестный художник. Портрет Джорджа (Георгия) Ванкувера. Конец XVIII в.

В XVIII–XIX веках параллельно с российскими исследовательскими судами моря и океаны бороздили корабли опытных английских, французских, испанских мореплавателей. Среди них англичанин Джордж Ванкувер, изложивший свои наблюдения и результаты исследований в отдельной книге, изданной уже после смерти автора в 1798 году его братом Джоном и капитаном Пюджетом.

Джордж (Георгий) Ванкувер родился в 1758 году, в 1771 году вступил в английский военный флот, принял участие во втором (1772–1775) и третьем (1776–1779) путешествиях Кука. В 1780–1789 годах служил в Вест-Индии. К моменту кругосветного плавания к берегам Северной Америки прошел хорошую школу, был опытным мореплавателем. В 1790–1795 годах совершил кругосветное плавание, предпринятое с целью установления возможности внутреннего водного и морского сообщения между Тихим и Атлантическим океанами и исследования побережья Северной Америки. Кроме того, Ванкувер

имел специальное задание английского правительства принять в британское владение от Испании земли, примыкающие к заливу Нутке (западное побережье острова, получившего впоследствии имя Ванкувера). Обогнув Африку, экспедиция направилась к Австралии, где обследовала Землю Короля Георга, Новую Зеландию, открыла остров Чатем, исследовала Тихоокеанское побережье Северной Америки от Калифорнии до залива Кука у берегов Аляски.

Ванкувер провел гидрографические работы в районе пролива Хуан-де-Фука и Поджет-Саунд, безуспешно искал вход в реку Колумбия и пришел к выводу, что внутренний водный путь к бассейну Великих озер отсутствует. В 1793 году вновь производил обследование и съемку Тихоокеанского побережья Северной Америки, исследовал архипелаг Королевы Шарлотты и Александра, острова Кадьяк и Чирикова в заливе Аляска и др. Установил связь с русскими моряками и поселенцами, через которых уточнил, что «река Кука» является за-

ливом. На обратном пути в Англию описал мыс Сан-Лукас (Южная Калифорния), Галапагосские острова, посетил Южную Америку, обогнул мыс Горн, обследовал остров Святой Елены и в 1795 году вернулся на родину. В качестве начальника большой морской экспедиции Ванкувер сначала исследовал западный берег Южной Америки, Сандвичевы острова и затем два раза был на западном берегу Северной Америки и соседних островах между 39-м и 51-м градусом северной широты, которые исследовал очень подробно. Вернувшись в Англию, он до самой смерти в 1797 году был занят описанием своего путешествия. В свет оно вышло под названием *Voyage of Discovery to the North Pacific Ocean* (Лондон, 1798).

К английскому изданию братом Джоном Ванкувером было подготовлено предисловие, в котором он сообщает, что большую часть книги к изданию подготовил сам капитан Ванкувер. Им самим обработано и приготовлено было пространное введение и важнейшая часть его сочинения, где описаны его открытия и географические поверки. Изнурительная служба подорвала его здоровье, и он рано умер, но «к счастьем для науки вообще, и в особенности для мореплавателей, имеющих со временем последовать за ним по лабиринту Американских берегов, с толиким тщанием им описанному, провидению угодно было продлить жизнь его до окончания хотя географической части его экспедиции, которая им совершенно обработана». К сожалению, не вошли в полной мере описание его любопытных наблюдений по истории, посещаемых им земель, заметки об обычаях, законах и вере обитателей тех мест. Эти материалы автор предполагал поместить в специальном приложении в конце сочинения, но обработать эти материалы не успел, поэтому в издание Джоном Ванкувером были включены выборочно самые любопытные отрывки, «стараясь сколько было возможно, сохранить собственные выражения капитана Ванкувера, коего остроумие в наблюдениях и правдивость в повествованиях,

уже давно приобрели ему доверенность и уважение публики».

В предисловии Дж. Ванкувер пишет: «Смертию капитана Ванкувера служба Его Королевского Величества лишилась одного из деятельнейших и способнейших офицеров, общество потеряло сочлена постоянно почтенного, истина и науки в нем лишились ревностного защитника, а я оплакиваю в нем искреннего друга и нежно любившего меня брата». К сожалению, русское издание 1827 года еще более сократилось. В предисловии к нему говорится, что Государственный Адмиралтейский департамент, ознакомившись с переводом книги, посчитал полезным ее издание. Причина, по которой Государственный Адмиралтейский департамент распорядился перевести на русский язык и издать в Морской типографии труд капитана Ванкувера, приведена в предисловии к русскому изданию книги. «Из всех путешествий, совершенных англичанами в последней половине истекшего столетия для распространения географии, одно из важнейших конечно было путешествие Капитана Ванкувера, как по множеству произведенных в продолжение оно гидрографических исследований, так и по примерной точности и подробности, с каковыми сей знаменитый мореплаватель описывал берега Америки, коих опись по естественному их образованию сопряжена с чрезвычайными затруднениями. В сем отношении путешествие Капитана Ванкувера заслуживает вообще внимание каждого морского офицера; но в особенности путешествие сие важно для Русских мореплавателей, потому что описи Ванкувера, объемлющие весь северо-западный берег Америки, преимущественно объясняют положение и свойство той части оно, которая ныне принадлежит России».

Для русских морских офицеров важны были и подробнейшее описание берегов Америки, и гидрографические исследования, и астрономические таблицы, по которым исчисляли они свои наблюдения. Иметь русский перевод «Путешествия» Ванкувера изъясняли же-

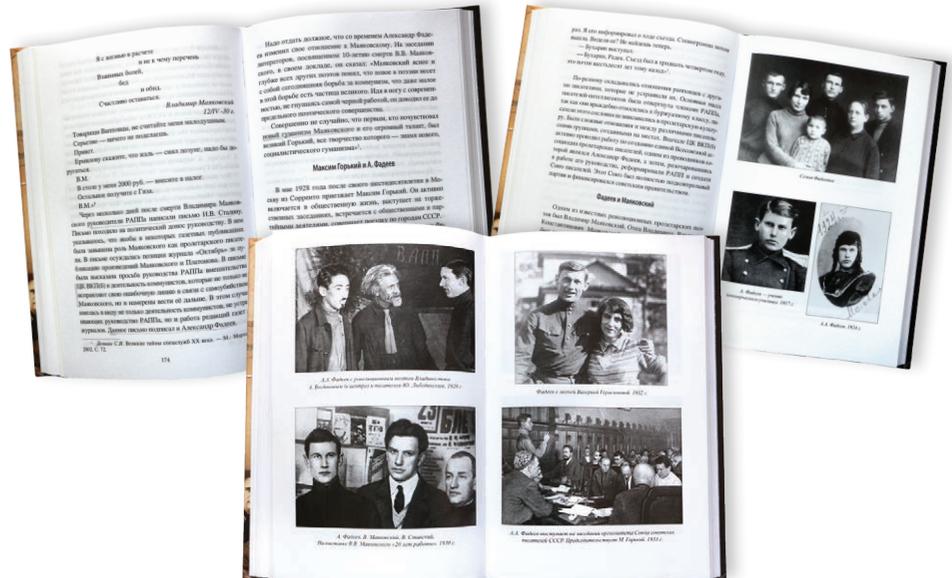
вание и чиновники Российско-Американской компании. Для того чтобы полезная книга стала доступна морским офицерам, не вполне владеющим иностранными языками, перевод ее отпечатали по распоряжению Государственного Адмиралтейского департамента в Морской типографии в 1827 году. (**«Путешествие в северную часть Тихого океана и вокруг света, совершенное в 1790, 1791, 1792, 1793, 1794 и 1795 годах капитаном Георгием Ванкувером»** / Гос. адмиралтейс. департамент ; пер. с англ. – СПб. : Мор. тип., 1827. – 336 с.). Чтобы воспользоваться этой книгой мог каждый нуждающийся, ее постарались сделать недорогой, для чего издателям русского перевода пришлось не включать имеющиеся в английском подлиннике «гравированные виды и пр. которые бы очень возвысили цену сего издания, между тем как оные суть только предметы роскоши и любопытства». Не был также издан на русском языке «Атлас Ванкувера», т. к. большая часть его вошла в изданное к тому времени собрание карт на русском языке.

О востребованности книги еще в течение многих лет говорит тот факт, что на экземпляре ДВГНБ на титульном листе стоит прямоугольный штамп – «Библиотека транспорта «Таймыр», штамп библиотеки знаменитого ледокольного парохода русского и советского гидрографического флота, участника освоения Северного морского пути. В 1909 году он был зачислен в состав ВМФ как транспорт, а с 1910 года из Владивостока совершал ежегодные плавания в арктические моря в составе гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана. В 1914–1915 годах суда экспедиции впервые прошли всю трассу Северного морского пути с востока на запад с зимовкой в районе полуострова Таймыр и в сентябре 1915 года пришли в Архангельск. В 1915 году экспедиция была расформирована. А книга из библиотеки транспорта «Таймыр» попала в Хабаровск, где и хранится как редкое краеведческое издание.

Точность во всем

Шепчугов, П.И. Александр Фадеев. Между властью и творчеством / Павел Шепчугов. – М. : Вече, 2017. – 320 с.: ил. (Моя Сибирь).

Валентина КАТЕРИНИЧ

В статье «Правда жизни. Писатели-соцреалисты на Дальнем Востоке» («Словесница Искусств», № 1 (39), 2017) говорилось о том, что и в XXI веке интерес к жизненному и творческому пути Александра Александровича Фадеева (1901–1956) не иссякает, а фигура «великого и ужасного» (по определению Ольги Берггольц) Фадеева притягивает внимание и побуждает к осмыслению. Тема имеет продолжение. Юрист и писатель Павел Шепчугов из Находки опубликовал свою книгу «Фадеев. Между властью и творчеством», и вышла она в престижном московском издательстве «Вече» в научно-популярной серии «Моя Сибирь». Вслед за анонсом в «Литературной газете» в мае 2017-го, состоялась ее презентация в Находке. При этом сотрудники библиотеки музея подготовили витрину-выставку книг Александра Фадеева «Вся моя жизнь прошла в борьбе».

Прежде чем говорить о замечательной книге Шепчугова, скажем о ее авторе. Известный российский писатель и журналист Игорь Шумейко написал книгу «Ближний Дальний Восток», и в ней есть глава под заголовком «Шепчугов-Находкинский», которая точно характеризует этого энергично-щедрого человека. Цитата из Игоря Шумейко (он, кстати, и автор предисловия к книге о Фадееве): «Меня с ним познакомили наш классик В.Г. Распутин и главный редактор журнала «Дальний Восток» В.В. Сукачев. Сказали: «Есть в твоей Находке один не совсем обыкновенный адвокат, подвижник – все деньги вкладывает в книги, помогает местной культуре, писателям. Собрал самую большую частную библиотеку на всем Дальнем Востоке... За все журналистские ...дцать лет мне, конечно, приходилось писать и о многих фондах, спонсорских программах, но впервые довелось пообщаться со столь искренним и ярким Благотворителем, Благотелем в чистом виде...»

И еще один отзыв о Шепчугове и его книге «Противостояние» («Записки мента из глубинки») от поэта и друга Шепчугова Евгения Лебкова: «Павел Шепчугов – по крови полурусский-полутунгус, последний сын многодетной забайкальской семьи, по образованию юрист, по призванию литератор, по жизни плотник, сам себе построивший дом, отличный шофер, небахвальский семьянин, обладатель редкой библиотеки, неутомимый книголюб».

Перечень официальных заслуг Шепчугова достоин отдельного информационно-библиографического из-

дания, оно вышло в Находке в 2013 году. Член Союза российских писателей, действительный член Русского географического общества, член ученого совета Общества изучения Амурского края, член Дальневосточной коллегии адвокатов Приморского края, почетный житель города Находки, краевед, меценат. Кстати, из Забайкалья в Находку он переехал в 1989 году. И если на первых порах его величали «Забайкалец из Находки», то теперь представляют так: «Находкинец из Забайкалья». Так и называется юбилейная статья к 70-летию Шепчугова в газете «Утро России» (Владивосток, 6 июля 2017).

Мне, автору этих строк, довелось лично и эпистолярно общаться с этим удивительным человеком, писать о его поэтических сборниках и даже внести скромную лепту в его собрание книг. Из его письма 2015 года: «Для меня имеют значение все книги. В моей библиотеке имеются отделы художественной литературы, краеведения, литературоведения, истории, мемуаров, поэзии, искусства, кино, научной литературы, юридической, военной и так далее. Но главное направление – краеведение, литература писателей и поэтов Дальнего Востока, Приамурья, Забайкалья и Сибири. ...Много читаю, от литературной работы отвлекает адвокатская деятельность, однако в год успеваю издавать одну, а иногда две книги по истории и краеведению. Вышли три диска песен. Много времени уходит на сбор и размещение книг в личной библиотеке. Сейчас количество около ста тысяч. Много архивных документов. Стали обращаться ко мне за подбором необходимой литературы».

Писатель П. Шепчугов с директором музея им. А. Фадеева Л.В. Бадюк, село Чугуевка Чугуевского района Приморского края

П.И. Шепчугов и литературовед В.Н. Катеринич

Это лирическое отступление о книжном собрании Павла Ивановича Шепчугова я обращаю к тем, кто спешит похоронить бумажную книгу и выбрасывает на помойку целые домашние библиотеки. Но сейчас речь идет не о противостоянии электронных и бумажных носителей, а о конкретном произведении дальневосточного писателя Шепчугова, посвященном Александру

Фадееву. Достоинство этой книги в том, что она принадлежит перу юриста и писателя. С одной стороны, уважение к документам и фактам, с другой – обобщенное видение всей панорамы. «Во всем до тошноты я точен», – говорит Шепчугов. И еще формулирует: «История вбирает все, оставаясь в общем единой и великой картиной».

Контрапункт власти и творчества в биографии Фадеева – точное попадание в суть, хотя и не открытие. Напомним выступление Михаила Шолохова на XX съезде КПСС, в котором он подверг критике Фадеева. «Фадеев оказался достаточно властолюбивым генсеком и не захотел считаться в работе с принципом коллегиальности <...> А разве нельзя было в свое время сказать Фадееву: «Властолюбие в писательском деле – вещь никчемная. Союз писателей – не воинская часть и уж никак не штрафной батальон, и стоять по стойке «смирно» никто из писателей перед тобой не будет, товарищ Фадеев. Ты – умный и талантливый писатель, ты тяготеешь к рабочей тематике, садись и поезжай-ка годика на три-четыре в Магнитогорск, Свердловск, Челябинск или Запорожье и напиши хороший роман о рабочем классе».

В тексте Шепчугова эта речь Шолохова приводится еще подробнее. Вообще книге находкинского автора присуща тщательная работа с источниками (в библиографии их указано больше сотни, а в библиотеке Шепчугова ныне насчитывается более 200 тысяч томов) и умение их компоновать так, чтобы основные драматические узлы биографии Фадеева освещались с разных сторон. Оценки и суждения, как позитивные, так и негативные, о деяниях и творчестве Фадеева, исходящие от современников и последующих толкователей, позволяют читателю делать свои объективные выводы. Это напоминает современную забаву, когда из отдельных элементов (пазлов) складывается картинка. Но автор, взявшийся за жизнеописание генсека советской литературы, не уклоняется от собственного анализа и выводов.

Так, о писательской судьбе Фадеева Шепчугов заключает: «Александр Фадеев являлся проводником идей Сталина в литературной деятельности. И фактически его карьера писателя закончилась после романа «Разгром», в котором сохранилась чистота жизненного восприятия окружающего мира, воплощенная в художественное произведение. В дальнейшем Фадеев был писателем-администратором, писателем-политиком, писателем-исполнителем, претворяющим в жизнь идеи своего кумира – вождя Иосифа Сталина». Что касается второй ипостаси Фадеева, то есть писателя-политика, автор рецензируемой книги заключает: «Его жизнь была похожа на состояние канатоходца, лавирующего между небом и землей, который мог погибнуть от любого неосторожного движения, проходя по канату. Однако Александр Фадеев не упал, он просто не захотел жить в таком мире». Это суждение относится и к самоубийству Фадеева.

Книга «Александр Фадеев. Между властью и творчеством» отвечает на общественный запрос о тайных или мало известных в советском литературоведении сторо-

нах биографии Фадеева. Например: в чем причина стремительного взлета судьбы Александра Фадеева? Почему молодому тридцатилетнему Фадееву доверили создать совместно с Максимом Горьким важнейшую творческую и идеологическую организацию СССР – Союз писателей? В чем причина многолетнего, практически безграничного доверия к Фадееву И.В. Сталина? На эти и другие вопросы автор книги отвечает с максимальной полнотой. На вопрос о стремительном взлете писательской карьеры Шепчугов ответил без обиняков на презентации своей книги в Находке: «Главную роль в «вертикальной» карьере Фадеева сыграла известная большевичка Розалия Самуиловна Землячка (Залкинд), с 1926 года входившая в состав правительства СССР. По всему, Фадеев и Землячка были в близких отношениях, несмотря на большую разницу в возрасте. Она вывела его на Анастаса Микояна, входившего в ближайшее окружение Сталина».

А.И. Микоян и Р.С. Землячка помогли Фадееву созданием бытовых условий для его творческой работы (речь идет о ростовском периоде его жизни). Но не только. Из книги Шепчугова мы узнаем, кто же была Муза молодого писателя тогда, когда он писал «Разгром». Бывший секретарь Р.С. Землячки, ныне писатель М.Д. Соколов рассказал Шепчугову: «Булыга (Фадеев) очень часто бывал в крайкоме и по мере написания новых глав «Разгрома» передавал их Землячке, она читала их, потом делилась с автором своими впечатлениями от прочитанного и, вероятно, также своими замечаниями, советами, пожеланиями. Затем Фадеев передал Землячке все написанные им в Ростове главы целиком, и она вновь перечитала всю рукопись... Ни одна из глав «Разгрома» не была опубликована без предварительного ознакомления с нею Р.С. Землячки».

Большой исторический и литературоведческий интерес в книге Шепчугова представляют фрагменты 3-й главы: Фадеев и Маяковский, Максим Горький и Фадеев, Александр Фадеев и Михаил Шолохов, а также Святополк-Мирский и Фадеев. Из них читатель узнает подробности малоизвестные, но значительные для панорамного охвата литературной жизни 20-х и 30-х годов прошлого века. Тут и межличностные, и чисто литературные, и официально-государственные моменты, которые иногда переплетаются самым причудливым образом. Юрист Шепчугов может порой выстроить чисто детективный сюжет, как, например, неожиданный поворот в биографии Маяковского: с подачи историка Германа Смирнова есть основания считать годом рождения поэта не 1893-й, а 1988-й, то есть он на пять лет старше, чем до сих пор считали. Достоверно разгаданы хитросплетения секретных служб до и после революции. Читая книгу приморского автора о Фадееве еще раз убеждаешься, насколько глубоким и увлекательным может быть документальное повествование.

Фото предоставлены отделом информационно-библиографического обслуживания муниципального бюджетного учреждения культуры «Центральная библиотечная система» г. Находки

Фадеев. Живой

Авченко, В.О. Фадеев / Василий Авченко. – М.: Молодая гвардия, 2017. – 366 с.: ил.

Елена ГЛЕБОВА

Дальневосточный писатель Василий Авченко написал биографическое исследование об Александре Фадееве. Оно вышло в 2017 году в издательстве «Молодая гвардия» в серии ЖЗЛ и представляет собой объемный портрет человека неординарного, искреннего, при жизни превращенного в бронзовый памятник, сброшенного в постсоветское время с пьедестала и ошельмованного. Следуя по линии жизни Фадеева, сверяя его время и наше и находя неразрывные связи, автор убедительно доказывает надуманность обвинений в его адрес и возвращает практически стертые имя в литературу, в нашу жизнь.

Перечитав «Разгром», Василий Авченко сделал личное открытие: «Фадеев – живой, а казалось, что уже давно нет». «В моей позднесоветской и раннепостсоветской школе его еще проходили. Потом я надолго забыл его, пока несколько лет назад не оказался в партизанских местах Приморья. В электронной книжке случайно (случайно ли?) оказался «Разгром», я открыл файл – и не смог оторваться, пока не дочитал до конца. «Разгром» вдруг оказался живым, огнедышащим, кровоточащим. Как будто вулкан спал – и вот проснулся. И второе ощущение – Фадеев насквозь дальневосточен. Уехав в Москву на двадцатом году жизни, он до конца тосковал по Приморью, вспоминал в мельчайших подробностях свои здешние дороги и чувства, не раз пытался вернуться сюда».

Вместе с автором книги мы начинаем свой путь к Александру Фадееву с его родного села Чугуевка (так говорил он сам, хотя официальное место рождения – село Кимры Тверской губернии). Первая глава – «Булыга из Сандагоу» (Булыга – партизанская клич-

ка Фадеева, Сандагоу – старое название одного из сел нынешнего Чугуевского района). Здесь растет и формируется будущий писатель, крепнет и развивается неординарная личность, уже в ранней молодости проявляя себя бесспорным лидером. Благодаря глубокому авторскому анализу самых разных факторов – исторического контекста, семьи, окружения, литературных пристрастий – становится абсолютно понятно, как Фадеев мог стать именно таким человеком. Принять революцию безоговорочно, проявлять подлинное бесстрашие в годы Гражданской войны и потом, буквально на одном дыхании, написать свой первый роман, где практически нет литературного вымысла и за каждым персонажем стоят реальные лица и судьбы. «Разгром» – вещь художественная, но не выдуманная, – пишет автор книги. – Есть память местных жителей, есть партизанские могилы с фамилиями из «Разгрома». На здешних сопках и в распадах перемешаны литература и история, факты и вымысел, прошлое и настоящее». Несколько разделов книги посвящены другому программному произведению Фадеева – «Молодой гвардии». И здесь мы вновь сталкиваемся с серьезным авторским разбором романа – от замысла и воплощения до всех тяжелых последствий этой работы в жизни писателя.

Тема Дальнего Востока проходит сквозь биографическое исследование главной нитью, на нее нанизаны все знаковые события в жизни писателя, включая его трагический уход. Незадолго до смерти он в который раз рвался уехать в Приморье, в письмах указывал конкретные сроки, но в итоге планы свои изменил кардинально. «Лучший Фадеев – дальневосточный Фадеев», – утверждает Василий Авченко в главе «Навсегда дальневосточник». В ней есть интересные и важные страницы о «братьях по краю», как названы здесь Фадеев и Арсеньев, о пересечении их линий жизни в творчестве и повседневности. Автор пишет, что состоялась даже их личная встреча – один был ребенком, другой – легендарным исследователем и путешественником, чьи книги уже тогда стали культовыми. И, ссылаясь на Семена Бытового, приводит рассказ о том, как в 1913 году юный Фадеев видел Арсеньева в Хабаровском краеведческом музее: Владимир Клавдиевич тогда им руководил, лично провел экскурсию для школьников и много рассказы-

Василий Авченко на презентации своей книги «Фадеев»
<http://primamedia.ru/news/567117/>

вал о своих таежных путешествиях. «Без натяжки можно сказать, – считает Василий Авченко, – что Арсеньев благословил Фадеева».

Наверное, очень трудно писать о такой по-настоящему крупной личности, сохраняя «нейтралитет». Самые активные годы Фадеева пришлись на такое беспросветье («тридцать девятые – проклятые», как точно написала Евгения Гинзбург о сталинских временах), когда невозможно было оставаться «в белом», но одна из сильных сторон книги молодого дальневосточного писателя заключается в том, что он рассматривает факты честно и непредвзято. Он не скрывает, что Фадеев был любимцем Сталина, но доказывает, что именно это обстоятельство позволяло ему помогать попавшим в беду. Приводит многие свидетельства того, что «бронзовый» писатель не отворачивался от «зачумленных». Например, Александра Вампилова, которому в 1965 году довелось несколько дней подряд пить с Твардовским: «Любит и часто вспоминает Фадеева: «Мой старший друг, неправда, что он кого-то сажал, он выручал, Заболотского, например».

Василий Авченко не смакует интимные страницы биографии Фадеева, что делает ему честь, хотя и не обходит тему женщин в жизни писателя, поскольку она важна. Но с беспощадной хроникальностью показывает, как этот красивый во всех смыслах человек разрушается под влиянием необратимых процессов в

государстве, из-за невероятной загруженности на посту главы Союза писателей, невозможности заниматься литературой, интриг недоброжелателей – и особенно после смерти «кремлевского горца». А их, как выяснилось после смерти Александра Александровича, оказалось великое множество. Они и создавали негативную мифологию о своем недавнем лидере, забыв при этом о собственных поступках в годы сталинского террора.

«Фадееву требуется возвращение. Новое непредвзятое прочтение. Переосмысление. Реабилитация – пишет автор в заключение. – В первый раз его убили еще в СССР, превратив живого человека и писателя в кусок бронзы. Во второй раз убили вместе с СССР, объявив сатрапом и палачом. Потом убили в третий раз, сделав вид, что такого писателя вообще нет. <...> Но вот парадокс: самоубийство писателя способствовало продлению его жизни. Добровольный уход с громким хлопком дверью – письмо в ЦК – придал текстам и биографии Фадеева особое звучание, навсегда сопроводив их эхом револьверного выстрела в собственное сердце. Когда-то на маяках в туманную погоду стреляли из пушки, чтобы корабли не налетели на камни. У Фадеева пушки не было – только револьвер».

Перевернув последнюю страницу книги Василия Авченко «Александр Фадеев», хочется по-настоящему открыть «Разгром» и тоже вернуть для себя его автора.

Наш земляк Александр Фадеев*

Юлия ШЕСТАКОВА

Не берусь и не ставлю своей задачей говорить о том, какое громадное значение в художественном развитии нашего народа имеет творчество Александра Фадеева. Это большая и совершенно особая тема. Мне предстоит только поделиться своими впечатлениями о том времени, когда Фадеев стоял во главе Союза советских писателей, и нам – дальневосточникам – довелось с ним встречаться в Москве.

В 1936 году, когда я, окончив литературный факультет Иркутского пединститута, приехала в Хабаровск и поступила литконсультантом в Дальневосточное правление Союза писателей (так оно тогда называлось), а затем стала работать в редакции журнала «На рубеже» (сейчас «Дальний Восток»), Фадеев был уже главным редактором, вернее, он подписывал журнал, хотя сам уже был в Москве. В 1937 году в журнале у нас печаталась четвертая часть его знаменитого романа «Последний из удэге», но редактор был уже другой. О Фадееве много и часто говорили у нас в редакции. Поэты Вячеслав Афанасьев,

Вести бывают подобно тайфуну, внезапно налетят весть откуда и взорвут воздух на широком пространстве. Вот так и тогда было. Казалось, в мире все замерло, мы ждали подробных известий, прислушивались и на что-то еще надеялись... Увы... Фадеев ушел из жизни...

Многим из нас он помог, не подозревая о том, что был великим учителем. В истории советской литературы Фадеев занимает особое место. Его романы, повести, рассказы, его доклады, выступления на писательских съездах и пленумах, наконец, вся жизнь этого человека, целеустремленная, яркая, с самой юности отмеченная партизанскими походами за советскую власть, – все это уже достояние истории и тем не менее близко нам и необычайно дорого.

Анатолий Гай, Семен Бытовой переписывались с Фадеевым, рассказывали о встречах с ним, о совместных поездках по Приморью, и мне было как-то удивительно и странно, что они называли его просто Сашей Фадеевым.

Для меня он был высоким литературным авторитетом, одним из любимых писателей. Был и остается таким. Мне довелось его видеть несколько раз. Я встречала его на Всесоюзном съезде писателей, на пленумах и писательских собраниях в Москве, почти всегда в обстановке официальной, чрезвычайно напряженной и деловой. Слышала его речи, в которых всегда можно было почувствовать дух объективности, – это было присуще Фадееву, – принципиальный подход к оценке того или иного явления литературы, благородный тон его полемических выступлений при всей их остроте.

Но, в общем, надо начать все по порядку...

В январе 1950 года меня вызвали в Москву. Комиссия по работе с молодыми авторами решила обсудить мой «Новый перевал» (он тогда был еще в рукописи) и

* Фрагмент из книги Ю. Шестаковой «Встречи и расставания». Хабаровск, Хабаровский краевой благотворительный общественный фонд культуры. 2003

повесть Джанси Кимонко «Там, где бежит Сукпай» (тоже рукопись в моем переводе). Это было вскоре после того, как у нас в Хабаровске состоялась конференция дальневосточных писателей.

И «Новый перевал», и повесть Джанси Кимонко были приняты к изданию. Время шло, я уже работала с редактором, находясь долгое время в Москве, готовила рукопись для издательства «Советский писатель», и тут как-то днем мне позвонили из секретариата и сказали, чтобы я к семи часам вечера явилась на прием к Фадееву.

Это было неожиданностью для меня, потому что сама я не предпринимала никаких шагов для подобной встречи и не готовилась к ней. Всю дорогу от станции метро «Бауманская» и до улицы Воровского я размышляла над тем, о чем же у нас пойдет разговор.

Увидеть Фадеева было давней моей мечтой. Помню, еще в 1947 году, когда я возвращалась из Ленинграда с географического съезда, на который была избрана делегатом как участница экспедиции в центральную часть Сихотэ-Алиня, на обратном пути, остановившись в Москве, я заходила в Союз писателей. Материалы об удэгейцах, собранные во время экспедиции, работа над переводом повести Джанси Кимонко, некоторые мои наблюдения, вопросы дальнейшего развития культуры малых народностей – все это меня волновало, и я хотела посоветоваться с Фадеевым – ведь он продолжал работать над своим романом «Последний из удэге», и, следовательно, ему тоже интересно будет узнать, думала я, какие процессы сейчас происходят в жизни малых народов Дальнего Востока.

Но в Союзе писателей мне сказали, что Александр Александрович собирается в заграничную поездку и очень занят... Так что встреча с ним тогда не состоялась.

Но вот, спустя три года, Фадеев сам вызвал меня для беседы. Я не ошиблась в своем предположении. Это можно было понять по первым его словам:

– Товарищи мне рассказывали о вас. Вы пишете об удэгейцах? Скажите, что собой представляют хорские удэгейцы в этническом смысле? Ведь они, насколько мне известно, меньше других подвергались иноземному влиянию и вообще жили обособленно. Сколько лет прошло, как они забросили свои кочевья?

Фадеев подробно расспрашивал меня, каким транспортом пользуются жители Гвасюгов, приходят ли к ним сородичи из Приморья, общаются ли они с тернейскими удэгейцами, с бикинскими, иманскими? Заинтересовался грамотностью населения.

Александр Александрович слушал меня с вниманием, и лишь изредка прерывал вопросами:

– Расскажите о Джанси Кимонко. Мне кажется, я видел его в Ленинграде? Он ведь учился в институте народов Севера?

Фадеев сам начинал говорить, но потом, умолкнув, опять слушал. Должно быть, мысли его уносились на Дальний Восток, в тайгу, к тропам его партизанской юности? Не знаю, во всяком случае, лицо его стало озабоченным и даже грустным. Заметив это, я сказала, что удэгейцы просили меня передать ему привет, и что один из них (был в Гвасюгах такой охотник – книголюб Василий Кялундзюга) уже несколько раз напоминал мне

Юлия Шестакова и Джанси Кимонко

об одном и том же: если увидите писателя Фадеева, узнайте, почему он назвал свой роман так: «Последний из удэге»? Как это понимать: «последний»?

Фадеев улыбнулся, потом заговорил о своем романе, работа над которым у него затянулась на долгое время. Говорил о чрезмерной загруженности, о том, что вынужден много ездить, выступать с докладами, представлять на международных конгрессах и писательских форумах. Для творчества остается слишком мало времени.

– Но я вернусь к роману «Последний из удэге». И на Дальний Восток обязательно приеду! – твердо пообещал он. – Мне просто необходимо побывать в родных местах. Не только для романа, но и по зову своей души...

Он сказал, что намерен ввести в роман новые лица, упомянул Сергея Лазо, вспомнил о Косте Рослом, с которым вместе партизанил.

– Просто не могу себе представить, что до сих пор не написал о нем ни строки... Геройский был парень, наш поэт-партизан!

Из беседы с Фадеевым я поняла, что он собирается переписывать, основательно перерабатывать свой роман. «Последний из удэге» он начал писать будучи совсем молодым, шел по горячим следам событий, стараясь охватить своим взглядом широкое поле жизни, обновленной революцией. Не все еще отстоялось тогда.

Название «Последний из удэге» возникло не без влияния Фенимора Купера, как сам он сказал об этом. И хотя Фадеев говорил, что замысел его не мог родиться в столь молодые годы без «Последнего из могикиан» Фенимора Купера, но в названии, наверное, должен быть дух полемичности? К сожалению, роман, как мы знаем, остался незавершенным. И все же огромное его значение в советской литературе неоспоримо.

Вспоминая сейчас, по прошествии многих лет, ту беседу с Александром Александровичем Фадеевым, я думаю о том, как важно было для него в пятидесятых годах оказаться на Дальнем Востоке. Но этого не случилось.

После нашей встречи я видела Фадеева еще несколько раз. В 1954 году мне вместе с Н.М. Роголем и А.С. Пришвиным выпала честь быть на Втором Всесоюзном съезде писателей. Еще до того как открылся съезд,

делегаты и гости, приехавшие в Москву, то и дело спрашивали друг друга: кто выступит с основным докладом, будет ли Фадеев на съезде? Говорили, что он болен, что после возвращения из Стокгольма у него снова обострилась болезнь печени. Представить себе съезд без Фадеева было просто невыносимо.

Помню, идем с Людмилой Татьяничей по улице Горького. Тихим, ровным голосом она рассказывает мне, что Александр Александрович в свой последний приезд к ним в Челябинск очень много работал. В то время он вплотную приступил к роману «Черная металлургия», и потому, оказавшись на Урале, среди будущих героев своей книги, он ежедневно вместе с рабочими по гудку ходил на завод. И не гостиница была его пристанищем, а простая рабочая семья...

Идем, разговариваем... И вдруг на углу Театрального проезда почти лицом к лицу сталкиваемся с ним. Это было так неожиданно, что мы смутились от радости. Он тоже увидел нас и остановился.

– На съезд приехали? Рад за вас... – сказал Фадеев. – А я, девчата, уговорил врачей и вот, как видите, удрал из больницы...

Открытие съезда состоялось вечером. А днем в одном из залов Дома Союзов заседала коммунистическая фракция съезда. Народу, как говорится, битком набито. Заполнены все ряды, но кто-то еще ищет место, хлопают стулья, шелестят газеты, слышатся взаимные приветствия, чей-то смешок, говор... Но вот все стали оглядываться. Поплыл шумок по рядам, через какое-то мгновение он уже превратился в радостный гул и взрыв аплодисментов.

От входной двери через весь зал твердым и легким шагом шел Фадеев. Он улыбался, на ходу здоровался со всеми, чуть склоняя то влево, то вправо седую, совершенно белую голову и жестом как бы умирив зал. Фадеев сел за стол президиума, как видно, взволнованный этой долгожданной встречей со своими товарищами и друзьями, и долго еще кивал кому-то, вглядываясь в глубину зала, и радостно шурился, заметив чье-то особенно близкое и дорогое ему лицо, и, скрестив ладони, как бы передавал свое крепкое рукопожатие молча.

У него было очень много друзей среди писателей. Но были и противники, с которыми он спорил, отстаивая твердость партийных позиций в оценке произведений искусства и литературы. Это можно было почувствовать на съезде. После содержательных, интересных докладов Алексея Суркова, Константина Симонова, Самеда Вургуня, Бориса Полевого, когда развернулись прения, мы услышали немало глубоких и острых выступлений.

Фадеев сидел в президиуме сосредоточенный, и лицо его казалось спокойным. Он не пропустил ни одного заседания. Внимательно слушал ораторов, поднимавшихся на трибуну, молчал, оглядывая притихшие ряды Колонного зала.

Появление Фадеева на трибуне было встречено громом рукоплесканий. Много лет прошло с тех пор. И вот, перечитывая сейчас выступление Александра Фадеева на том съезде, как будто заново переживаешь те памятные дни и глубже осмысливаешь то, что было сказано

им тогда. Его слова и теперь не потеряли своей актуальности. Тогда же, в атмосфере кипения страстей вокруг термина «самовыражение», дискуссий по поводу искренности, споров о том, где должен жить писатель: в городе или в деревне, они были особенно нужны.

«Не только в области лирики, – говорил Фадеев, – но и во всех областях художественного творчества писатель должен вкладывать в дело познания и отображения жизни всего себя, весь свой разум и сердце, всю свою любовь к нашим людям и ненависть к нашим врагам, ко всему косному и отсталому, что мешает нашему движению вперед. О чем бы писатель ни говорил, какие бы стороны жизни он ни отражал, он во все это должен вложить свою собственную биографию».

«Дело не в том, кто где живет, – продолжал Фадеев, – писатель, влюбленный в жизнь, с темпераментом борца всегда и везде найдет новое в жизни, движимый велением своего сердца...»

Вспоминается, как в один из дней между заседаниями участники съезда вышли на Красную площадь. Дальневосточники и сибиряки шли вместе. Но вот от толпы впереди нас отделился Фадеев. Он подошел к нам и, разрывая наш тесный круг, стал здороваться со всеми за руку. Никому и в голову не приходила мысль о его болезни. Он был слегка возбужден, отвечал на шутки, летевшие со всех сторон, улыбался и сам шутил. Вскоре кто-то его окликнул. Через минуту он уже стоял и разговаривал с группой уральских писателей. А потом присоединился к москвичам и весьма дружелюбно заговорил с теми, с кем еще вчера спорил. Неудивительно, что личность Фадеева, его имя обладали огромной притягательной силой.

Будучи настоящим, большим художником слова Александр Фадеев заслужил всемирное признание. А мы – дальневосточники – считаем его своим. Он – наш земляк! – говорим мы с гордостью. Между тем ростовчане тоже считают его своим. Он ведь там работал когда-то, жил и писал свой первый роман «Разгром» – прекрасную книгу. Попробуйте сказать в Москве, что Фадеев не москвич – он, полжизни проживший в столице! Уральцы тоже находятся с ним в некотором родстве, поскольку «Черная металлургия» имеет прямое отношение к уральской земле. Ну а как быть с краснодонцами? Ведь после «Молодой гвардии» для них нет писателя роднее, чем Фадеев...

Очевидно, дело тут не в землячестве, а в народности творчества Александра Фадеева. Он глубоко народный писатель! И понятна всеобщность любви к писателю, к его творчеству. Любовь эту можно объяснить тем, что в книгах его заключен опыт народной жизни, что это произведения большого мастера, который всегда знает, для кого и зачем он пишет и кому отдает сердце.

К сказанному мне хочется добавить вот что: Фадеев сам считал себя дальневосточником. Его первые прекрасные романы написаны о Дальнем Востоке, он любил этот край, считал его своим и в героях своих книг с любовью подчеркивал особый дальневосточный характер. Он рвался сюда и тосковал об этой земле. И выходит, что всеобщая наша любовь к нему оказалась взаимной.

Строчка в биографию страны

Валерий ЧЕРКЕСОВ

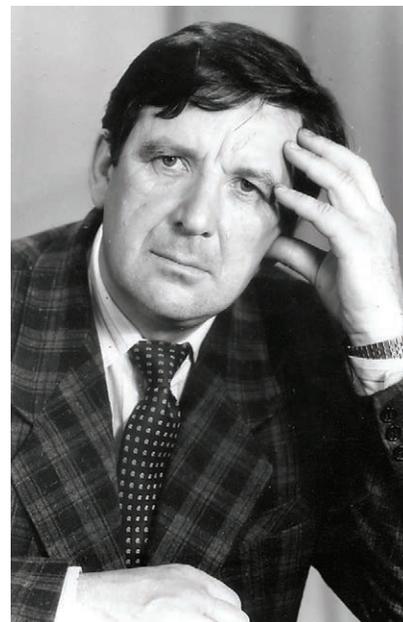
«Олег Головка – поэт БАМа» – под такой шапкой газета «Комсомольская правда», выходящая в 1970-е годы огромным тиражом, в одном из своих номеров представила подборку стихотворений поэта, который жил и работал в городе Тынды. И это абсолютно верно, он тогда был самым заметным и популярным стихотворцем на всей протяженности строительства – от Байкала до Амура.

О том, что на БАМе появился первый и единственный поэт, член Союза писателей СССР, я узнал из газеты «Амурская правда». В одном из ее октябрьских номеров за 1974 год была напечатана фотография, сделанная на фоне книжных полок, довольно молодого человека (ему в то время было тридцать четыре года), одетого в светлый модный джемпер. В тексте говорилось, что Олег приехал с Украины, но до этого окончил в Томске институт инженеров железнодорожного транспорта, работал на Западно-Сибирской железной дороге. В Томске вышла и первая его поэтическая книга «Радио на сосне», когда автор был еще студентом. Факт удивил: в таком поистине юном возрасте в советское время в государственном издательстве выпустить свой сборник – это было почти невозможно! Здесь же напечатали и несколько стихотворений, в которых чувствовалась авторская индивидуальность – напористость, жизнерадостность, оптимизм.

Как вышел первый сборник Головка, мне рассказал недавно в подмосковном Реутове поэт, прозаик, драматург Станислав Федотов (он, кстати, жил в Благовещенске в

конце 1990-х годов, возглавлял писательскую организацию). Станислав Петрович был знаком с Олегом еще в Томске. Они встречались, не раз выступали вместе перед читателями. Оказывается, в то время местное издательство задумало выпустить несколько книжек молодых поэтов, и Олег попал в их число. Станислав Петрович прочитал мне и стихотворение Головка на украинском языке, адресованное детям. Сказал, что Олег прислал ему текст, когда уже вернулся с БАМа на Украину, и что оно сразу запомнилось.

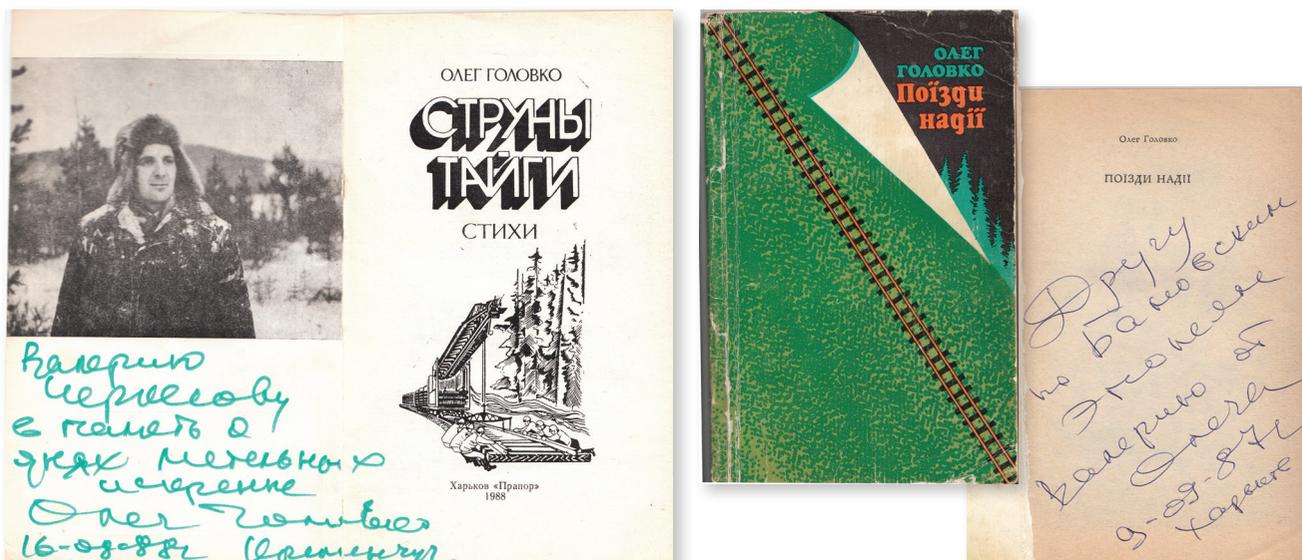
А мое знакомство с Головкой произошло летом 1977 года на организационном собрании Амурской областной писательской организации. Нас, молодых и не очень, прозаиков и поэтов, как тогда называли, членов литературного актива, тоже пригласили на это мероприятие. Олег Головка выделялся среди тогдашних амурских «маститых» писателей: Николая Фотьева, Александра Побожего, Игоря Еремина и других. Во-первых, он был младше всех по возрасту, во-вторых, высокий, стройный, черноволосый, одет с некоторым шиком – в белой рубашке со строгим галстуком и, главное, держал себя непринужденно,

Олег Федотович Головка

общался запросто со всеми, в том числе и с нами, пока не входившими в Союз. Говорил он с характерным украинским акцентом, смягчая гласные и нажимая на согласные звуки. Тогда мы только обменялись рукопожатиями, а дальнейшее знакомство, переросшее, как теперь могу определить, в ненавязчивую мужскую дружбу, произошло летом 1978 года, когда из-за не очень то благоприятных обстоятельств я из Благовещенска попал в Тынду и стал работать в общетрассовой газете «БАМ».

Первое заседание литературной студии «Звено», которую Олег создал сразу же, как приехал в Тынду, я помню хорошо. Проходило оно в тесном кабинете редакции газеты «БАМ». Присутствовали будущий драматург и публицист Иван Шестак, он же редактор газеты, поэт Владимир Гузий и Тамара Шульга (все трое в будущем будут приняты в Союз писателей), Геннадий Кузьмин, Владимир Юринский, Виталий Лукашенко (они выпустят свои сти-

хотворные сборники), офицер железнодорожных войск Александр Симаков, кто-то еще. Читали стихи, обсуждали их, спорили и балагурили. Тон творческому разговору задавал Олег. Он особо не критиковал, а делал точные замечания, подсказывал, часто переходил на дружеские шутки, пересыпая русскую речь украинской мовой. В его облике и поведении ничего не было от мэтра, хотя среди младших товарищей по перу он вполне мог бы себя считать таковым.

Встречались мы часто, и не только на занятиях «Звена». Я жил в общежитии мостовиков, в которой даже не было душа, поэтому по субботам порой наведывался в квартиру Олега, чтобы помыться. Заходил по вечерам и в будни, и почти никогда не заставал хозяина одного. В двухкомнатной, а может быть, и трехкомнатной квартире на улице Красная Пресня, на которой построили первые в Тынде высотки, всегда кто-то гостил – приезжающие на БАМ, так сказать, творческие личности, местные стихотворцы, а вообще Олег принимал всех. Такая широкая у него была натура. Естественно, не обходилось без веселящих и горячительных напитков. Порою гости ночевали, а утром Олег поднимал всех спозаранок, ибо ему нужно было идти на службу, в дирекцию строительства БАМа. Он брился, надевал чистую рубашку, галстук; никогда я не видел его в неподоба-

ющем виде даже после самых бурных вечерних застолий. Он говорил, что железная дорога требует дисциплины и что никогда не опаздывает к началу рабочего дня. Эта пунктуальность меня удивляла и восхищала; подобными качествами, насколько я знаю, большинство поэтов не отличается.

Недавно я нашел в одном из бамовских блокнотов такую запись: «Неделя у Головки». Вспомнил: это произошло, когда я переходил из редакции газеты «БАМ» в «Мосты магистрали». Из одного общежития меня уже «попросили», а второе еще не предоставили, и Олег великодушно меня приютил.

Из тындинских поэтов Олег особенно выделял юного Владимира Гузия, относился к нему поистине по-отечески. Насколько помню, Володя работал тогда в одном из подразделений дирекции БАМа, устроил его туда Головкин. Много позже Гузий отблагодарит своего наставника поэтическими строчками. В сборнике «Чукчуду» (2008) имя Головкин встречается дважды. Вот четверостишие из стихотворения «Пушкинский праздник в Тынде»:

*И, странички листая,
Широко-широко
Прямо с жару читает
Сам Олег Головкин.*

А эта цитата из стихотворения «Тындинские поэты»:

*И стоит мне зажмуриться,
То сразу вижу, как легко
Хмельной апрельской улице
Стихи читает Головкин.*

В бамовский период стихи Олега Головкин часто печатались в газетах, журналах, сборниках, в том числе и центральных, но он почему-то не выпустил ни одной книжки, хотя, уверен, в Амурском отделении Хабаровского книжного издательства его рукописи дали бы зеленый свет. Причина, вероятно, в том, что поэт жил так стремительно и полно, что не находил времени собрать воедино свои стихотворения, откладывая издание сборника на потом. Уехал Олег из Тынды в 1979 году в Кременчуг. Для многих амурских литераторов это стало неожиданностью. Для меня тоже.

В 1982 году я перебрался в Белгород и время от времени вспоминал Олега, зная, что он живет по дальневосточным масштабам почти рядом. Однажды по делам я был в Харькове, ждал вечернюю электричку. Иду по вокзалу. Навстречу высокий, элегантно одетый человек с такой знакомой улыбкой разводит руки для объятия: «Черкесик! Живой! И трезвый!» Жмем руки, обнимаемся. Берем в буфете бутылку минеральной воды. Олег рассказывает, что приехал в Харьков вычитать верстку своего будущего сборника стихотворений, а вообще работает на Южной железной дороге. А еще с юмором добавляет, что после БАМа, навер-

ное, с год похмелялся, но теперь вообще не употребляет спиртного.

Я рассказал ему о своем житье-бытье. Олег подписал мне книгу, вышедшую в 1984 году в Киеве на украинском языке, «Поїзди надії» («Поезда надежды») с таким автором: «Другу по Бамовским эпопеям Валерію от Олега. 9.09.1987 г.». А в следующем году пришел пакет из Кременчуга. В него была вложена новая книга «Струны тайги», на которой такая надпись: «Валерію Черкесову в память о днях метельных. Искренне Олег Головка». В сборнике фотография Олега, сделанная на БАМе. Он в шапке и полушубке, припорошенных снегом. Сборник я, конечно же, прочитал на одном дыхании. В 1989 году в Воронеже вышла моя книга «Заповедь», в ней один раздел посвящен моей бамовской эпопее. Естественно, я отправил ее в Кременчуг.

А потом стала разваливаться великая страна, и переписка наша прекратилась. В начале 1990-х годов на Белгородчину для участия в Днях литературы был приглашен поэт из Кременчуга, имя не помню. Он-то и рассказал о трагедии, произошедшей в семье Головки. Сын Олега, вернувшись со службы в армии, ехал на мотоцикле и разбился насмерть. Вероятно, эта беда стала главной причиной, из-за которой оборвались наши эпистолярные отношения.

В начале 2015 года я получил письмо из Благовещенска от Игоря Игнатенко. Он составлял подборку амурских поэтов для антологии военной поэзии, которая должна была выйти в Сибири, и попросил: мол, ты живешь поближе к Украине, уточни, здравствует ли Олег Головка, ибо уже много лет ничего о нем не ведаю. Я обратился к нынешним землякам – детскому поэту и прозаику Вячеславу Колеснику, зная, что тот переводил стихи Головки. Однако, как оказалось, стихи он взял из харьковского сборника поэта «Пливе щука з Кременчука» (1990), а с автором он не списывался. Попросил поэта Станислава Минакова, который долго жил в Харькове, навести справки через своих знакомых украинских литераторов, но и он ничего не выяснил.

А в конце лета 2016 года я зашел на один из украинских сайтов и обнаружил некролог. В нем сообщалось, что 10 июня в Кременчуге на 76 году жизни умер Олег Головка. Увы, не было даже упоминания о том, что он был самым известным поэтом во времена строительства Байкало-Амурской магистрали...

Олег приехал в Тынду, когда стройка только разворачивалась. И одним из первых стихотворений, которые он здесь написал, было такое:

*Еще не поднялся палаточный
дом,
Еще ни кола, ни двора,
Еще только чайник над первым
костром
Да первый удар топора.
Еще от мошки мы спасались
в дыму,
Но кто-то уже указал –
Углем на березе стрелой
«На Амур!»
И рядом стрелой
«На Байкал!».*

Вероятно, тогда же сочинилось и стихотворение, заканчивающееся так:

*И наградой за труды,
Счастья не тая,
Смотрит в зеркало воды
Улица моя.
И теперь меня друзьям
Отыскать легко –
У меня ведь адрес:
БАМ,
Тында,
Головка.*

Стихотворения Олега печатались во многих изданиях: в газетах «БАМ», тындинской районной – «Авангард», в железнодорожной «Забайкальской магистрали», в «Амурской правде» и «Амурском комсомольце», в альманахе «Приамурье мое» и журнале «Дальний Восток», в других изданиях. Возможно, когда-нибудь найдется заинтересованный исследователь его творчества, соберет все вместе и получится настоящая поэтическая летопись великой стройки. Пока же самая большая подборка бамовских стихотворений

Головки (более пятидесяти) напечатана в сборнике «Струны тайги», в разделе «Тында».

Открывается она, как я понимаю, программным стихотворением Олега «Благодарствую, БАМ!» – эта строчка рефреном повторяется в тексте несколько раз. А завершается стихотворение так:

*Благодарствую, БАМ,
За друзей закадычных и строгих,
Что горбом постигали
Высокое слово «судьба»,
И за эти стихи,
И за все испытанья дорогой,
И за то,
Что еще предстоит,
Благодарствую, БАМ!*

Вот, пожалуй, главное, что дала поэту поистине великая стройка. Да, для Олега она была такой – и в жизненном, и в творческом отношении.

Поэт рассказывал о том, что сам видел, в чем участвовал, что испытывал, а также о людях, с которыми встречался и дружил. Об этом говорят и названия стихотворений: «Ночная укладка», «Десант на Кувукту», «Станция Кошурниково», «Золотинка», «В Моготе», «Путеобходчик», «Раечка с БАМа», «Саша Рябцев», «Таня Денисова» и другие.

Кстати, Татьяну Денисову знали многие на стройке, я в том числе. Она часто выступала перед строителями, исполняла негромким, но задушевным голосом песни – свои, а также Юрия Визбора, Александра Городницкого, Булата Окуджавы и других бардов. Вот как о ней написал Олег:

*Когда опять чертовски
Начну в тайге хандрить,
Найду отряд московский,
Вагончик «33».
Скажу, что словно рана,
Изводит грусть в ночи,
– Денисова Татьяна,
Меня ты излечи.
... ..
Любой из нас так мало
Увидел, испытал:
У нас еще начало,
Начало из начал.
И первые досады,*

*И робкие шаги,
И первые десанты
Уходят в глубь тайги.
Ах, что это такое,
Кудесники-врачи,
Что сердце молодое
Взволнованно стучит,
Что солнце средь тумана
Морозного встает,
Когда в тайге Татьяна
Денисова поет.*

Помню, девушка часто пела и тексты Вадима Егорова:

*Друзья уходят как-то невзначай,
друзья уходят в прошлое,
как в память,
и мы смеемся
с новыми друзьями,
а старых вспоминаем по ночам,
а старых вспоминаем по ночам.*

К слову, Вадим приезжал на Белгородчину на фестиваль поэзии и авторской песни «Оскольская лира». Мы познакомились, и я рассказал ему о Татьяне Денисовой. Бард улыбнулся: «Я с Таней знаком, мы дружим».

Вот строки еще одного стихотворения, которому предпослан эпиграф «Рябцев Александр Вячеславович родился 13 мая 1975 года». Запись в книге регистраций загса поселка Тындинского Амурской области:

*Смотрит Саша Рябцев,
брови хмуря,
Словно осознал, о чем тут речь,
Словно говорит, что на Амуре
Дел амурных сроду не пресечь.
Он в своей коляске –
как на троне:
В день рожденья
всюдузнаменит...
При сухом при бамовском
законе
Хорошо шампанское шумит!*

Олег опозитизировал и, казалось бы, самые прозаические, сугубо бытовые события:

*Отрекшись от гула и гама,
От сотен проблем и забот,
Начальство дирекции БАМа
Торжественно в баню идет.*

*Там шпарит движок, не смолкая,
И лампа мерцает звездой,
Там баня по четным – мужская,
И даже с горячей водой.*

Перечитал я стихотворение «Первая баня», и словно опять оказался в старой Тынде, в той самой единственной в то время бане, в которой всегда были длинные очереди, зимой народ толпился даже на улице.

Цитировать Головку можно много, но я ограничусь еще тремя стихотворениями. Первое – игриное, в духе Олега – «Строганина»:

*Говорит мне строго Нина,
Чтоб на ус я намотал:
– Кто не ведал строганины –
Ухантайцев не бывал.
Я давно уже не знаю
Столько шума и гостей:
Всё соседи прибывают,
Все ко мне пододвигают
Строганину всех мастей.
Я уже благодарю.
Я уже почти не пью.
Я машу кулаком,
Словно рыба плавником.
И плывут мои глаза,
Словно два больших язя,
То на пиво,
То на Нину,
То опять – на строганину.*

Реальная, написанная с юмором картинка северного застолья и сейчас остается живой и по-хорошему трогает душу.

Между прочим, в «Струнах тайги» строка «Я уже почти не пью» напечатана по-другому: «Я уже едва курю». Это, как я думаю, редакторская правка. Книга вышла в разгар горбачевской антиалкогольной кампании, поэтому и появился «трезвый» вариант строки. Я же цитирую так, как читал поэт.

Второе стихотворение называется «Соавторы». Олег осознал, в чем и в ком источник его вдохновения, его поэзии, и выразил это так:

*Мои соавторы,
Мои приятели,
Вам просто некогда
Идти в писатели.
Вам нужно рельсов нить*

*На край земли вести.
Как с вами славно жить
По справедливости!*

*Легко мне дышится,
Весь мир мне слышится,
И ни строки, друзья,
Без вас не пишется.*

Сегодня, перечитывая стихи Олега Головки, понимаешь, что не все они равноценны, есть строки, написанные, так сказать, на злобу дня. Но, конечно, не они определяют значение его поэзии, а главные, к примеру, такие:

*Ушли, как раньше уходили,
Палатки сняли – и ушли.
Хмельной багульник сохранили,
Смолистый стланик не сожгли.
И долго ветками кивали
Деревья робкие вокруг,
Как будто бы припоминали
Прикосновенья наших рук.*

Недавно, я еще раз перечитывая самую полную антологию стихов о БАМе «Цветы багульника» (Новосибирск, 2004), составленную Владимиром Гузием, в которой напечатаны стихотворения ста тридцати поэтов, многие из них непосредственно участвовали в строительстве: рубили просеки, укладывали рельсы и шпалы, возводили города и поселки. Почему-то вспомнились строки автора знаменитой песни романтиков «Бригантина» Павла Когана, погибшего во время Великой Отечественной войны: «... В попыхах плохие песни мы сложили о паразитных делах».

Может быть, эти слова в какой-то степени относятся и к бамовским поэтам. Да, мы часто писали в попыхах, второпях, стремясь, как могли и умели, запечатлеть этапы и события стройки, порою стихи получались излишне пафосными и «барабанными», далеко не все они выдержали испытание временем.

И все же, мне думается, более правильно и справедливо будет охарактеризовать бамовскую поэзию словами Олега Головки: «Мы вписали нашу строчку в биографию страны».

Хабаровские рифмы

Нина РАСКИН

Хабаровск впервые стал участником Международного поэтического фестиваля.

Всемирный день поэзии учрежден ЮНЕСКО в 1999 году, и его главная задача – «придать новый импульс и новое признание национальным, региональным и международным поэтическим движениям». В России он отмечается с 2000 года – именно тогда появилось поэтическое объединение ДООС, возглавляемое Константином Кедровым и ставшее инициатором двухдневного фестиваля, который проходил в Театре на Таганке. В 2016 году Всемирный день поэзии отметили в Санкт-Петербурге. Ко всем 68 станциям метро Северной столицы вышли волонтеры, вместо надоевших рекламных листовок они раздавали закладки со стихами петербургских поэтов. А еще через год к поэтическому движению присоединились двадцать пять городов и четыре страны.

Карта фестиваля масштабна: Россия, Белоруссия, Украина и Казахстан действовали по единой схеме подобно слаженному механизму. На улицах каждого города, где проходил Всемирный день поэзии, волонтеры раздавали листовки со стихами местных поэтов, а вечером того же дня состоялись гала-концерты с участием самих авторов. Всемирный день поэзии вошел в список лучших весенних фестивалей России по версии федерального портала Культура.рф. За рекордно короткое время фестиваль, созданный буквально из ничего, набирал обороты. Придумали единые для всех городов гимн и символику, логотип размещался на листовках и пресс-воллах, и, конечно, во всех поэтических интернет-сообществах, широко осветивших это событие.

Лауреатами поэтического фестиваля в Хабаровске стали 12 поэтов: из более чем 30 заявок независимое жюри (а в него вошли выдающиеся деятели науки и культуры Москвы и Санкт-Петербурга) выбрало лучших. Две тысячи красочных листовок со стихами победителей 21 марта 2017 года хабаровчанам вручали на улицах волонтеры из многопрофильного лица. Генеральные кураторы фестиваля сделали для Хабаровска исключение, напечатав в этих листовках не

Поэзия является гимном свободы. Благодаря своим текстам и рифмам поэзия облакает во плоть наши мечты о мире, справедливости и достоинстве.

*Из послания
генерального директора ЮНЕСКО
Ирины Боковой*

только стихи лауреатов, но и малоизвестные строки хабаровских литераторов 50–60-х годов XX века.

Для хабаровских поэтов Всемирный день поэзии стал отличным шансом заявить о себе, причем заявить громко, не только на российском, но и на международном уровне, вписать свое имя в историю фестиваля. Местные авторы могли присылать несколько своих стихотворений, чтобы жюри получило возможность глубже ознакомиться с творчеством каждого из них. Гала-концерт прошел в Доме народного творчества КНОТОК, собрав более ста гостей. Концерт длился почти три часа, но после его завершения не спешили расходиться. Обменивались впечатлениями у накрытого стола, поздравляли поэтов с удачными выступлениями. Все лауреаты получили дипломы за подписью регионального куратора фестиваля – хабаровской писательницы Княженики Волокитиной, которая и стала главным вдохновителем и организатором этого форума в родном городе. Хабаровский фестиваль поэзии широко освещался местными СМИ, а телеканал «Губерния» специально по случаю праздника создал необычный сюжет в стихах.

Дальневосточная поэзия имеет крепкие корни. Хабаровчане помнят и знают выдающихся поэтов-земляков Петра Комарова, чье имя носит одна из городских библиотек, Римму Казакову, Игоря Царева, в честь которого теперь названо одно из хабаровских литературных объединений. Участие в Международном поэтическом фестивале выводит поэзию Хабаровска на новый виток, а фестиваль 2018 года обещает стать еще более масштабным и запоминающимся.

Стихи, сказки, акварели

Людмила КЛИПЕЛЬ

**«И лучшей награды поэту
не надо во веки веков»**

Петр Комаров.
«На краю России».
Издательство «Речь»,
Санкт-Петербург. 2016

Сторонка родная, где прожиты годы,
И дом, как маяк, у реки.
Войду в поговорку иль выйду из моды,
Припомнят меня земляки.
– Он жил для тебя и работал неплохо,
Бродил по дорогам лесным,
Был сыном твоим до последнего вздоха
И верным солдатом твоим.
Они для меня прозвучат, как награда –
Простые слова земляков.
И лучшей награды поэту не надо
Во веки веков.

Последнее стихотворение Петра Комарова – завещание нам, потомкам. Исполнилась его мечта. Имя поэта не забыто.

«На краю России» не просто книга, это произведение искусства. Под одной обложкой сошлись два певца Приамурья – поэт и художник, знатоки природы, самородки, наше национальное достояние – Петр Комаров и Геннадий Павлишин. Этот союз сложился давно, еще в прошлом веке. Геннадий Дмитриевич много раз оформлял книги поэта, но такого роскошного издания еще не было. Иллюстративный ряд не затмил текстов. Поэтическая и изобразительная части гармонично сливаются в единое целое: живописные стихи талантливого поэта, похожие на акварели, и акварели непревзойденного художника, полные поэзии.

Книга готовилась к 100-летию Петра Комарова, которое отмечалось в 2011 году, но, увы, на Дальнем Восто-

ке не оказалось патриотичного издателя, который бы решил взяться за это дело. И вообще вековой юбилей Комарова в Хабаровске прошел совсем незаметно. А в городе Свободном в память поэта проводятся ежегодные Комаровские чтения.

Труд составителя и художника Павлишина, хоть и через несколько лет после юбилея, но нашел все-таки своего издателя – в Санкт-Петербурге! Издательство «Речь» выпустило книгу «На краю России» в подарочном исполнении. В нее вошли два поэтических цикла – «Лесная музыка», «На краю России» и поэма «Серебряный кубок». Это самые любимые произведения Геннадия Павлишина. Когда-то в детстве он видел Петра Степановича, который выступал в фойе «Гиганта» перед началом сеанса. Художник вспоминает, что поэт был такой худой, что одежда на нем колыхалась, будто он стоял на ветру. И с сожалением признается:

«Мы, ребята, плохо его слушали, баловались, резвились. Если бы Комаров знал, что один из этих несносных шалунов так полюбит его поэзию».

Павлишин не только восхищается стихами Комарова, а знает их, с удовольствием цитирует и даже поет. «Слышите, как они музыкальны, можно из любого стихотворения сделать песню, – говорит художник. – Вот откуда у рабоче-крестьянского паренька, малообразованного, из бедной семьи такое тонкое чувство слова? Нет, надо искать корни поэта. Я уже просил в Санкт-Петербурге: поищите, поройтесь в архивах, ведь он же родился в вашей области».

Мы очень мало знаем о Комарове и его семье. Может быть, стоит поискать поближе и начать с родословной его супруги? Без благоразумной жены не каждый поэт, писатель или художник состоится. Безусловно, Нина Яковлевна оказала влияние на Комарова. Она была первым читателем, критиком, редактором, и я не раз находила подтверждение этого в воспоминаниях его современников. Много лет о ней ничего не было известно. Когда в 2004 году случайно узнала, что вдова жива, просто потеряла дар речи. С Ниной Яковлевной Комаровой познакомилась благодаря Кларе Николаевне Зиловой, в то время возглавлявшей Хабаровский литературный музей.

В 90 лет у Нины Яковлевны оказалась прекрасная память. Родилась в Ржеве, землячка Всеволода Никаноровича Иванова. Ее отец Яков Яковлевич Ходаков из старой дворянской семьи, его дед держал кафельную фабрику. Отец окончил Тимирязевскую академию, после революции работал картографом, агрономом, землемером. У Нины Яковлевны было семь братьев и две сестры. Мать Августина Васильевна в девичестве Ивановская знала три языка. За отказ работать на немцев 70-летняя женщина была расстреляна. На фронте погибли и трое братьев Нины. Бабушка по материнской линии Фелисите Иосифовна Ге – француженка, в Россию приехала работать гувернанткой. Вышла замуж за русского, у них родилось двое детей.

В Хабаровск Нину пригласил брат Василий, спецкор «Правды» по Дальневосточному краю. Устроил на работу в редакцию газеты «Знамя пионера». Когда Петр Комаров вернулся из армии в свою газету «Тихоокеанский комсомолец», они познакомились. Обе редакции были в одном здании по улице Комсомольской. Нина Яковлевна вспоминала, что еще до возвращения Петра она уже была наслышана о нем. Его любили коллеги, друзья, нештатные корреспонденты за скромность, добрый нрав, отзывчивость. Высокий, кареглазый, с густой, темной шевелюрой, Петр был похож на лирического тенора Сергея Лемешева. И первое впечатление Нину не разочаровало. Он тоже проявил интерес к новенькой, дарил ей букеты из полевых цветов, а она носила ему книги разных поэтов, Они легко нашли общий язык и вскоре поженились.

В семье родилось трое детей – мальчик и две девочки, но все были больными из-за туберкулезной интоксикации. Сын Сережа стал инвалидом, старшая из девочек умерла маленькой, младшая, Татьяна, тоже имела проблемы с легкими. Петр трудился как каторжный. Работа и творчество отнимали много сил, врачи запрещали ему поездки и командировки, а он убежал из санатория, ехал в зимнюю стужу в Комсомольск-на-Амуре, добился отправки на войну с Японией...

В стихотворении Петра Комарова «Кедр» есть такие пророческие строки:

Если мне придется умереть,
Кедром упаду я поутру,
Лучше сразу факелом сгореть,
Чем всю жизнь сгибаться на ветру.

Умер Петр Степанович 30 сентября 1949 года, ему было всего 38 лет. Через год пришла Государственная премия за циклы стихов «Зеленый пояс», «Маньчжурская тетрадь», «Новый перегон», созданные в последние годы жизни. На эти деньги молодая вдова заказала лучшему хабаровскому скульптору Бобровникову памятник, он и сейчас стоит.

Двенадцать лет супруги прожили вместе, и шестьдесят лет Нина Яковлевна была верна памяти мужа. Но незадолго до смерти ее ждал последний удар судьбы. Сын Сережа, который из-за болезни жил в Кукане, пропал в тайге. Нашли только его рюкзак... Нина Яковлевна умерла 2 сентября 2009 года в возрасте 95 лет, похоронена в Виноградовке. Светлая ей память...

«Гимны Петра Комарова, пропетые русскому Приамурью, не только выдержали испытание временем, но и приобрели сегодня обостренную актуальность. Его стихи не забудутся. Его негромкому, но чистому и волнующему голосу суждено звучать и после нас», – пишет в Интернете учительница О. Косилова из Благовещенска.

«Перечитывая Петра Комарова и в начале XXI века, понимаешь, что именно ему принадлежит высокая удача – создание художественного образа дальневосточной России. Его творчество – это лирическое постижение природного и исторического пространства нашего края, и оно необходимо сегодня. Нас радуют и тревожат стихи Комарова. Радуют, потому что в них безупречная красота поэтического слова. Тревожат, потому что... для нас наглядно и актуально обозначаются проблемы сегодняшнего дня – экологические, геополитические, социальные и даже сейсмические», – это слова В. Катеринич.

Геннадий Дмитриевич Павлишин советует родителям: «Если вы хотите оторвать ребенка от компьютера и разных гаджетов, если хотите воспитать достойного человека и гражданина, читайте ему стихи Петра Комарова. Эта книга должна быть в каждой семье. Она должна передаваться по наследству, как раньше из поколения в поколение переходила Библия».

Хорошо забытая история одной сказки

Татьяна Макарова.

«Сказка о муравье по имени Муравей».

Издательство «Речь», Санкт-Петербург, 2016

Не стареет афоризм французки Розы Бертен, личной портнихи Марии-Антуанеты, сказанный по поводу старого, перешитого платья королевы: «Ваше величество, новое – это хорошо забытое старое». В Санкт-Петербурге в издательстве «Речь» вышла в свет «Сказка о муравье по имени Муравей» Татьяны Макаровой. Серия «Любимая мамина книжка» для дошкольников. Иллюстрации дальневосточного художника Геннадия Дмитриевича Павлишина.

Хотя в выходных данных стоит 2016 год, но уже по названию серии можно догадаться, что мамы читали эту сказку, когда были маленькими, и что книжка хорошо забытая старая. Действительно, в первый раз ее напечатали в московском издательстве «Малыш» в 1971 году с теми же рисунками Павлишина.

Немного об авторе. В Википедии о Татьяне Макаровой буквально одно предложение. Даже редактор ничего не мог сказать, кроме того, что ее уже нет в живых. Зато в Интернете кое-что нашлось. Она родилась в интеллигентной семье. Отец Константин Макаров-Ракидин был композитором, ушел на фронт и погиб в начале войны. Мать – писательница и поэтесса Маргарита Алигер, за поэму о подвиге Зои Космодемьянской награждена Государственной премией. В доме собирались известные люди – литераторы, актеры, художники. Большое влияние на обеих дочек Маргариты Алигер оказала няня Анастасия Соболева, которая, до того как попасть в семью Алигер – Макаровых, воспитывала детей Михаила Булгакова. Она была прекрасной рассказчицей, знавшей много сказок и забавных историй. Девочки ее обожали, а Татьяна свою дочь назвала в ее честь. Няня прожила в этой семье до конца своих дней.

Таня начала рифмовать еще в детстве, ее четверостишия очень нравились Корнею Чуковскому. В 16 лет своенравная девочка бросила школу и нигде больше не училась, но была начитанна, знала английский и французский.

Чем только ни увлекалась – керамикой, астрологией, актерским мастерством. Кроме того, переводила запрещенных поэтов. Чуковский предложил ей сделать перевод стихов американского детского писателя Доктора Сьюза (это псевдоним Теодора Зойса Ганзеля). Из-под его пера вышло несколько десятков книг, по которым американские дети учились читать. Из самых простых односложных слов Доктор Сьюз умудрялся создавать, по выражению Корнея Чуковского, стихотворные шедевры.

Писать сказки для детей, да еще и в стихах – дело трудное. Вот как об этом говорил сам Доктор Сьюз: «Когда пишешь стихи для детей, следует выбрасывать прочь 99% написанного. Ведь здесь каждое слово – то же самое, что в романе для взрослых страница, а каждая фраза – то же самое, что в романе глава». Переводить такого автора очень сложно, но Татьяна справилась блестяще. Так «Сказки о слоне Хортоне» и «Кот в шляпе» появились на русском языке.

Она написала несколько своих книжек. К сожалению, Макарова рано ушла из жизни – через три года после выхода сказки о муравье. Было ей всего тридцать четыре. В 1971-м детские стихи об отважном насекомом по имени Муравей, который попал в наводнение, но не растерялся, а поплыл в консервной банке по реке к морю, впервые увидели свет. Когда Татьяна Макарова узнала, что оформление доверили художнику с Дальнего Востока, страшно возмутилась. Как? Разве в Москве и Ленинграде нет своих? Она дошла до Союза писателей, но положения не спасла даже ее знаменитая мать.

Издательство «Малыш» не случайно выбрало именно этого художника, ведь Павлишин уже тогда имел несколько международных наград, а хабаровское издательство, где вышли «Амурские сказки» Нагишкина, он прославил на весь мир, получив за оформление этой книги «Золотое яблоко» на международной выставке в Чехословакии.

Издание любой книжки с его рисунками становилось событием, а каждый писатель втайне мечтал, чтоб его произведение иллюстрировал Павлишин. Во всяком случае, так было в Хабаровске. Естественно, что издатели не побоялись поставить литературной даме ультиматум: либо Павлишин, либо печатать не будем. А в это время в Хабаровске художник приступил к работе, хотя семейные обстоятельства мало к этому располагали. Его жена ждала второго ребенка и должна была вот-вот лечь в роддом. На руках у мужа оставалась двухлетняя дочь. Рисовать он привык с натуры и вынужден был искать кусочек дикой природы возле дома, по улице Кубяка, где тогда жил. И нашел... на помойке около мусорных баков. Там, под забором, буйно росли всякие колючки, крапива, вьюнки и даже одинокий мак. Этот цветок был особенно нужен, потому что в тексте сказки упоминались «кустики мака». Как тут не вспомнить ахматовское «Когда б вы знали, из какого сора / растут стихи, не ведая стыда, / как желтый одуванчик у забора, / как лопухи и лебеда». Пусть в нашем случае эта метафора теряет скрытый смысл, но очарования и мудрой простоты не утрачивает.

Конечно, издательство известило художника о капризах автора, чем Геннадий Дмитриевич был весьма огорчен, но упрямо продолжал начатое. Волей-неволей оказалось, что на страницах сказки среди полевых цветов – маков, одуванчиков, колокольчиков все-таки больше всего именно колючек. Кто знает, может быть, это была маленькая месть большого художника? Наконец бандероль с акварелями в Москве. Татьяна Макарова задумчиво разглядывала рисунки, а потом произнесла: «Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь». Ей понравились даже колючки.

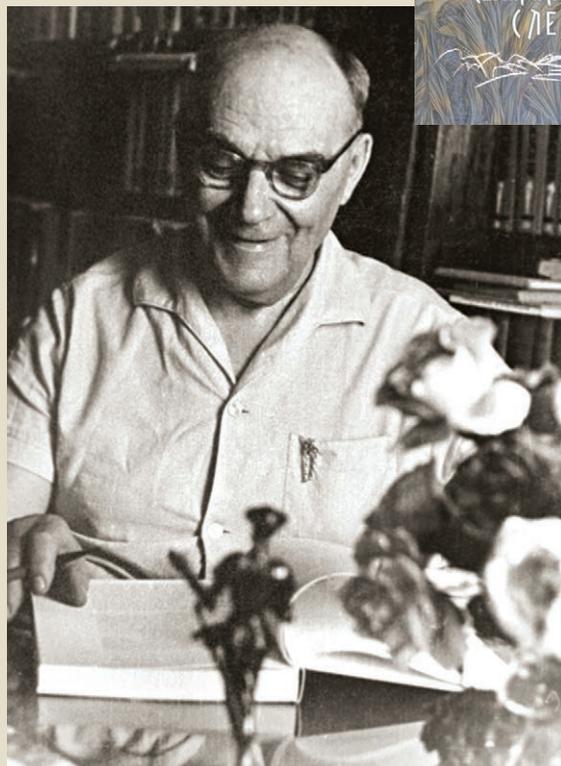
Вскоре «Сказка о муравье по имени Муравей» начала свое путешествие по миру. В советское время издательство «Прогресс» не платило гонорары авторам, зато печатало их книги миллионными тиражами для разных стран. Сказку Макаровой с иллюстрациями Павлишина издали на 50 языках мира. Только на испанском тираж составил 3,5 миллиона экземпляров. Правда, для тех стран, где исповедуют ислам и где не едят свинину, художнику пришлось исправлять один из рисунков. По тексту Муравей, когда затопило муравейник, поселился со своей многочисленной семьей в консервной банке из-под свиной тушенки. Павлишин закрасил этикетку с румяной хрушкой и надпись на банке. В русскоязычном варианте иллюстрация осталась без изменений.

До сих пор многие мамы через Интернет разыскивают книжки Татьяны Макаровой, чтобы почитать своим детям. Издательство «Речь» через 45 лет решило повторить выпуск этой сказки с прекрасными рисунками хабаровского художника.

«Живя на земле, не теряй высоты...»

Елена ГЛЕБОВА

*Александр Солодовников.
Сеймчанский след.
Издательство «Кордис»,
Магадан – Санкт-Петербург.
2017*

*Александр Солодовников за рабочим столом. Москва, 1960-е.
МОКМ. КП 35273/31*

Имя русского духовного поэта XX века Александра Солодовникова (1893–1974) вернулось к нам только в конце 1990-х. В журналах и газетах стали появляться подборки его стихов, к 100-летию со дня рождения Александра Александровича в 1993 году был создан телевизионный документальный фильм «Слава Богу за все» о его жизни и творчестве. Первая книга «Я не устану славить Бога» увидела свет в 2006 году при поддержке Русского общественного фонда Александра Солженицына и протоиерея Николая Соколова – настоятеля храма святителя Николая в Толмачах при Государственной Третьяковской галерее. Вскоре издательство «Деника» выпустило мультимедийную книгу-диск «Я не устану славить Бога» и диск с записью музыкального радиоспектакля по пьесе А. Солодовникова «Джон – веселое сердце», а в 2010 году опубликовали книгу «...В светлом саду христианства» – полное собрание стихотворений поэта, пять его пьес для домашних рождественских спектаклей, рукописный нотный сборник, воспоминания современников.

Александр Солодовников с воспитанниками детского сада. Сеймчан, начало 1950-х. МОКМ. НВ 15015/57

И вот новое издание, открывающее практически неизвестные страницы жизни Александра Солодовникова – сеймчанский, самый тяжелый период его судьбы. В издательстве «Кордис» (Магадан – Санкт-Петербург) к 125-летию со дня рождения поэта и 80-летию начала массовых политических репрессий вышла книга «Сеймчанский след». «Александр Солодовников возвращается на Колыму – уже не сидельцем ГУЛАГа – нашим духовником в постижении веры, надежды и любви», – написала И. Борщевская в статье «Сеймчанский след выдающегося поэта» («Северная надбавка», 2016). Поэт провел на Колыме шестнадцать лет, шесть из них был в заключении, оставшийся срок жил в Сеймчане и только в 1956 году, получив справку о реабилитации, вернулся в Москву. Он практически никогда не говорил о том мучительном времени. Когда ему предлагали записать свои воспоминания о лагерном прошлом, отказывался. О Колыме говорил: «Я видел там все...»

«Сеймчанский след» стал частью большого научно-исследовательского проекта Магаданского областного краеведческого музея по воссозданию колымского периода жизни и творчества Александра Александровича Солодовникова. Юность правнука «кондитерского короля России» Алексея Ивановича Абрикосова, получившего блестящее образование в Императорской Московской практической академии коммерческих наук и на юридическом факультете МГУ, пришлось на тяжелое революционное и послереволюционное время. Таким, как Александр Солодовников, редко удавалось уцелеть в стране красного террора. Трижды его арестовывали по ложным обвинениям, но ему удавалось добиваться освобождения, но в 1939-м все сложилось иначе: его осудили сроком на шесть лет и сослали на Колыму – на молибденовые рудники. Это чудо, что он остался жив, что не сломался, не потерял веру в жизнь. «Здесь одно спасенье – молиться / И о детстве думать ночами».

Александр Солодовников с юности писал стихи. В лагере и позднее, когда жил в Сеймчане, они тоже ста-

ли для него утешением. В прошлой жизни, еще в Москве, он был членом Всероссийского Союза поэтов при Наркомпросе. По понятным причинам он не мог публиковать стихи на духовные темы, поэтому писал для детей, печатался в книгоиздательстве Мириманова, в журнале «Искорка». Создавал пьесы, и его «Колька Ступин» шел в Московском детском театре. По мнению С.В. Будниковой, Солодовников вместе с другими писателями и поэтами стоял у истоков советской детской литературы. В условиях несвободы он продолжал писать – в бараке, на поселении. В Сеймчане Александр Александрович играл в спектаклях драматического кружка местного клуба, работал в детском садике музыкальным руководителем, писал стихи и музыку.

Книга «Сеймчанский след» получила свое название от небольшой тетради «Сеймчанские следы» (Сеймчан. 1946–1956). В нее Солодовников вклеивал вырезки из местных газет, статьи, где упоминалось его имя. Тетрадь эту Александр Александрович при жизни никому не показывал, долгое время она хранилась в его личном архиве и только в 2015 году копию этого бесценного документа и еще ряд материалов (фотографии, личные вещи, рукописи) передала Магаданскому областному краеведческому музею троюродная сестра Солодовникова Анна Петровна Шпакова, живущая в Москве.

В новой книге представлено поэтическое наследие Александра Солодовникова, охватывающее все периоды его жизни – от 1914 до 1974 года. Получился объемный и многогранный портрет поэта, который говорил: «Моя автобиография – это мои стихи». По словам протоиерея Николая Соколова, поэзия Солодовникова очень автобиографична: «Это поэтический человеческий документ – стихи чудом выжившего узника сталинской каторги. Если даже не знать судьбу автора, то достоверность боли в его строчках не вызывает сомнения».

Каждый из восьми разделов предваряется вступительной статьей составителей – заместителем директора Магаданского краеведческого музея С.П. Будниковой и А.П. Шпаковой. Книга содержит богатый иллюстративный материал и обширную библиографию. Кроме того, в приложении впервые публикуются некоторые архивные личные документы А.А. Солодовникова из фондов Государственного архива Магаданской области. Оформление книги сделал магаданский художник Владимир Мягков.

Книга получила высокую оценку. На VI Дальневосточном региональном конкурсе изданий вузов «Университетская книга – 2017» она признана лучшей в номинации «Историко-биографическое, краеведческое издание», на выставке «Печатный двор» во Владивостоке отмечена золотой медалью в номинации «Поэзия», на открытом межрегиональном конкурсе «Книга года: Сибирь – Евразия – 2017» – призовым местом в номинации «Лучшая краеведческая книга». В июне 2017 года издание было представлено на книжном фестивале «Красная площадь» в Москве и еще до начала презентации было включено организаторами в топ десяти самых редких книг.

В материале использованы фотографии из фондов Магаданского областного краеведческого музея

Морские ветры

Анна МОРОЗОВА

«Любовь к морю – детское чувство. Она не мешает ненавидеть купание. И в этом большой смысл. Нас тянет в огромные пространства вод не потому, что мы водолюбивые существа. Мы можем утонуть даже в бочке дождевой воды. Мы любим не воду, а ощущение свободы, которое дарят моря. Наш плененный дух всегда мечтает о свободе, хотя мы редко даем себе в этом отчет».

Так размышлял Виктор Конецкий – российский писатель, киносценарист, капитан дальнего плавания. Его книги издавались в России и за рубежом, переводились на разные языки, а главное, входили в число самых любимых для тех, кто был связан с морем. В произведениях Конецкого нет литературного вымысла. В них закручиваются реальные сюжеты, звучат голоса живых людей, плещутся волны и дуют ветры странствий. Книги становятся настольными, к ним возвращаются, перечитывают, чтобы вновь ощутить послевкусию лаконичного и емкого стиля, в котором сконцентрированы множество интереснейших деталей, психологических оттенков и замечательный юмор. Борис Стругацкий отмечал, что Конецкий не просто прекрасный писатель, он всегда

представлялся в своих книгах самим собой и никогда не играл роль «инженера человеческих душ» или «властителя дум».

«Человек, который уходит в море, какова бы ни была его цель – бой или схватка с циклоном, или со льдами, или с тупым береговым начальством, – обязан поддерживать себя мечтой. Приправой для мечты обязательно служит юмор. Флот извечно стоял одной ногой на воде, другой – на юморе. Поводом для юмора всегда и везде служит любая дурость в окружающей действительности. Этого вокруг навалом», – снова Конецкий в одном из самых последних своих эссе «Лети, корабль!».

Виктор Викторович корнями связан с Санкт-Петербургом. Здесь он родился в 1929 году и провел детство в

исторической части города, в районе Адмиралтейского канала – учился в средней школе № 238, увлекался рисованием и всерьез мечтал стать художником. Все сложилось иначе, но страсть к живописи не расплескал, и она шла рука об руку с литературой всю его жизнь. Работая в любимой технике акварели, он писал городские сюжеты с питерскими мостами, улочками, двориками, набрасывал легкими мазками морские пейзажи. Даже в цифровом отображении они поражают живым дыханием и светящейся палитрой. Картины Виктора Конецкого в разные годы – с 1966-го по 2001-й – представлялись на нескольких персональных и групповых выставках. В 2015 году, спустя двенадцать лет после его ухода, состоялась новая встреча – в московском Музее наивного искусства организовали его авторскую выставку «Путь к причалу».

Город на Неве определил и профессиональный выбор Конецкого. В 1945 году он поступил в Ленинградское военно-морское подготовительное училище, в 1948-м на штурманский факультет Первого Балтийского высшего военно-морского училища, окончив его в 1952-м. Следующие три года – служба на судах 441-го Отдельного дивизиона Аварийно-спасательной службы Северного флота и около сотни спасенных человеческих жизней. Правда, Виктор Викторович говорить об этом не любил. Позднее из его наблюдений и впечатлений сложилась новелла «Путь к причалу», по которой Георгий Данелия создал в 1962-м одноименный фильм. За год до этого на киноэкраны уже вышел «Полосатый рейс», сценарий к которому создан Виктором Конецким в соавторстве с Валентином Ежовым и Георгием Данелией. В 1963 году Георгий Товстоногов снял на Центральной студии телевидения фильм «Если позовет товарищ» по одноименной повести Конецкого, а в 1965-м на экраны вышел новый фильм Данелии «Тридцать три», снятый им с той же командой сценаристов – Конецким и Ежовым.

Мощные параллели в жизни Конецкого – морская и литературная. В 1955-м он вступил в литобъединение при Ленинградском отделении Союза писателей СССР. Вскоре первый рассказ «В море» опубликован в альманахе «Молодой Ленинград», а в 1957-м в свет вышел первый сборник рассказов «Сквозняк». В том же году Всесоюзный семинар молодых прозаиков Северо-Запада, в котором Виктор Викторович принимал участие, рекомендовал его в члены Союза писателей СССР, а с начала 1960-х ему стали поступать приглашения на работу в качестве сценариста в кинематографе.

И одновременно суровые морские будни. Он прошел путь от четвертого помощника до капитана дальнего плавания. После участия в одной из спасательных операций Конецкий попал в госпиталь, по состоянию здоровья ему приписали береговую службу, и в марте 1955 года он демобилизовался с ВМФ. Вступил в должность капитана МРС-823, участвовал в перегоне судов по Северному морскому пути из Петрозаводска до Петропавловска-Камчатского. Это стало поистине историческим событием, потребовавшим немало мужества, потому что прежде еще не предпринималось попы-

ток перегона на такие расстояния каравана малых судов в тяжелых условиях Арктики. Капитану Конецкому было тогда 26.

Он совершил множество рейсов в различных районах Мирового океана от Арктики до Антарктики, швартовался в портах разных стран мира, четырнадцать раз прошел Северным морским путем. Написал более 50 литературных произведений, многими из которых зачитывались в разных уголках земного шара. Среди них повести «Завтрашние заботы», «Среди мифов и рифов», «Соленый лед», «Морские сны». Главным творением Конецкого считают роман-странствие «За Доброй Надеждой» в восьми книгах, над которым писатель работал с 1969 по 2000 год.

Виктор Конецкий истинный гражданин мира, и удивительно, что многие считали его своим. Например, дальневосточники, живущие на берегах двух морей – Охотского и Японского. Писатель Юрий Рытхэу написал о нем очень точно: «Будучи человеком странствующим, Виктор Конецкий тем не менее был глубоко и тесно связан с родным городом, и он сумел в своем творчестве уловить особую атмосферу Ленинграда – Петербурга, особенно той, непарадной части, набережных дальних каналов, примыкающих к Новой Голландии, набережной Невы от начала 17-й линии Васильевского острова до моста Лейтенанта Шмидта, с ее пологим спуском к воде, памятником Крузенштерну, сфинксами напротив Академии художеств. Он любил и другую Великую Набережную России – побережье Ледовитого океана от Мурманска до бухты Провидения, Великий Северный морской путь, который он прошел не раз, – и она оставила след в его сердце, в его творчестве, в его книгах».

За литературную и морскую работу Виктор Конецкий был награжден двумя орденами «Знак Почета» (1971 и 1979), орденом Трудового Красного Знамени (1984), орденом «За заслуги перед Отечеством» (2000), Знаком Чести «Серебряный Крест Георгиевского Союза» (2001). В 2000 году писателя удостоили независимой премии «Люди нашего города» в номинации «Литератор года», а в 2002-м он отмечен (уже посмертно) престижной литературной премией «Северная Пальмира» за книгу «Эхо».

В 2002 году Виктора Конецкого не стало. А спустя три года в плавание отправился новый танкер «Виктор Конецкий» крупной российской судовладельческой компании «Совкомфлот». В 2014 году на новом морском буксирном судне «Виктор Конецкий» подняли Андреевский флаг – военный спасатель приняли в состав Балтийского флота ВМФ Российской Федерации.

Крымская астрофизическая обсерватория присвоила имя Виктора Конецкого малой планете № 14794, и началось новое путешествие писателя, только уже по иным просторам.

В 2002 году создан Морской литературно-художественный фонд имени Виктора Конецкого. Его главная задача – служение памяти писателя, моряка и художника Виктора Викторовича Конецкого, поддержка нравственного престижа флота и его людей, в том числе пишущих о море и моряках.

Плывущие айсберги

Живопись Виктора Конецкого

Елена МОНАХОВА

Написать айсберг невероятно трудно. Лучи света проходят через него и отражаются внутри.

Виктор Конецкий

Выставки художественных работ Виктора Конецкого всегда вызывают интерес. Мало кто при жизни писателя знал, что он увлекался, пусть и непрофессионально, живописью: «Кто родился художником, того никогда не оставит желание запечатлеть прелесть мира...»

Повторю слова Виктора Викторовича, которые слышала от него не раз: «Моя живопись – это продолжение моих книг и лучшие иллюстрации к ним...»

Три художника – совершенно различных – выстроились в моем сознании по единой прямой и объединились в неразрывное целое. На одном краю – Николай Иванович Фешин, блистательный живописец-импрессионист, родившийся в Казани в 1881-м году в семье ремесленника-резчика. В 1901–1908 годах он учился у И.Е. Репина в Императорской Академии художеств. С 1909 года работал и преподавал в Казани. В 1923 году уехал за границу и умер в Лос-Анжелесе в 1955 году, создав много великолепных произведений.

Дважды – в 1982 и в 1990 годах – в «фешинском» зале Казанского музея изобразительных искусств меня поражали его полотна: сверкающие, сверхнапряженные по колориту. Портреты, натюрморты (особенно натюрморты!), огромная картина «Бойня» (страшная аллегория русской революции) – все увиденное тогда восхитило, заморозило, увлекло и не забылось в течение многих последующих лет.

Вслед за Фешиным – как связующее звено – его ученица, художница Дебора Иосифовна Рязанская. Преподавала, в свой черед, основы живописи герою этих заметок, будущему мореплавателю и писателю Виктору Конецкому. Родилась она в 1902 году в Казани и там же умерла. И вот именно в Казани мне посчастливилось дважды увидеть ее и поговорить.

Больше сорока лет жизни провела Дебора Рязанская в Ленинграде. После учебы у Фешина и накануне его отъезда в Америку она в 1922 году поступила на факультет живописи Академии художеств и окончила его в

Виктор Викторович в Арктике

1926-м. В Ленинграде стала преподавать – в изостудии Дворца пионеров на Невском проспекте, потом в детской художественной школе на канале Грибоедова. Ее хорошо знала и ценила моя мать, искусствовед и художница Галина Алексеевна Глаголева, долгие годы прослужившая в старейшем художественном училище Ленинграда на Таврической улице. Через маму я потом и познакомилась с Рязанской.

Николай Иванович Фешин

Дебора Иосифовна Рязанская

Виктор Конецкий. Апрель. 1941

Виктор Конецкий. Блокадный чайник. 1944–1945

Виктор Конецкий. Гвоздики и кораллы

Работы Деборы Иосифовны я увидела впервые у нее в Казани. Портреты, натюрморты. Колорит ни в какое сравнение не шел с фешинским – приглушенный, академический. Но что-то все же было в этих акварелях и холстах, развешанных по стенам старой казанской коммуналки. Позднее я узнала, что ученик Рязанской по Дворцу пионеров будущий писатель Виктор Конецкий живопись ее расценивал как «холодную, ядовитую даже в зелени». Он вспоминал о своем смущении, когда понял: «я рисую лучше ее, и она это сама мне говорила. <...> и плакала оттого, что пишет плохо. Потом вытерла слезы и все шурилась, шурилась на свои работы, а потом смотрела на меня с надеждой и, конечно, вздыхала...».

Личное отношение Конецкого к первой своей наставнице в мире искусства было необычайно теплым и охранительным. Когда я пришла к нему летом 1982 года по совету мамы перед поездкой в Казань, чтобы попросить помощи для Деборы Иосифовны, то получила щедрую сумму.

Моей встрече с Виктором Викторовичем предшествовало письмо Рязанской к моей матери: «Дорогая Галина Алексеевна! <...> Я была рада получить от Вас весточку, <...>, узнать, что мое имя попало в печать! С Виктором Конецким у меня были самые теплые отношения. Он и брат его Олег учились у меня во Дворце пионеров. Виктору было 11 лет, брату – 12. Я была знакома с их семьей. Фамилию они носили отцовскую – Штейнберг. Мать их, бывшая балерина Мариинского театра – Конецкая Л.Д. Она пришла ко мне познакомиться, т. к., по ее словам, «мальчишки все время говорят о Вас, пришла с Вами познакомиться и пригласить к нам». С тех пор мы с ней подружились. Муж ее (отец мальчиков давно ее покинул, но жил в этой же квартире) был зампрокурора Октябрьской железной дороги.

После войны Любовь Дмитриевна устроила сыновей в военно-морское училище, которое Виктор окончил и стал военным моряком, а Олег – сугубо штатским. Он тоже пишет (под фамилией Базунов). По болезни демобилизовался, затем закончил искусствоведческий факультет Академии художеств. Вы, наверное, его знаете, как мужа Ирины Васильевны Пестряковой, преподавательницы Египта и древнего искусства в институте имени Репина. Я давно уже в Казани и лет 15 как потеряла с ними связь. Родители их умерли. Но мне было радостно узнать, что Виктор помнит и ценит меня, как человека и преподавателя, запомнившегося ему с 11-летнего возраста. Теперь, когда я не у дел, я очень сдала и часто думаю, что жизнь прошла бесцельно и бездарно. Живописью не занимаюсь, руки дрожат, зрение сдает. Главное, что здесь я не имею друзей-художников...» (25 мая 1981 года).

Хочу отметить, что мне живопись Деборы Рязанской необычайно нравилась. Особенно портрет художницы Цили Яковлевны Бутман, которую я хорошо знала. Как будто сейчас вижу его висющим на старых обоях под прямыми солнечными лучами возле открытого в зеленый казанский дворик окна. Надеюсь, что прекрасный этот портрет не пропал бесследно. Предполагаю, что его могли взять в Казанский художественный музей

вместе с другими произведениями Деборы, как работы ученицы Фешина.

И вот подхожу к своему главному герою – художнику Виктору Викторовичу Конецкому. Именно художнику. Он в моем воображении находится на противоположном конце от Фешина, но на единой с ним линии. Во всяком случае, интенсивнейший, радостный цвет акварелей Конецкого чем-то сродни фешинской напряженности. Возможно, это мое ощущение получается потому, что полотна Николая Фешина я увидела сразу же вслед за знакомством с работами Конецкого.

Разумеется, расстояние между ними огромное – не только временное. Один – художник по преимуществу, из наиболее ярких в свою эпоху. Другой – по преимуществу писатель. Правда, сам Конецкий в последние годы говорил: «Думаю, если бы не война, стал бы художником. Сейчас с годами рисую все больше и больше. Мечтаю когда-нибудь проиллюстрировать одну из своих книг. Хотел бы обзавестись наконец мольбертом. Для меня занятия литературой – адский труд, а рисовать – огромная радость».

Я уже говорила, что впервые узнала работы Конецкого до знакомства с фешинской живописью. Вернусь к этой теме. Вспоминаю свое сильное впечатление – почти шок – от вида развешанных по стенам ленинградской квартиры писателя Конецкого ярчайших его акварелей. Большая часть их была помещена над тахтой, рядом с картой Мирового океана. Как он тут же сказал мне: «Это карта Меркатора, без нее никуда не поплывешь» – и долго еще говорил на эту тему.

Даже сейчас, по прошествии многих лет, могу вспомнить некоторые акварели в подробностях. Например, букет ландышей в вазе, осенние пейзажи, натюрморт, где неповторимо сочетаются два куста белоснежных кораллов с букетом гвоздик в стакане, вид могучего засохшего дерева, окутанного свежим плющом. Но главное – морская поверхность самых разнообразных оттенков, от чернильно-фиолетовой до светлой и прозрачной. Иногда интенсивность цвета этой поверхности усиливается за счет изображения белых, как рафинад, айсбергов, плавающих или застывших у берега.

В Казань я уехала после знакомства с художественным миром Конецкого – своеобразным, необычным. Знакомство с Деборой Иосифовной Рязанской, последующее открытие Фешина не заслонило впечатления от этого мира. Просто все составило единую композицию, элементы которой локальны и неразделимы одновременно.

Через несколько лет я получила в подарок от Виктора Викторовича одну его акварель – пейзаж со стогами сена на поляне под лучами вечернего солнца. Закатное освещение было передано необычайно точно и придавало пейзажу несколько меланхолический оттенок. Из записи на обороте следовало, что акварель эту Конецкий создавал в соавторстве (если можно так сказать) с поэтессой Беллой Ахмадулиной в пушкинском Михайловском, куда изредка приезжал поработать. Кроме вида двух стогов у меня есть еще один карандашный рисунок Конецкого в альбоме. Он рисовать не хотел,

Виктор Конецкий. В бухте Варнека на о. Вайгач

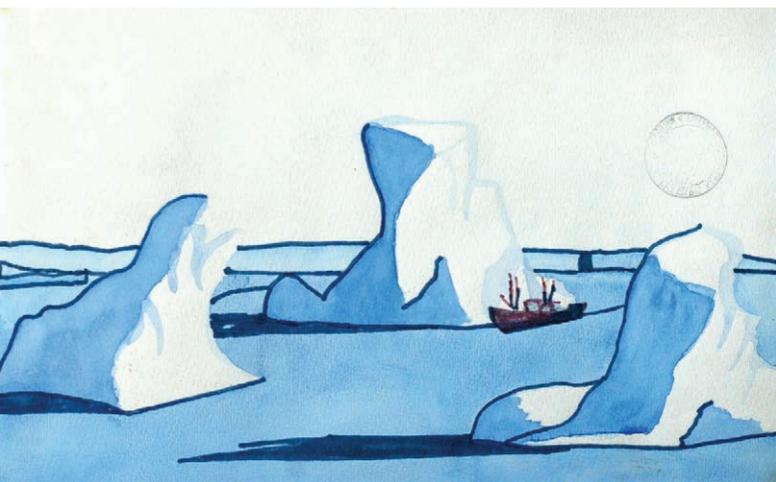
уступил моей настойчивой просьбе и резкими зигзагами расчертил один лист, подписав, что это он, Конецкий, в образе кота.

Возвращаясь к пейзажам (не морским видам!), хочу отметить, что каждый из них имеет столь ярко выраженную особенность, что невольно задумываешься – все изображено далеко не случайно, место это выбрано вследствие какого-либо события, имеющего значение для автора. Поэтому деревья, поля, стога, дома, все вообще изображенные предметы на рисунках Конецкого буквально разговаривают с тобой (если не кричат). Впрочем, и сам Виктор Викторович того не скрывал.

Удивительна история создания пейзажа с могильным крестом среди скудной заполярной флоры. Художник вспоминал: «Вот одна из первых моих работ маслом. Эту картину я наблюдал в 1955 году, когда наше судно стояло на якоре в бухте Варнека на острове Вайгач. Сошел на берег побродить по суше; вижу – чум, за ним наткнулся на небольшое кладбище. На кресте – спасательный круг. Прочитал надпись на кресте: здесь похоронен старпом

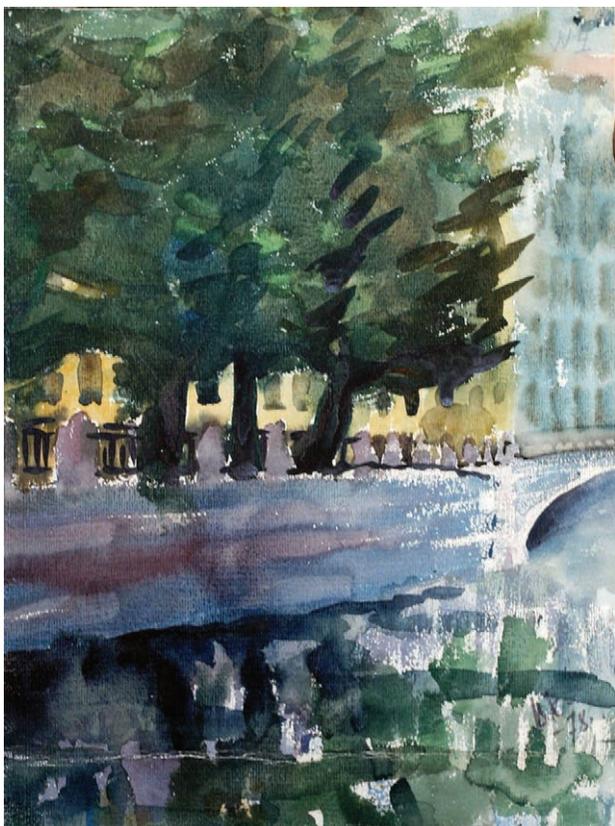
В Арктике

В Антарктиде. 1979

Айсберг. 1979

Мойка. 1978

с парохода «Правда», скончавшийся в этих угрюмых местах во время рейса в 1944 году. Потом разузнал о нем побольше и написал очерк в «Литературную газету». Однажды раздался звонок, в трубке женский голос: «Скажите, как мне попасть на Вайгач, я хочу поставить на могиле брата памятник». «Вы с ума сошли! Туда не попасть. Там – запретная зона». В те годы на Новой Земле сооружался полигон для ядерных испытаний, и вся округа была закрыта для частных лиц. И все-таки она сумела пробиться туда, поставить памятник... Вот вам женское сердце...»

Странную «запретность», «запредельность» пейзажа в таинственной бухте Варнека ощущаешь прежде всего. Пейзажи Конецкого – пейзажи-загадки. В каждом из них сокрыта некая тайна. Обращаюсь опять к его словам: «Вот этот круг на картине «Антарктида» многие принимают за солнце. Но это печать. Точнее, почтовый штемпель, который поставил мне на лист начальник станции «Молодежная». «А то никто не поверит, что ты это здесь намалевал!» Взял и шлепнул».

Для меня из городских видов Конецкого самый дорогой и самый загадочный – «Мойка. 1978 год». Акварелью обозначена гранитная набережная, стоящие у края три огромных раскидистых дерева, свод каменного моста справа, а за деревьями неясно просматриваемые, размытые фасады довольно высоких домов. Мойка в Петербурге – вообще одна из самых загадочных и знаменитых рек, текущих по центру большого города (если не самая загадочная!) в мире. Сколько на ее узких извилистых берегах произошло трагедий! Убийство несчастного императора Павла I в Михайловском замке, смерть Александра Пушкина в доме княгини Волконской от раны, полученной на дуэли, «красное воскресенье» 9 января 1905 года, когда жертвы хлынули в панике к Мойке, спасаясь от гибели на Дворцовой площади, убийство «старца» Григория Распутина в подвале Юсуповского дворца, угасание Ломоносова в собственном особняке... И многое, многое другое...

Ощущение размытости петербургского пейзажа, зеркальности воды петербургских каналов, призрачность петербургского воздуха Конецкий-художник передает с лирической точностью. Правда, есть в этой акварели известное допущение. В действительности абрис чугунной ограды набережной Мойки – фигурный, необычайной красоты. А изображенная Конецким ограда – явно другая: с прямыми прутьями. Напоминает ограду набережной канала Грибоедова (бывшего Екатерининского). Напоминает иллюстрации Мстислава Добужинского к «Белым ночам». Это наводит на мысль о собирательном образе Северной Пальмиры в воображении художника.

Вот еще две петербургско-ленинградские (как разделить это понятие?) акварели: размытые и светящиеся – «Таврический сад. 1944 год» и «Канал Круштейна (Адмиралтейский). 1945 год». Мне они напоминают и мое детство (я родилась в послевоенном Ленинграде, в семье, чудом пережившей блокаду). Наверное, в первые эти послеблокадные годы и свет на снегу, и старые парковые деревья, и мостики через каналы представлялись особенными. Для тех, кто сумел здесь выжить,

можно добавить. Ведь город остался существовать, выйдя из ледяного ада... Это свет победы над тьмой блокадного ужаса мерцает в скромных пейзажах молодого Конецкого.

Удивительна по простоте и выразительности его городская акварель «Петербургские окна. Вид с балкона» (1996 год): одна из работ последних лет жизни Виктора Конецкого. Каждое окно здесь имеет свою «физиономию», ни одно не похоже на соседнее. Изображены два последних этажа и часть крыши с торчащими трубами, телевизионными антеннами и «тарелками». Стены покрыты штукатуркой, поблекшей от сырого питерского воздуха. Верхний этаж – мансарда. Там решетка отделяет окна от края отвесной стены, стоят растения в кадках, сушится на веревках белье. Над крышей – белесое северное небо.

Видно, что подобный неприветливый городской вид особенно был дорог автору, бороздившему годами океанские и морские просторы, привязывал его к земле.

В связи с этим вспоминается мне один разговор с Виктором Викторовичем, удивительно художественно и подробно пересказавшим мне свой профессиональный «судовожденческий» сон, повторявшийся из года в год.

Говорил он примерно следующее: «Вот если вам снится, что вы стоите у штурвала какого-нибудь судна, а за бортом у вас не вода, а мостовые, улицы, проспекты, дома мелькают – то это только одно обозначает: вы старый морской волк. Только настоящие судоводители такие кошмары во сне видят. Как развернуться не на просторе, а в городе – только их такой вопрос может беспокоить».

Так же увлекательно повествовал он о значении карты Мирового океана, созданной Меркатором. Говорил как о художественном произведении, а не только как о необходимом (для мореплавателей) чертеже. Он и дома, в своей городской квартире не расставался с нею, как с гениально написанной картиной. К этой карте притягиваются морские пейзажи Конецкого. Они являются в моем видении чем-то вроде ее продолжения.

Хочется здесь вспомнить слова Виктора Викторовича об изображении северного морского пейзажа: «Написать айсберг невероятно трудно. Лучи света проходят сквозь него и отражаются внутри. Передать это кистью невозможно, как игру бриллианта. Поэтому я под Рокуэлла Кента писал. Стилизованно. Но были и гении. Как Серов, например. Ему все удавалось. Коровин хорошо Север писал, но он в Арктику не забирался. <...> В Арктике есть нечто космическое, внеземное, и этот космизм, на мой взгляд, сумел передать лишь один художник – Врубель».

Добавляю – и художник Конецкий умел передать нечто космическое в своих «маринах»-акварелях. По крайней мере, пытался это сделать... Видно, что арктические льды его навеки приворожили.

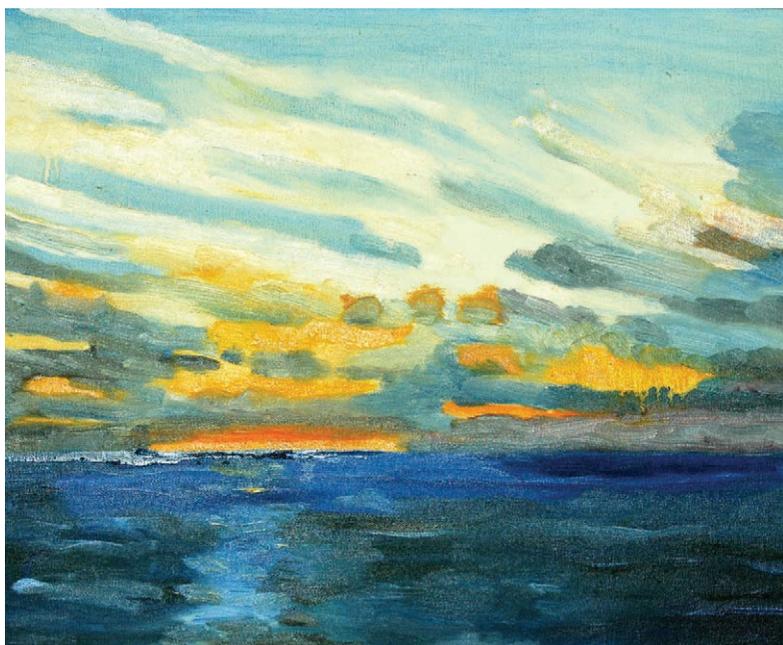
Все пейзажи, пейзажи, натюрморты, потом опять пейзажи... Где же портреты?! Они были вообще? Да! Были. Но... Слово Конецкому: «Людей я рисовал довольно много, но понял, что это небезопасно, особенно когда рисуешь женщин. Они почему-то всегда недовольны своими портретами. Самое рискованное – изо-

Таврический сад. 1944–1945

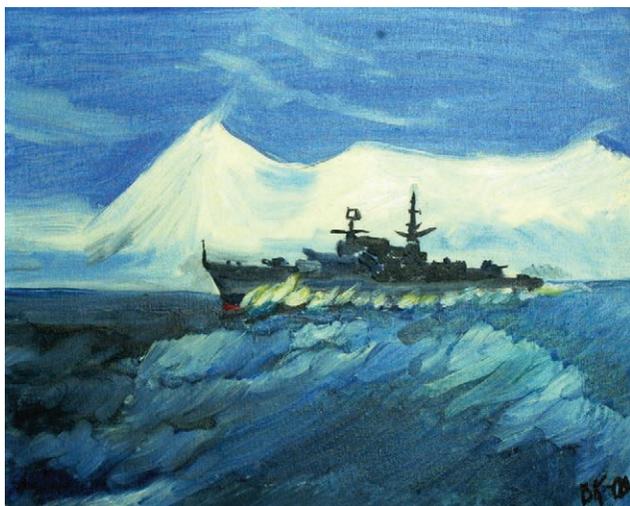
Петербургские окна. Вид с балкона. 1996

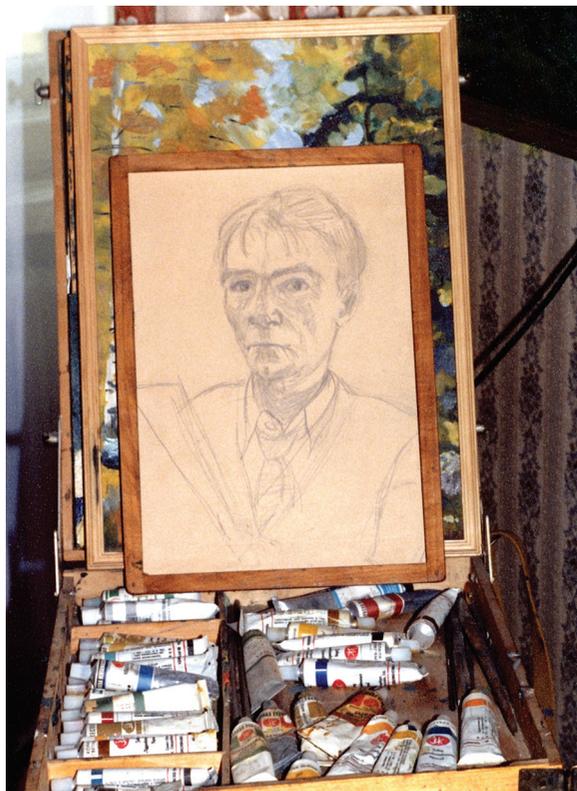
Закат. 2000

Самоходные баржи на реке Везер. 1974

У берегов Камчатки .2001

Автопортрет

бращать на писательских собраниях членов президиума. Этим делом тоже грешу. Накопилось немало шаржей. Я даже тревожусь: не отразится ли это на моих издательских делах? Изображать фрукты, овощи, цветы совершенно безопасно. И поэтому приятно».

Где же теперь эти созданные в прошедшие годы изображения людей, портреты?! Они должны были быть бесподобны, учитывая писательское мастерство Конецкого, создавшего – в своей прозе – такое многообразие портретов: от трагических до комедийных. По его словам, первый портрет, им нарисованный, был... без лица. Детское воспоминание: «В изокружок я поступил хитростью: нам дали задание нарисовать человека, а я не умел. И тогда я нарисовал водолаза, лицо прописывать не надо было...»

Лично мне в связи с Конецким вспоминается история одного портрета – но отнюдь не работы Виктора Викторовича. Речь идет о полустертой порыжевшей репродукции с известного портрета Александра Сергеевича Пушкина работы малоизвестного художника Ивана Логиновича Линёва, созданного в последний год жизни поэта. На этом портрете поэт выглядит смертельно усталым, больным, постаревшим. Оригинал находится во Всероссийском музее А.С. Пушкина в Петербурге, на набережной Мойки – а репродукцию Конецкий держал в своей каюте в годы морских странствий. В годы, когда я изредка навещала писателя в его квартире на улице Ленина в Ленинграде, он решил отдать это дорогое для него изображение в фонды Пушкинского музея (через мое посредство) – и сделал интересную надпись на обороте. Насколько я помню, там говорилось, что портрет этот сопровождал владельца в его странствиях по всему миру и мучил своим страдальческим выражением. Но это мучение для Конецкого было необходимо, служило постоянным стимулом к размышлению.

В связи с этим мне вспоминаются удивительные слова Виктора Викторовича. Я записала их в дневнике и привожу здесь точно: «Если от дома на Мойке, где умер Пушкин, ничего не останется – и на месте этом поставят какой-нибудь столб, а на столбе повесят портрет Сталина, то я все равно приду сюда, к этому самому столбу, чтобы Пушкину поклониться».

Вот подлинное отношение Конецкого к литературе и к искусству. Он прекрасно знал, что Пушкин рисовал пером около неоконченных своих рукописей. Пушкин – высочайшее имя для Конецкого. Можно вспомнить, что родился он 6 июня и говорил своим друзьям (Битову, например): «А у меня никогда не было дня рождения – он всегда был у Пушкина».

Часто Конецкий рисовал деревья, чередуя их с айсбергами. И это, безусловно, портреты. Портреты деревьев: старого дуба, оплетенного плющом, рощи молодых березок или стволов старой аллеи с затопленными весенним половодьем корнями. Ветки в вазе также замечательны: вербочка с пушинками-цветами. Рядом – крашеные яйца и проросший лук в граненом стакане. Акварель называется «Перед Пасхой» (1987 год).

Вообще в рисунках Конецкого все удивительным образом одушевлено. Как будто он рассказывает нам

чью-то историю. Но рассказывает именно как художник, средствами изобразительного искусства, а не литературы. Вспоминаются мне другие его слова: «Когда устаю писать прозу, берусь за кисть. Зарисовка – как дневниковая запись. У меня, например, есть рисунки, сделанные летом 1941 года. Смотрю на них и вспоминаю подробности всего, что было, даже мое внутреннее состояние той поры. Недавно проанализировал и понял: когда рисуешь без природы и по памяти, выходит хуже. Так же точно и в литературной работе».

В этих словах – глубокий водораздел между двумя видами искусства, который Конецкий всегда ощущал, поскольку был и подлинным прозаиком, и настоящим художником.

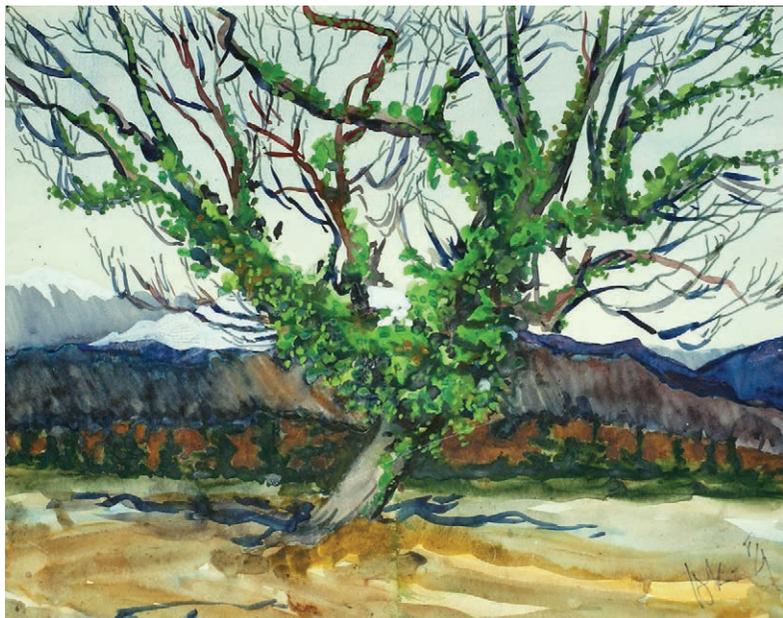
Назову еще две акварели Конецкого, на мой взгляд, глубоко примечательные, говорящие: «Крыши Загреба. Югославия» (1963) и «Самоходные баржи на реке Везер» (1974). Их долго можно рассматривать, хотя, с другой стороны, изображения эти предельно лаконичны, как и все у Конецкого-художника. Нечто важное, неповторимое сквозит и в тумане над каналом в Голландии, и в черепице невысоких балканских крыш. Он предметы одушевлял, это безусловно. Одушевлены и стога на подаренной мне акварели...

Будь у Конецкого побольше времени для жизни – сколько бы еще оставил нам для наслаждения плывущих айсбергов и крыш, каналов и стен, цветов и кораллов, ваз и статуэток, а может быть, и портретов, и даже – смелое предположение – мы имели бы на книжной полке собрание сочинений любимого писателя, им самим проиллюстрированное... Иллюстрировал же свое собрание, например, Василий Андреевич Жуковский. А как художник Виктор Викторович Конецкий, несомненно, был талантливее его.

Дебора Иосифовна Рязанская умерла 1 августа 1990 года. В последний раз я видела Дебору в старом доме, расположенном недалеко от оперного театра в окружении десятка старух, которые только и обитали в этой старой казанской коммуналке. Жила она с сестрами. Три сестры-красавицы. Древняя кровь, порода чувствовала. Нищета и горе во всем облике дома были такие, что это не вылечить ничем. Неправда, что умирать все равно где: на бархате или на соломе. Как еще дом не развалился совсем – непонятно. А на стенах – прекрасные, сияющие холсты. И – портрет Цили Бутман как висел, так и висит. Я отражаюсь в мутном зеркале: здоровая, румяная... Привезла посылку – греча, сорбит, геркулес и книга «Валентин Серов в Петербурге» – ничего этого в Казани нет!

Сорок лет Дебора Иосифовна занималась живописью, преподавала, сколько у нее учеников! – умирала почти что под забором... Как же наша прошлая красота, как наша великая культура? Она как рыба, всплывшая брюхом вверх в Волге – я видела это, возвращаясь теплоходом из Казани, под Ульяновском.

Вернувшись, узнала о конце. Позвонил Конецкий: «Да, вот нет Деборы... Она, кстати, была еврейка... Я не ошибаюсь?.. Так можно ее помянуть на девятый день? Я мало сделал – только деньги...»

Дерево. Пицунда. 1987

Кактус из Сардинии. 1976

Переделкино. Дорога к Пастернаку. 1975

Исповедь старого моряка

Из архива Виктора Конецкого

Татьяна АКУЛОВА-КОНЕЦКАЯ

Начнем с письма. Оно было получено Виктором Конецким в 1990 году, позднее приведено писателем в собрании сочинений – в книге «Соленый лед»:

Уважаемый Виктор Викторович!

Пишет Вам 85-летний старик, бывший моряк торгового флота. Я давно слышал о Вашей литературной деятельности, но как-то не попадались Ваши книги. Пару месяцев назад мне звонила дочь и сказала, что купила Ваш двухтомник. И вот в течение двух месяцев я его прочел.

Должен Вам сказать без всякой лести, мне очень понравились Ваши морские рассказы, так как я 40 лет отдал морям и океанам и побывал в тех же местах, что и Вы, и неоднократно. Побывал и на Вайгаче в бухте Варнека несколько раз, только не был на кладбище. В двух рассказах я обнаружил места, которые касались и меня. Ваш «дед» сбрехнул, или его неправильно информировали, что в 1929 году в Мурманске пьяные матросы подняли лошадь в общежитие на 3-й этаж. Я плывал с участником этой «хохмы», архангельским моряком Илюшей Махно. Подняли они лошадь только на 2-й этаж, потому что общежитие Севгосрыбтреста находилось в 2-этажном доме. Мне знакомо это здание.

Кроме того, в одном из рассказов я обнаружил, что мы с Вами были на одном судне, только в разное время. Я на 23 года раньше Вас. Это «Челюскинец», которого я ремонтировал в 1944 году. Тогда нас, вторую группу ленинградских моряков, направили в Ленинград для восстановления флота, а я прихватил молодую жену.

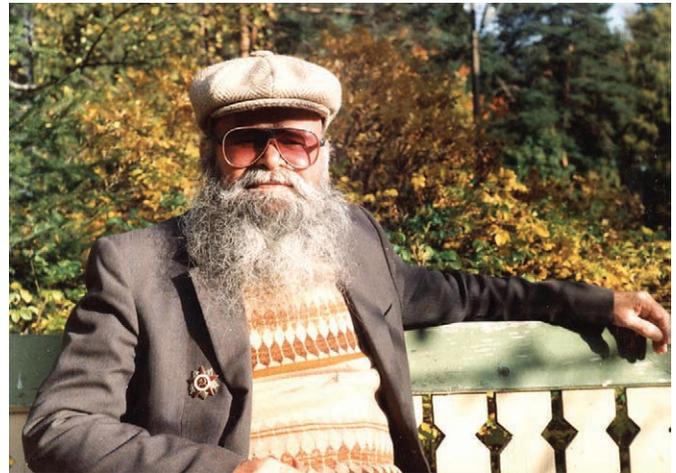
По прибытии во Владивосток из Америки, где мы стояли год в ремонте на т/х «Туапсе», я в 1944 году женился в первый раз. Мне было 34 года, а жене 20 лет. По приезде в Ленинград нас направили на «Челюскинец». Жена стала камбузницей, а я – машинистом. Дали 2-местную каюту.

За сорок лет работы на флоте многое пришлось испытать. Я по натуре «летун», поэтому пришлось побывать во всех парокходствах. Начал в 1927 году в ЧМП, а закончил на Чукотке, порт Певек. В 1967 году вернулся в Ленинград и женился вторично <...>.

Пришлось плавать и с двумя братьями Ворониными. С Александром Ивановичем на п/х «Кара», а с Владимиром Ивановичем, который утопил «Челюскин», на л/п «Седов».

Уважаемый Виктор Викторович, мне бы очень хотелось встретиться с Вами, посидеть за бутылочкой. Не откажите в любезности навестить меня или я к Вам? Я еще крепкий старик. Сам себя обслуживаю. Брякните мне по телефону.

*С искренним уважением,
Андрюшенко Николай Тимофеевич*

Н.Т. Андрюшенко. Зеленогорск. 1996

Встреча с писателем, о которой просил Николай Тимофеевич, состоялась, и началась дружба – настоящая и трогательная – до самой кончины Н.Т. Андрюшенко в октябре 2000 года. Конечно, они не могли не подружиться: Виктор Викторович уже не плывал и тосковал по морю, жил воспоминаниями, а Николай Тимофеевич был слишком стар, чтобы надеяться на звонки и визиты своих соплатователей, его поддерживали лишь дочь Таня и внук, которых он любил трепетно.

Через Виктора Викторовича, к которому привязался по-мужски крепко, старик отличал и меня. Сближению поспособствовала и идея Конецкого отправить меня однажды к Николаю Тимофеевичу на Пасху с поздравлениями. Старый моряк был несказанно растроган – не подарками, а возможностью поговорить в день Светлого Христова Воскресения. Все же он был очень одинок.

Николай Тимофеевич был глубоко верующим человеком. Достаточно сказать, что в возрасте под девяносто лет он отправился поклониться мощам Николая Чудотворца в город-порт Бари. 1990-е годы, безденежье, бандитский разгул... А он – в Италию, чартером, с «челноками»! Потом рассказывал, что весь перелет не только молился, но и убеждал словом Божиим своих попутчиков, что не хлебом единым жив человек. И многие пошли затем с ним в Бари к базилике святого Николая и в православную церковь Николая Чудотворца.

И внешне Николай Тимофеевич был похож на изображение святителя, имя которого носил, – такого, каким изображают святого Николая Мирликийского на православных иконах русской школы: умные глаза, излучающие неподдельную доброту, строгость и мудрость.

Николай Тимофеевич с детства был человеком церковным. В середине 1950-х годов, по воспоминаниям дочери Татьяны, он водил ее с братом Колей на Смоленское

православное кладбище – там Николай Тимофеевич заботился о могилах погибших в 1920–30-е годы священников – укреплял покосившиеся кресты, цементировал ограждения, поправлял ограды. Такая смелость в те годы, пожалуй, удивительна, если не знать, что духовником родителей Николая Тимофеевича и их детей был отец Иона (1855–1924) – ныне причисленный к лику святых праведный Иона Одесский, чудотворец...

...Как-то много дней мы с Виктором Викторовичем провели в тревоге за Николая Тимофеевича: он возвращался из почтового отделения с пенсией, и его кто-то, как он сам считал, выследил. В подъезде дома старик был сбит с ног и оглушен ударами по голове. Пенсию украли. Милиционеры предположили, что это дело рук местных наркоманов, и расследовать случившееся не стали, а Николай Тимофеевич на том и не настаивал. Но с тех пор он больше к нам не приходил – не было сил, а вскоре старика подкосил инфаркт. Известие о кончине Н.Т. Андриюшенко пришло от его дочери Татьяны Николаевны...

Предлагаем познакомиться с поразительными воспоминаниями Н.Т. Андриюшенко, переданными им В.В. Конечному (материал из «Морской библиотеки» официального сайта «Библиотека Виктора Конечного»). Передавая их Виктору Викторовичу, Николай Тимофеевич ни на что не рассчитывал, говорил: «Я не писатель, а старый моряк на свалке истории». Но это не так.

В двенадцать лет одессит Коля сбежал из родительского дома – отец застал его за чтением приключенческого романа и строго наказал. Николай бродяжничал, подрабатывал – за кусок хлеба – в домах разных людей. А в семнадцать лет впервые вышел в море – кочегаром 2-го класса на пароходе «Труженик моря». В 1930-е перевозил на «Вятке» из Архангельска в Нарьян-Мар и Печору раскулаченных, а затем на пароходе «Джурма» – на Воркуту политзаклю-

ченных. Николай Тимофеевич рассказывал нам, что моряки не верили сказкам о тысячах «врагов народа» и, сочувствуя несчастным, старались незаметно передать им еду и курево. Он не пересказывал в деталях своего разговора с одним из заключенных – племянником А.С. Енукидзе, но в его памяти осталось, что сидел тот во Владивостоке в пересыльной тюрьме в одном бараке с Осипом Мандельштамом. Это Николай Тимофеевич запомнил крепко, потому что с детства не расставался с книгами.

В морской судьбе Н.Т. Андриюшенко было участие в спасении ледокольного парохода «Малыгин» в 1933 году, участие в сопровождении подводной лодки Щ-23 Северным морским путем из Полярного на Дальний Восток в 1940-м. Не раз за свою морскую жизнь он сталкивался с работой ледокола «Красин» и многими другими судами, давно ставшими легендами.

В начале Великой Отечественной войны Николай Тимофеевич служил на патрульном судне в районе легендарного полуострова Рыбачий, на Баренцевом море, затем – в морской пехоте, был тяжело контужен. С 1944 года жизнь Андриюшенко была тесно связана с торговым флотом. Специального морского образования у него не было, всему научило море, в водах которого он не раз тонул...

В 1998 году Виктор Конечный рекомендовал воспоминания Николая Андриюшенко для публикации в альманахе «Мурманский берег» (отрывок опубликован в № 5, 1999). «Если б каждый дед на Руси оставлял бы своим внукам такие жизнеописания, то насколько богаче душой были бы наши потомки», – писал Виктор Викторович Н.Т. Андриюшенко.

Николай Тимофеевич не раз говорил, что пишет для внука Василия: «Прочитает, когда стану на вечный прикол...»

Фото из семейного архива Т.Н. Андриюшенко

Арктический рейс

Николай АНДРИУШЕНКО

Зимой 1940 года отдел кадров Балтийского морского пароходства укомплектовывал перегонную команду для приемки купленного в Англии судна. Из Ленинграда на пассажирском теплоходе «Сибирь», который стоял на линии Ленинград – Лондон, мы вышли в рейс в сопровождении ледокола. Финский залив уже был покрыт льдом. На теплоходе кроме нашей команды было сотни полторы иностранцев. По пути в Лондон теплоход делал заходы в Хельсинки, Стокгольм и Осло. На десятые сутки подошли к устью Темзы, взяли лоцмана и вошли в реку.

Темза не шире Невы. Справа у берега показался стоявший на мертвых якорях 120-пушечный флагманский фрегат, на котором, командуя английским флотом, адмирал Нельсон в 1805 году в Трафальгарском сражении разгромил франко-испанскую эскадру. В том сражении адмирал Нельсон был смертельно ранен. Корабль по-

ставлен на прикол как памятник знаменитому адмиралу.

В 1933 году, когда я первый раз побывал в Лондоне, мы совершали экскурсию по городу и побывали на этом корабле, там висит мемориальная доска <...>.

Через полтора часа лоцман привел теплоход в Сорридок. И после таможенных формальностей пришедший за командой омнибус отвез нас в гостиницу. К вечеру капитан привез из посольства валюту, и нам выдали по несколько шиллингов «на пиво». Вечером разбрелись по Лондону. Шатались по залитой рекламными огнями Пикадилли (лондонский Невский проспект). Посетили «Синема». На другой день утром приехали два сотрудника из посольства и организовали экскурсию в Британский музей, в котором я, кстати, бывал уже ранее неоднократно.

Вечером нас посадили на поезд Лондон – Ливерпуль. В Ливерпуле стояло судно, которое мы должны были

принять. Мы проезжали центральную часть страны, особенно густо заселенную. В окне проносились небольшие города с одно- и двухэтажными домами из красного кирпича, старинные замки английских лордов, с прекрасными парками и ухоженными лужайками. Наконец показали производственные пригороды Ливерпуля и, прогрохотав на многочисленных стрелках, поезд въехал в огромный крытый вокзал. На привокзальной площади нас уже ждал автобус, и нас отвезли в гостиницу.

Ливерпуль находится на реке Мерсей, при ее впадении в Ирландское море. Второй по размеру грузооборота, после Лондона, порт страны (длина причалов 60 км). Город расположен на обоих берегах реки, сообщение осуществляется через туннель под рекой.

На другой день поехали принимать судно. Пароход стоял в самом конце порта, где кроме нашего стояло еще несколько «стариков» с завязанными брезентом грузами. На борту мы прочли название «Лизи Гордон». Потом хозяин компании объяснил нам, что пароход назван в честь одной из его дочерей.

Вечером, к подъему советского флага, приехали представители компании во главе с хозяином и наш консул с несколькими сотрудниками. В кают-компании состоялся «сабантуй». Хозяин привез несколько ящиков с напитками, и команда, как говорится, изрядно накачалась. Началась работа по расконсервированию судна. Машинная команда проводила профилактику машинного отделения, почистили оба котла. Корпусу судна требовалось докование, так как за два года стоянки на приколе подводная часть изрядно обросла ракушками и «бородой». Два буксира утащили нас в судоремонтный завод и поставили в плавдок. Очистили подводную часть, засуричили, покрасили борта и надстройки, и к весне наша «коробка» приняла божеский вид. На носу и на корме появилось новое название «Анатолий Серов», порт приписки – Петропавловск-Камчатский.

В начале мая подняли пары и вышли в рейс в английский порт Ярмут, где взяли четыре тысячи тонн знаменитой ярмутской сельди, т. к. в Ливерпуле груза для нас не было. Закончив погрузку, мы вышли из Ярмута и взяли курс на Мурманск, откуда должны были перегнать судно Северным морским путем на Камчатку в порт приписки.

Южную часть Норвегии мы огибали океаном, а в северной пришлось войти в шхеры, т. к. в Баренцевом море изрядно лоцманило. У входа в северные шхеры из небольшого лоцманского поселка взяли на бот двух норвежских лоцманов. С ними вместе по штормтрапу поднялись два мальчика лет по 14–15. Это сыновья лоцманов, они стажируются на лоцманов и вместе с отцами несут вахту на капитанском мостике, изучая фарватер корабельных проходов. Это целая лоцманская династия. Когда отцы уходят на пенсию, сыновья заступают на их место.

Северные шхеры удивительно живописны. Вдоль всего северного побережья Норвегии протянулась цепь больших и малых островов. Миллионы лет назад в результате тектонических катаклизмов большие и малые куски суши откололись от берега и превратились в высокие скалистые острова. Океанская вода заполнила пространство между берегом и островами, образовав небольшие фиорды и проливы. Зимой, когда в океане бу-

шуют ледяные штормы, суда, идущие из северных портов, наших и норвежских, предпочитают идти шхерами, здесь в любую погоду тихо, как на озере. Правда, за проход шхерами приходится платить за лоцманские услуги валюту. Сейчас, когда морской флот модернизирован, и строят морские суда-гиганты, им никакие штормы не страшны, и наши суда уже не пользуются шхерами.

Мы проходили мимо небольших городков и рыбацких поселков в некоторых местах так близко от берега, что были слышны приветственные крики девушек, махавших нам руками.

Выйдя из шхер в открытое море, прошли Варангер-фиорд, где проходит наша граница с Норвегией, и подошли к полуострову Рыбачий. С этим полуостровом у меня связаны тяжелые воспоминания войны.

В 1942 году, когда немцы были в 25 км от Мурманска, в Архангельском пароходстве были мобилизованы торговые моряки и направлены в Мурманск на Северный военный флот. Я попал на патрульное судно. Это был рыболовный траулер, переданный военному флоту как вспомогательное судно. Поставили четыре крупнокалиберных пулемета и на полубаке «сорокапятку» от подводных лодок. 2 марта 1942 года мы, два однотипных траулера, несли патрульную службу вдоль неприветливых, покрытых снегом сопот Рыбачьего. «Юнкерсы» бомбили по несколько раз в день, так что мы и спали, и несли вахту в спасательных жилетах. Все обходилось благополучно, но во второй половине дня в третий налет прилетело восемь «юнкерсов». Разделившись на две группы стали бомбить нас и нашего напарника, который находился от нас в 4–5 милях. Попасть в небольшое судно с воздуха не так просто, но все же одна из бомб угодила нам в кормовую часть, и тральщик за две минуты пошел ко дну. Из шестидесяти двух человек команды на воде осталось плавать тридцать пять человек. Несколько человек, которые не успели отплыть от тонущего судна, затянуло водоворотом, потом они всплыли, потому что были в спасательных жилетах, но это уже были трупы. Нашего соседа не удалось утопить, но у него вышло из строя рулевое управление. С тральщика видели, что наше судно пошло ко дну, и значит, на воде осталась часть людей. Они спустили обе спасательные шлюпки и пошли к месту гибели нашего тральщика.

Был противный ветер и крупная зыбь, трудно было грести против ветра. Только за час они покрыли эти четыре мили. Когда стали подбирать людей, живых осталось только семнадцать человек, остальные умерли от переохлаждения. Мы – живые, старались держаться ближе друг к другу, а тела погибших разнесло в разные стороны, так что наши спасатели вылавливали из воды баграми только шестерых.

На тральщике нам сразу дали по стакану разведенного спирта и горячей тушенки. Переодели в сухие рубы и разместили по каютам. Вскорости подошли два «охотника» за подлодками, вызванные по радио, и отбуксировали в Полярное – главную базу Северного флота. Трое суток я пролежал в госпитале и даже не кашлянул.

...Наконец показался остров Кильдин, и мы вошли в Кольский залив. Через два часа пришвартовались у Мурманского причала. После разгрузки стали готовиться к арктическому рейсу. Неожиданно из Москвы пришло со-

общение. Наркомат обороны решил провести экспериментальным рейсом Северным морским путем из Мурманска во Владивосток крейсерскую подводную лодку типа Щ (Щ-423. – Т.А.) Наш «А. Серов» должен был ее сопровождать, т. е. фактически стать ее базой. К нам на судно прибыла группа водолазов, несколько военных специалистов во главе с начальником экспедиции капитаном 1-го ранга [Е.Е.] Шведе. Погрузили водолазное оборудование, запчасти, двухгодичный запас продовольствия и солонки. Лодку поставили на стапеля и обшили корпус стальными листами, т. к. жидкий корпус лодки не приспособлен для плавания во льдах.

В первых числах июля вышли в рейс. Зашли в Архангельск, где нам погрузили шесть котлов для дальневосточного рефрижератора «Пищевая индустрия». Выйдя из Архангельска, мы направились к проливу Югорский Шар, который проходит южной оконечностью Новой Земли и островом Вайгач, и соединяет Баренцево море с Карским. Пролив оказался забитым тяжелым льдом, и нам пришлось подыматься на север вдоль берегов Новой Земли к проливу Маточкин Шар, где по сводке ледовая обстановка была благоприятной.

Проливом Маточкин Шар, который разделяет Новую Землю на две равные части, вышли в Карское море. Там нас поджидал караван судов во главе с ледоколом «И. Сталин».

Без особых приключений добрались до острова Диксон, где находится главная база Западного сектора Арктики. Здесь мы пополнили запасы пресной воды и угля, и весь караван двинулся дальше. Когда подошли к проливу Вилькицкого, который соединяет Карское море с морем Лаптевых, он оказался забитым тяжелым льдом и ледоколу «И. Сталин» пришлось несколько дней пробиваться сквозь льды.

В проливе Вилькицкого мы потеряли две лопасти, а в Восточно-Сибирском море потеряли и третью, и чапали на одной лопасти. Не доходя до пролива Де-Лонга, который соединяет Восточно-Сибирское море с Чукотским, обломали последнюю лопасть. У нас забрали подводную лодку, караван двинулся дальше, и мы остались в одиночестве. Десять суток нас носило во льдах.

За эту вынужденную стоянку мы хорошо отдохнули, но единственным развлечением были белые медведи, которые повадились к нам в гости. Их привлекли пищевые отходы, которые выбрасывали им на лед. Они так осмелели, что располагались почти у самого борта и ждали подачки.

На десятые сутки подошел ледокол «Красин», взял нас «на усы», т. е. на два коротких буксира, так что наш форштевень уперся в его кормовой кранец (так легче буксировать судно во льдах) и потащил нас на восток. Через пролив Де-Лонга вышли в Чукотское море. Там ледовая обстановка была тяжелая, и «Красину» пришлось изрядно потрудиться. На двенадцатые сутки мы пришли в бухту Провидения. На рейде бухты мы увидели нашу подводную лодку, стоявшую на якоре, и еще у меня случилась неожиданная встреча со старым знакомцем с л/п «Малыгин», в спасении которого я принимал участие в 1933 году.

В бухте Провидения мы своими силами поставили запасной винт (все суда, идущие в Арктику, берут запасные

винты). Пока мы здесь стояли, я узнал, что на «Малыгине» капитаном мой старый сослуживец Николай Бердников, с которым мы плавали на п/х «Революция». Он тогда был третьим штурманом. Я побывал у него в гостях, и мы за бутылкой коньяка вспомнили старое житье-бытье. Узнал, что год назад «Малыгин» передали из Архангельского пароходства в Дальневосточное. Большая часть команды уже возвратилась в свое пароходство, но еще несколько человек, в том числе и капитан, должны были по приходе во Владивосток уехать в Архангельск. Но по превратностям морской судьбы им не суждено было вернуться к своим семьям.

Капитану Бердникову было сорок два года. Он жаловался мне, что соскучился по семье. На «Малыгине» кроме команды было еще двадцать девушек. Это были ленинградские студентки, окончившие гидрографический факультет института Арктики. Они находились в первой и последней своей гидрографической экспедиции вокруг Чукотского полуострова. Возвращаясь с Чукотки, «Малыгин» взял на борт человек шестьдесят пассажиров-зимовщиков с разных полярных станций. Это были в основном семьи с детьми.

Поставив винт, мы пополнили запасы пресной воды, угля и вышли в рейс, взяв курс на Петропавловск-Камчатский. Следом за нами через сутки вышел в рейс и «Малыгин».

Наша подводная лодка осталась зимовать в бухте Провидения, а ее двухгодичный запас солонки мы должны были сдать в Петропавловске-Камчатском. Четырехсоткилограммовые бочки были уложены на кормовой палубе, и укреплены стальными тросами. Кто бы мог подумать, что эти бочки едва не станут причиной нашей гибели. Огибая остров Карагинский у восточного побережья Камчатки, мы попали в тайфун. Эти дальневосточные ураганы, особенно часто свирепствующие в осеннее время, в Беринговом море приносят много бед морякам, и нашим, и японским. Ржавеющие на камнях корпуса судов у скалистых берегов Камчатки красноречиво свидетельствуют о том, что может сделать тайфун с судами, не успевшими уйти от берега.

Наш капитан Дудник, старый морской волк, хорошо был знаком с этими тайфунами. До «А. Серова» он несколько лет командовал китобойной флотилией «Алеут», промышлявшей китов в Беринговом море. Мы сразу стали удирать в море. Тайфун достиг своего апогея. Свист и вой ветра слились в какую-то жуткую какофонию. Гигантские волны бросали наше судно как игрушку. Бедный «А. Серов» вертелся среди этой взбесившейся стихии, черпая бортами воду, а нос часто уходил полностью под воду. Ночью огромный вал ударил в правый ботдек и вдребезги разбил шлюпку № 1 и правое крыло капитанского мостика, но это были только цветочки. Самое страшное ждало нас впереди.

Наши оба радиста посменно несли вахту в радиорубке и поддерживали связь с «Малыгиным», который штурмовал недалеко от Карагинского острова. Радист с «Малыгина» сообщал, что судно с большим трудом борется со штормом. «Малыгин» по водоизмещению был меньше «А. Серова», и ему доставалось больше. На вторые сутки в два часа ночи радист поймал SOS с «Малыгина» и его

координаты. До утра радист не снимал наушников, вызывая «Малыгина», но тот молчал.

Гигантские волны, обрушиваясь на палубу, сделали свое дело. Наши бочки раскачало, они порвали найтовы и, освободившись от стальных пут, стали «гулять» по палубе. Когда судно укладывало на левый борт, бочки с правого борта бросало на него, и наоборот. Эти, почти полутонные емкости, со страшной силой ударяли в фальшборт, загибая его, а сами летели за борт. «А. Серов» был не первой молодости. Он сошел со стапелей в 1909 году. Борты были уже изрядно изъедены ржавчиной. Там, где палуба соединялась с фальшбортом, швы не выдерживали ударов и разошлись. Образовались трещины, через которые вода хлынула в трюмы. Через шпигаты вода из трюмов стала поступать в машинное отделение. Машинные льялы для стока грязной воды по бортам быстро стали заполняться водой. Включили льяльную донку, но она не успевала откачивать за борт поступающую воду. У нас в машине был аварийный центробежный насос. Бросились его запускать, но произошло непредвиденное: во время запуска в корпусе насоса завыло и заскрежетало. Пришлось остановить насос. Стали разбирать и выяснилось, что на крылатке полетело 30% лопаток. От долгого стояния без работы, а «А. Серов» два года стоял на приколе, часть лопаток проржавела, а часть во время запуска погнуло отломившимися лопатками. Пока мы разбирали и собирали центробежку, прошло около трех часов, а в машине уже был библейский потоп. Вода покрыла машинные плиты. Картер под главным двигателем был уже полный, и мотыли коленчатого вала разбрызгивали воду фонтаном по всей машине. Люди, мокрые с ног до головы, делали акробатические движения, хватаясь за что попало, чтобы удержаться на ногах. Теперь вся надежда была на центробежный насос. Ведь он был мощнее льяльной донки в пять-шесть раз. Наконец запустили центробежку, и через 15–20 минут вода в машинном отделении стала убывать. Все вздохнули с облегчением. За полтора-два часа воду из машинного отделения откачали, а поступающая вода из трюмов и льялы сразу же откачивалась за борт.

Жестокий тайфун трепал нас трое суток. За это время радисты поймали еще три сигнала SOS. Это погибли японские рыболовные траулеры.

Ночью на четвертые сутки стало стихать, а днем ветер совсем улегся, и только огромная мертвая зыбь напоминала о пронесшемся урагане <...>.

Наши штурманы, по координатам, которые успели дать «Малыгин», рассчитали по карте, что «Малыгин» погиб в двухстах милях от нас у Карагинского острова. Вся наша команда тяжело переживала гибель «Малыгина». Ведь всего неделю назад мы стояли на рейде рядом в бухте Провидения, ездили друг к другу в гости. Бедный капитан Бердников, он так стремился поскорее уехать в Архангельск к своей семье...

Вот она, судьба моряка! Недаром есть старая пословица: «Кто в море не бывал, тот Богу не маливался» <...>.

Изменив курс, «А. Серов» направился к Петропавловску. Злополучные бочки наделали нам полундры. Кроме покालеченных фальшбортов и трещин они превратили в груды искореженного металла четыре кормовые, гру-

зовые лебедки, так что «А. Серову» предстоял солидный ремонт. Ни одной бочки не осталось на палубе, все полетели за борт. Когда мы пришли в Петропавловск, весь город только и говорил о гибели «Малыгина». К месту гибели были посланы суда и летали самолеты, но ничего не нашли. Только на десятые сутки в Петропавловск пришло зверобойное судно «Дальневосточник», на нем привезли разбитую шлюпку и два спасательных круга, вот все, что осталось от «Малыгина». Жестокая морская стихия поглотила 144 человека команды и пассажиров.

«А. Серову» требовался ремонт, но небольшой судоремонтный завод в Петропавловске был загружен стоящими на ремонт судами. Тогда решили отправить его на ремонт во Владивосток. Нам «на живую нитку» заварили трещины, и, пополнив запасы воды и угля, мы вышли в рейс. Обогнув Курильские острова, через пролив Лаперуза, проходящий между южной оконечностью о. Сахалин и японским о. Хоккайдо, мы вышли в Японское море. Через двое суток мы входили в бухту Золотой Рог, окруженную сопками, на которых раскинулся Владивосток. В течение двух недель мы сдали судно новой команде. Получили полный расчет. Мы хорошо заработали за этот рейс. В то время судам, плававшим в Арктике, платили двойную зарплату. Кроме того, наркомат обороны премировал за проводку подводной лодки всю команду по тысяче рублей каждому, а машинной команде в количестве восемнадцати человек контора уплатила 25 тысяч рублей за постановку винта своими силами в бухте Провидения, т. к. это была заводская работа. В общем, мы уезжали в Ленинград с солидной суммой денег в кармане.

Прошло одиннадцать месяцев, как мы выехали из Ленинграда. Семейная часть команды мечтала о скорой встрече с родными, а молодежь предвкушала удовольствие от встречи со своими ленинградскими куртизанками. С железнодорожными билетами во Владивостоке было трудно. Ввиду того что мы выполняли особое задание наркомата обороны, военный комендант города распорядился, и нам откупили полностью купейный вагон.

25 декабря скорый поезд Владивосток – Москва мчал нас на запад. Новый год мы встречали в районе Байкала <...>. Шумно и весело было в нашем вагоне. Из раскрытых купе неслись песни, веселые голоса и звон гитары. Наш третий штурман был прекрасным гитаристом и не только аккомпанировал, но и исполнял классические вещи. И я исполнил песенку Герцога из «Риголетто», арию Ленского и романсы Глинки. У меня был неплохой тенор, и я с молодых лет увлекался классической музыкой. Никто не вспоминал о том, что этот затяжной рейс чуть было не стал для нас последним. Эти морские передраги были нашими буднями, и, оказавшись на берегу, моряки забывали об этом...

В Москве пересадка. Через девять часов мы должны были быть в Питере. Впереди нас ждали новые радости и новые испытания.

*Декабрь 1988 года
Одесса*

*Подготовка текста и публикация
Т.В. Акуловой-Конецкой*

Церковь Благовещения Божией Матери в Нелькане. Фото Виктории Малакшановой

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Три поколения казаков Кореневых

Елена СОЛНЦЕВА

В Хабаровске вышла книга Татьяны Гладких о жизни трех поколений амурских казаков Кореневых. Подробное документальное повествование охватывает больше столетия – от момента создания Амурского казачьего войска во второй половине XIX века и многих его славных дел и событий до страшного перелома в XX столетии, когда казачество вырубалось под корень, уходило в эмиграцию, встраивалось в чужие реалии. Все приметы времени отразились в судьбе большого казачьего рода, к которому принадлежит и сам автор.*

Именно это важное обстоятельство делает книгу достоверной. Помимо архивных и литературных источников, ее основу составляют семейные воспоминания, и они наполняют текст важными историческими и эмоциональными деталями. Татьяна Гладких считает, что «архивы дают лишь контур судьбы, а наполнить этот контур теплом человеческой души давно ушедших людей может лишь память тех, кому они дороги». Она пишет, что пример Кореневых опровергает грустную мысль о том, что человеческая память не может долго хранить историю своего рода.

Татьяна Иннокентьевна с благодарностью называет тех, кто помог ей в создании летописи о казаках Кореневых. Прежде всего, свою маму Нину Гавриловну Гладких (в девичестве Коренева) – правнучку основателя рода Тимофея Семеновича Коренева (1828 – ок. 1905). Многого из того, что вошло в книгу, Татьяна Иннокентьевна слышала от нее еще в детстве. И семейное предание о том, что свою богатырскую статью Кореневы (на Амуре их называли семьей богатырей) обрели в долгих походах – их род велся от донских казаков, которые дошли до Урала, мино-

вали Сибирь, обогнули Байкал и осели в привольной Даурии.

Или такое предание, рассказанное автору правнуком Тимофея Семеновича – Николаем Ерохиным, много лет занимавшимся архивными поисками: «Моя бабушка мне рассказывала (а это она слышала от своего отца) такую историю... Тимофей Федорович говорил, что когда они жили в Забайкалье, им очень помог граф Муравьев-Амурский. Я долго размышлял, чем же мог лично Кореневым помочь Муравьев, и пришел к выводу, что, скорее всего, в Забайкалье они были приписаны к горным заводам, жизнь их была тяжелой. А когда при участии Муравьева образовалось Забайкальское войско, и Кореневы вошли в него, то и жизнь изменилась. В этом и была помощь Муравьева».

Бесценными для книги оказались воспоминания других правнучек основателя казачьего рода – Зинаиды Тимофеевны Кореневой (она жила в подмосковном городе Верея и умерла в возрасте 92 лет), Людмилы Николаевны Кайгородовой из поселка Уркан, Веры Дмитриевны Зве-

ревой, написавшей для книги воспоминания о жизни Кореневых в эмиграции. Важным литературным источником стала книга «На родной реке», написанная внуком основателя рода Василием Симоновичем Кореневым. Он родился в Поярково, учился в Благовещенске, Москве, Оренбурге, а в 1920 году вместе с офицерами Амурского казачьего войска ушел в эмиграцию. Жизнь свою завершал в Калифорнии, где и создал повесть о детстве. Татьяна Гладких отмечает, что «автобиографическая проза Коренева – это биография его души, его внутреннего мира».

Талантливые строки Василия Коренева делают давно минувшее объемным, наполняет его запахами, звуками. Он описывает большую для станицы Поярково праздник, который повелся со времени заселения Амура – день памяти святых мучеников Кирика и Иулиты, и вдруг явно слышится звон церковных колоколов...

«Звонко, переливисто запели колокола. Стаи голубей взвились и кружились над синими куполами.

* Гладких Т.И. Амурские казаки Кореневы: Документальное повествование / Т.И. Гладких. – Хабаровск, 2017. – 160 с.: ил.

Все, кто был на берегу, обнажили головы. Издалека доносится пение: это уже крестный ход двинулся к лодкам. Фельдшер Макаров впереди всех с фонарем, за ним дядя Филипп с крестом; там хоругви блещут на солнце медной резьбой; по одной и по две пожилые казачки несут иконы. За ними большой образ, убранный полевыми цветами; его на белых полотенцах несут станичный атаман и уважаемый всеми в станице начальник водной дистанции, бывший флотский офицер и полярник Шанкрейц. Дальше – батюшка, за ним учитель с хором из наших ребят, девах да двух-трех казаков. Народ не блещет нарядами: казачки в темном, и лишь на девах пестреют кофточки, платочки и шарфики; день не тот, чтобы наряжаться, но под яркими лучами солнца – все торжественно и красиво...»

И все же принадлежность Татьяны Гладких к роду Кореневых делает ее задачу как автора книги невероятно трудной. Отключать эмоции там, где речь идет о невинно погубленных, о растоптанных семейных ценностях и потере важных родовых нитей, совсем непросто. Ей удастся сохранять бесстрастный стиль исторической хроники, но между строк читается боль. «На родном берегу Амура осталось лишь четверо внуков основателя династии: мой дед Гавриил Филиппович и его двоюродные братья Николай Симонович, Афанасий Тимофеевич, Тимофей Тимофеевич. Никто из них не уцелел, все четверо погибли в годы сталинских репрессий».

Книга «Амурские казаки Кореневы» имеет четкую структуру – основатель рода, его сыновья, внуки, потомки казачьего рода. Это похоже на родословное древо большой семьи, где по возможности зафиксированы все имена и значимые даты. И в то же время напоминает древо большой страны с подрубленными ветками и молодыми, полными сил побегами. «Наша кореневская родова была, конечно, в чем-то своеобразна (ведь по-своему уникален каждый род). И все-таки можно сказать, что у наших прадедов обычная судьба, – пишет в заключительном слове Татьяна Гладких. – Такие судьбы встречаются в России столь же часто, как старая

Тимофей Семенович и Дарья Федоровна Кореневы с детьми. 1870-е гг.

русская фамилия Кореневы. Были Кореневы «одними из ...» Одними из тех сибирских казаков, о ком принято говорить: за 60 лет прошли от Урала до Тихого океана. Одними из тех, кто первым пришел в Забайкалье, а потом одними из тех, кто первым заселял и осваивал самый дальний берег Отечества – Приамурье. И, конечно, одними из тех, кто в XX веке сполна разделил общую участь казачества».

А «корешки» от крепкого казачьего корня проросли в самых разных уголках нашей планеты. Автор книги констатирует, что сегодня в России и за рубежом живут почти 300 потомков амурских казаков Кореневых, растут седьмое, восьмое и девятое поколения. И, что особенно отрадно для кореневской родовой, после более чем столетнего перерыва возродилось в ней любимое фамильное

имя – Тимофей. В 2002 году в Хабаровске родился Тимофей Морозов – внук Татьяны Иннокентьевны Гладких и четырежды правнук основателя династии – Тимофея Семеновича Коренева. Жизнь продолжается.

Эта книга вышла в свет благодаря многим замечательным людям. Макет сделан Александром Николаевичем Посоховым – талантливым художником, оформившим немало книг о Дальневосточном регионе. Финансовую поддержку в ее издании оказали потомки амурских казаков Кореневых – Борис Иннокентьевич Гладких и Юрий Владимирович Комаровский.

«Наши деды и прадеды жили дружно. Вот так же и мы, их внуки и правнуки, дружно объединились, чтобы создать эту книгу в память о предках и на память потомкам».

Амурские казаки Кореневы*

Татьяна ГЛАДКИХ

Симон Тимофеевич

В старые времена, когда еще и улиц в Поярково толком не было, стояли в станице рядом два дома: Кореневых и Сенотрусовых. У Кореневых – большая семья, но в основном одни парни, и у Сенотрусовых большая семья, но одни девушки. Так и породнились между собой: Симон Коренев выбрал невесту из соседнего дома.

Симон Тимофеевич был родным братом моего прадеда Филиппа и вторым сыном основателя нашего рода. Родился он в 1857 году еще в Забайкалье, в селе Батакан. Его невеста тоже была из тех забайкальских казаков, что первыми заселяли Амур. Екатерина Евстафьевна родилась в 1853 году и пятилетним ребенком прибыла с родителями в Поярково (возможно, из Урульгинской слободы). Происходила она из старинного рода сибирских, забайкальских казаков Сенотрусовых, чьи предки известны еще со времен древнего Албазина.

Ее фотография точно передает типичную внешность забайкальской гуранки: темные волосы, широкие скулы, чуть узковатые глаза... А у самих Кореневых был чисто русский, даже северорусский, тип внешности: светлые или светло-русые волосы, прямой нос, большие серые глаза. Интересно, что кореневская порода взяла верх: дети Симона Тимофеевича и Екатерины Евстафьевны были больше похожи на отца. «Высокого роста, плотного сложения, блондин», – так позднее будет сказано в протоколах НКВД о приметах их сына – эмигранта Василия Коренева. Симон Коренев вырастил семерых детей: Илью, Николая, Константина, Василия, Евдокию, Марию и Антонину. Осталось у него и много потомков, живущих сейчас в России. Все они дорожат памятью деда-прадеда и хранят старые семейные предания о нем.

– Когда Симон отделился от своего отца, было у него десять лошадей, четыре коровы и сколько-то десятин земли, – вспоминает его внучка Людмила Николаевна Кайгородова, живущая ныне в Урконе. – Водяная мельница у реки Завитой принадлежала всем четверым сыновьям Тимофея Семеновича. А потом Симон подкопил денег, съездил в Нижний Новгород, купил паровую машину и в 1902 году построил в Поярково собственную паровую мельницу.

По натуре он был настоящий изобретатель, можно сказать, местный Кулибин. Любил технику, хорошо в ней разбирался и постоянно что-то внедрял на своей мель-

нице. Может, не всегда удачно, но много, поэтому его иногда называли фантазером. Выписывал множество технической, сельскохозяйственной литературы; из Москвы в Поярково приходили даже специальные журналы о мельницах, в которых Симон Тимофеевич черпал какие-то новшества, а потом применял на своей мельнице (сами журналы еще долго хранились у его потомков).

В то время (на 1915 год) в Амурском казачьем войске было 164 мельницы, в том числе 107 конных, 50 водяных и всего 7 паровых. Две из тех паровых мельниц, в Райчихе и в Поярково, принадлежали Кореневым: мололи на них муку самого лучшего качества – крупчатку, или вальцовку, как называли ее.

Свою паровую вальцовую мельницу Симон Коренев превратил в крупное и отлично оснащенное предприятие. Здесь была небольшая верфь, где строили лодки, барки и баржи; были кузница, столярная мастерская, амбар для хранения зерна, конюшня, дом для приезжих и другие службы. Кроме мельников, весовщиков, работали плотники, столяры, кузнецы. На мельнице Симона Тимофеевича мололи зерно свои станичники, крестьяне окрестных сел и даже соседи-китайцы с правого берега Амура. Приходили они на огромных парусных бусах, привозили сразу по три тысячи пудов зерна.

На этой мельнице прошло детство будущего казачьего офицера и писателя Василия Симоновича Коренева. Ее описание он тоже оставил в своей книге «На родной реке», написанной им уже на закате дней в эмиграции. Начинается оно с того, что на мельницу его отца вновь прибыла какая-то техника и даже локомобиль – передвижной паровой двигатель, похожий на уменьшенную копию паровоза.

«На мельнице на высоком берегу Амура, у самого съезда, что был выкопан для выкатки с барж прибывшего большого и тяжелого локомобиля и тяжелых ящиков с какими-то машинами, сейчас у нас что-то вроде верфи. Там идет оживленная работа: пильщики на высоких козлах-«кобылинах» распилывают бревна на душистые бревна и складывают их в красивые треугольники для сушки. Здесь китаец, специалист-лодочник, и наш постоянный плотник Ермоленко строят большую барку-шаланду для перевозки дров. Дальше, в рощице молодых берез, кузница, откуда доносятся удары молота и звон наковальни.

Я люблю быть около мастеровых. Люблю смотреть на их спорную работу. Смотреть, как красиво вьется из-под

* Главы из книги «Амурские казаки Кореневы». Хабаровск, 2017.

Симон Тимофеевич и Екатерина Евстафьевна Кореньевы с детьми Марией, Ильей, Николаем, Константином. Благовещенск, 1890-е гг.

Симон Тимофеевич Кореньев

Екатерина Евстафьевна Кореньева (Сенотурсова)

Екатерина Евстафьевна Кореньева с сыном Василием и дочерью Евдокией. 1900-е гг.

Антонина Симоновна Кореньева – гимназистка Алексеевской гимназии. Благовещенск, 1910 г.

Потомки Симона Тимофеевича Кореньева у его дома в Поярково. 2015

рубанка душистая стружка, как Ермоленко, что-то обду-мав, мерит складным деревянным аршином, отмечает на доске своим бруском... Кузнец «Флотилия» ровно и спокойно качает коромысло большого стонущего меха... О столяре Михайле Литовченко и говорить нечего: около него можно просидеть целый день. Вот он сделал скрипку Василию Гурову, и, когда высохнет клей, так ее отполирует, что твое зеркало» (В. Коренев. «На родной реке»).

У Симона Тимофеевича было два главных дела в жизни, в которые он вкладывал всю душу и средства: первое – мельница, второе – образование детей. Сохранилось интересное письмо одной из его внучек, где она так вспоминала своего деда: «Наш дед был большой фантазер, любил всем сам заниматься, даже сам лечил своих лошадей и коров. У него была мельница и лавка в Поярково. Мельницу он тоже сам механизировал, а лавкой почти не занимался, потому она была ему в убыток. Всегда помогал всей родне. Деду все время приходилось перезакладывать свой дом и другое имущество, чтобы погасить долги. Моя мама (Антонина Симоновна) это хорошо знала, так как ей приходилось вести дедовы дела. Но Симон очень хотел, чтобы все его дети получили высшее образование, и ничего для этого не жалел. Правда, полное высшее образование получили только его сыновья Илья, Константин и Николай, а моя мама Антонина Симоновна и дядя Василий не успели: началась война 1914 года».

Старый родительский или еще дедовский дом – всегда самая долгая и теплая память. Осталась она и у потомков Симона, который построил в станице просторный добротный дом: с высоким крыльцом, резными карнизами, ставнями... Дом стоял над рекой, недалеко от станичной церкви.

– В этом доме я прожила пять первых лет своей жизни. Было это в 1920-е годы, – вспоминает внучка Симона Людмила Николаевна Кайгородова. – Сейчас мне 90 лет, а я помню: дом стоял на высоком берегу Амура, и мы с братишкой спускались по косогору к реке пускать кораблики.

Симон Тимофеевич все делал основательно, дом тоже построил прочно, потому и сохранился он до сих пор, так и стоит в Поярково – в нем сейчас магазин. Был у него свой дом и в Благовещенске; по воспоминаниям потомков, в советское время там тоже был магазин.

В 1920-е годы большой пояровский дом Симона Коренева опустел. Три его сына ушли в эмиграцию, а дочери давно вышли замуж и разъехались. В Поярково вместе с отцом оставался лишь сын Николай.

– Моя бабушка Антонина Симоновна в это время жила на Кавказе, в городе Грозном, – рассказывает Валентина Головнева (правнучка Симона). – Она была по профессии медиком. Когда ее отец тяжело заболел, Антонину Симоновну вызвали к нему в Поярково. У него была сердечная недостаточность, бабушка мне рассказывала, что делала ему какие-то сложные для того времени медицинские процедуры. От болезни сердца он и умер в 1924 году.

После смерти мужа Екатерина Евстафьевна уехала к дочери Антонине в Грозный. Она прожила долгую жизнь – 87 лет и умерла в 1940 году.

Потомки Симона Тимофеевича сохранили очень большой архив семейных фотографий Кореневых. Рас-

сматривать их можно бесконечно – все равно, что читать великую повесть жизни в лицах. Многие фотографии явно любительские. Наверно, в доме был свой фотоаппарат, и кто-то из сыновей Симона (если только не он сам) увлекался фотоделом, а в то время это было довольно редкое и недешевое увлечение.

Эти простые любительские снимки особенно интересны и трогательны. В них повседневная жизнь большой казацкой семьи: вот в летний солнечный день кто-то стирает у дома (корыто еще деревянное)... молодежь в тарантасе (на обороте надпись: «В этом тарантасе мы ездили на заимку или на мельницу»)... маленький Вася (будущий писатель) сидит рядом с матерью, о чем-то крепко задумавшись... Десятки портретов из далекого прошлого, и за каждым лицом – своя жизнь и судьба.

Илья Симонович

29 июля 1883 года в семье Симона Тимофеевича родился старший сын – Илья. Сначала он учился в Пояровской станичной школе, затем в Благовещенской гимназии, где проявил блестящие способности ко всем наукам. В мае 1903 года Илья отлично сдал выпускные экзамены и вскоре получил аттестат об окончании гимназии, где также едва не все отличные оценки. В его аттестате зрелости отмечено: «Любознательность особенная к русскому языку». Но выбрал Илья профессию инженера и поступил в Томский технологический институт. Наверно, любовь к технике, инженерному делу передалась ему от отца.

В то время Томский технологический институт императора Николая II был единственным техническим вузом от Урала до Тихого океана. Он основан в 1896 году – в год коронации Николая II, потому и носил его имя. Главной задачей института была подготовка для Сибири своих технических специалистов. В его создании участвовали многие крупные ученые того времени (в том числе Д.И. Менделеев), и с первых дней открытия института здесь работал очень сильный состав профессоров. В институте было четыре факультета: механический, химический, строительный и горный. Илья Коренев поступил на горный.

У потомков Симона Тимофеевича сохранилось несколько фотографий Ильи, сделанных в его студенческую пору. На обороте одной из них осталась трогательная надпись Антонины Симоновны – сестры Ильи. «Мой дорогой руководитель во всем хорошем», – писала она о брате. По воспоминаниям родных, Илья был одаренным, талантливым и на редкость целеустремленным.

Свою семью он завел еще в институтские годы. Его жена Нина Александровна (она родилась в 1887 году в Томске) тоже была студенткой: училась на медицинском факультете Томского университета и одновременно работала учительницей в городском училище. Это была чисто студенческая семья, где родители и учились, и работали, и растили детей: в 1908 году у них родился сын Владимир, а в 1913-м – Николай.

В том же 1913 году Илья окончил институт. Как горный инженер он всегда специализировался на разработке угольных месторождений. Всю свою жизнь до эмиграции Илья провел в Приморье. В 1910-е годы добыча угля здесь развивалась особенно бурно, и инженер Ко-

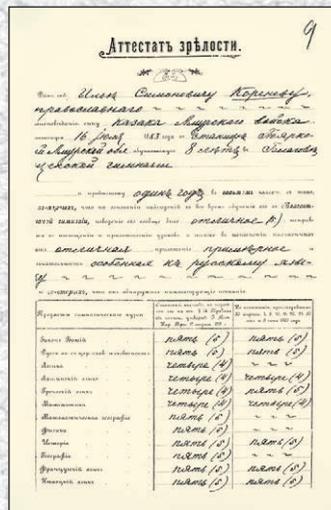
Илья Симонович Коренев – студент Томского технологического института. Томск, 1910

Илья Симонович Коренев. Харбин, 1957

Нина Александровна Коренева. Харбин, 1950-е гг.

Копии аттестата зрелости и диплома Ильи Симоновича Коренева

Владимир Коренев – сын Ильи Симоновича. Томск, 1910

Николай Ильич Коренев. Харбин, 1940-е гг.

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

ренев (а он был одним из немногих специалистов с высшим техническим образованием) внес немалый вклад в разработку и добычу приморского черного золота. Работал он в знаменитой фирме «Скидельский и сыновья», основанной крупным промышленным магнатом Приморья Л.С. Скидельским. Фирме этой принадлежали многие промышленные предприятия Приморья, в том числе угольные копи (шахты).

С 1913 по 1914 год Илья Симонович служил управляющим Липовецкими копиями, а с 1914 по 1922 год – управляющим Зыбунными рудниками, принадлежащими тем же Скидельским. Угольные копи на речке Зыбунной (сейчас это город Артем) начали разрабатываться в 1913 году и вскоре стали не только одними из крупнейших в Приморье, но и самыми механизированными. Немалую роль в их техническом оснащении сыграл, наверно, и горный инженер Коренев. Здесь же служила его жена, окончившая университет в 1914 году. До 1915 года Нина Александровна работала на Зыбунных копиях детским врачом, затем заведующей больницей.

В анкете Ильи Симоновича (БРЭМ) значит, что с 14 апреля 1922 года по 13 октября того же года он был доверенным фирмы Скидельских во Владивостоке. Город уже готовился к эвакуации. Вскоре на одном из судов флотилии контр-адмирала Старка семья Ильи Коренева покинула Владивосток.

Его опыт, обширные знания в горном деле оказались нужны на чужбине. Сыновья Л. Скидельского тоже эмигрировали в Маньчжурию, и Илья Симонович, живя в Харбине, был по-прежнему доверенным их фирмы. За два года (1922–1924) Скидельские провели разведку и начали разработку Мулинского месторождения угля, основав крупное Мулинское углепромышленное товарищество (МУТ). Дальше жизнь и работа Ильи Симоновича была связана с Мулинскими копиями, куда он и переехал с семьей. С февраля 1924 года по февраль 1925 года он был главным инженером Мулинского товарищества, затем инженером при правлении МУТ, а с 1926 по 1933 год управляющим Мулинскими копиями. Ежегодно здесь добывалось по несколько сотен тонн угля.

Мулинские копи были по-своему замечательным местом. Их владельцы не жалели средств на то, чтобы благоустроить, улучшить жизнь работников (а большинство из них были эмигрантами из России). Здесь открыли гимназию, больницу, построили церковь во имя иконы Богоматери «Нечаянная радость». На копиях сложилась большая русская община, сохранявшая старый дореволюционный уклад жизни: вместе встречали Рождество, Святки, Масленицу, Пасху. Прекрасная природа, рыбалка, охота... – все это напоминало родные уголки России.

Илья проработал здесь десять лет, в 1933 году вернулся в Харбин и стал служить инспектором при главной конторе МУТ. С 1938 года он вошел в члены правления Мулинского углепромышленного товарищества и дальше служил инженером-консультантом при главной конторе МУТ в Харбине. Все эти годы он был членом Союза российских инженеров в Маньчжурии. Его жена Нина Александровна и здесь работала детским врачом: принимала больных в больнице памяти доктора Казем-Бека, занималась частной практикой, состояла в Харбинском обществе врачей.

Семья жила в большом собственном доме («дом-особняк», как сказано в анкете сына Ильи Коренева), а в Корее у них была своя дача. Жили обеспеченно, выучили сыновей, дождались внуков.

Оба сына Ильи Симоновича пошли по его стопам, тоже стали инженерами. Старший сын Владимир в 1937 году окончил Харбинский политехнический институт, работал в радиотехнической мастерской в Шанхае, затем вернулся в Харбин и служил в том же Мулинском углепромышленном товариществе. В личном деле Владимира Ильича Коренева (БРЭМ) сохранился о нем такой отзыв: «Человек исключительно порядочный, честный, исполнительный и трудолюбивый. В высшей степени вежливый, корректный и воспитанный». Женат он был на Татьяне Федоровне (в девичестве – Кореневской), в 1942 году у них родился сын – первый внук Ильи Симоновича.

Младший сын Николай Ильич тоже учился в Харбинском политехническом институте, а в 1936 году уехал в Австралию. Здесь он продолжил образование в Сиднейском университете, который и окончил в 1941 году. Николай вернулся к родителям, но в конце 1950-х годов сам Илья Симонович – со всей семьей, обоими сыновьями – переехал из Харбина в Австралию. Здесь он служил заведующим угольными копиями на станции Милев.

В это время на родине еще жива была его сестра Антонина Симоновна. Ее внучка Валентина Федоровна Головнева (мне она приходится четвероюродной сестрой) сейчас живет в Хабаровске. Мы с ней встречались, долго рассматривали семейные альбомы, где сохранились и две фотографии Ильи Коренева – уже в пору его жизни в Австралии. На одной он снят в саду своего дома с внуком Сережей. На обороте фотографии рукой Антонины Симоновны написано: «Дедушка и внучек в день рождения «ежика». Никогда не прерывалась нить памяти, которая связывала ее с братьями и с их общей юностью на Амуре.

– Бабушка не говорила об этом, но, видно, иногда ей как-то удавалось получать вести от брата из Австралии, – рассказывает Валентина Федоровна. – Она очень скучала по братьям, часто их вспоминала и всю жизнь горевала: «Где они теперь, живы ли?»

Умер Илья Симонович в Австралии в 1967 году. Это был крупный инженер, талантливый специалист, отдавший полвека своих трудов угольной отрасли России, Китая и Австралии. И сколько таких замечательных русских специалистов было рассеяно тогда по всему миру...

Его жена Нина Александровна прожила 90 лет и похоронена рядом с мужем на кладбище Сиднея в 1977 году. Наверно, самое дорогое, что остается от человека, – добрая память о нем. Совсем недавно, уже после выхода книги «Амурские казаки Кореневы» я получила из Австралии небольшую, но очень трогательную весть. Пришла она от Тамары Николаевны Малеевской, которая родилась в Харбине в семье русских эмигрантов, в 1950 году. Талантливый поэт и писатель, сейчас она живет в Брисбене, издает литературный журнал «Жемчужина» на русском языке, и мы с ней немного знакомы заочно.

«Фамилию Кореневых я слышала от родных, – пишет мне Тамара Николаевна. – Как рассказывала мама, когда мне было два месяца от роду, я едва не ушла в иной мир, и доктор Коренева тогда спасла и выходила меня, под-

держала мою жизнь». Читая эти строки, я думала, конечно, о том, как удивительно сплетаются порой людские судьбы и как долго живет благодарная память.

Николай Симонович

«Из моих близких родственников находится в ссылке брат Коренев Николай Симонович, который проживает на прииске Уркан; тоже выслан как кулак-эксплуататор из пределов Амурской области в Желтулакский район совместно со мной». Это строки из протокола допроса моего деда Гавриила Филипповича Коренева. В судьбах деда и его двоюродного брата Николая многое трагически совпало: одно место ссылки, одна тюрьма и один приговор...

Николай Симонович родился 30 ноября 1885 года. Окончив Благовещенскую гимназию, он поступил на юридический факультет Томского университета. В 1914 году Николай получил диплом с отличием, вернулся в Благовещенск и стал работать в Амурском окружном суде помощником судьи. Председателем суда служил Александр Герасимович Никольский, с семьей которого Николай познакомился, а потом и породнился.

Это была очень интересная семья, соединявшая древние французские и польские корни. Сам Никольский из поляков, крупный юрист, прослужил много лет в Забайкалье и Приамурье. Его жена Зинаида Иосифовна из старинного французского рода: ее предком был известный французский биолог XVII века Жозеф Питтон де Турнефор. А отец Иосиф Вишневецкий де Турнефор окончил Парижскую академию, жил в России, был талантливым педагогом: преподавал французский и немецкий языки в гимназиях Москвы, Томска, Читы, а потом в Благовещенской мужской гимназии.

В большом гостеприимном доме Никольских было много молодежи: сын, три дочери, к ним приходили друзья и подруги. Здесь Николай Симонович познакомился со своей будущей женой – дочерью Никольского, вчерашней гимназисткой Анной. В 1916 году они обвенчались, дали друг другу клятву верности: быть вместе в радости и горе, в богатстве и бедности... Вместе они прожили 22 года, и на эти годы пришлось столько горя, что хватило бы на полный век.

В том же 1916 году Николай Симонович с молодой женой вернулся в Полярково. Время наступало тревожное, он решил жить в родной станице, вместе с отцом Симоном Тимофеевичем заниматься сельским хозяйством. В его семье росли сын Николай и дочь Людмила.

Людмиле Николаевне Кайгородовой (Кореневой) 90 лет. Живет она в том же северном поселке Уркан, куда в раннем детстве пятилетним ребенком попала в ссылку с родителями. Память у нее удивительная: в воспоминаниях Людмилы Николаевны прошлое оживает, наполняется вроде незначительными, но дорогими, теплыми деталями.

«Когда в 1929 году нашу семью раскулачили, папа стал работать служащим в Завитинском зерносовхозе, – вспоминает она. – Вскоре из Полярково выслали на север, как спецпереселенцев, папиного двоюродного брата Гавриила Филипповича и других казаков с семьями. Как-то директор совхоза сказал папе: «Уезжайте, Николай, из Полярково, на вас тоже могут быть гонения». А у папы была силь-

ная близорукость, он никогда не служил, не воевал, вот и подумал, что его поэтому не тронут. Но в сельсовете решили, что нашу семью надо выселить.

Нагрязнули неожиданно... Это было в марте 1931 года. Я в тот день с утра пошла к подруге, играли в прятки, и я так спряталась, что меня долго не могли найти, а между тем семью нашу уже погрузили на подводы...

Помню, папа постелил в подводе свою медвежью шубу, укутал ею нас с мамой, и мы поехали. Вместе с нами отправились в ссылку еще две семьи из Полярково: Плацковских и Кайдаловых. Потом все мы ехали в теплушке до станции Большой Невер, там нас пересадили на бортовую машину и привезли в Соловьевск. Поместили в клубе, где уже жили четыре семьи. Поставили там железную печку и топили ее день и ночь.

Папа начал работать на Соловьевском прииске счетоводом, но скоро его перевели бухгалтером на Урканский прииск, и мы переехали в Уркан. Здесь нас поселили в тесный барак с общей кухней и коридором, он до сих пор так и стоит в поселке.

Одежды у нас почти не оказалось: в чем были, в том и поехали в ссылку. А мама взяла с собой коробку со своими городскими девичьими нарядами: шелковыми, кисейными платьями, дамскими перчатками, шляпками... все это, конечно, здесь не пригодилось: куда такое наденешь? Долго лежали-лежали ее наряды, да так и сгнили. Шубы, в которых мы приехали, сразу забрали на дезинфекцию (в вошебойку, как тогда говорили) и так пропарили-прокипятили, что они распозлились, пришли в негодность. Так мы остались и без теплой одежды.

Жили впроголодь, помню, покупали где-то турнепс, варили из него что-то. А когда мой братишка Коля пошел в школу, там детям давали по кусочку хлеба, и он этот хлеб всегда приносил, отдавал мне.

Где-то стоял маленький пустующий домик, и нам решили в нем поселиться. Папа сам сколотил из досок стол, табуретки, кровать: мы с мамой спали на кровати, а папа с братом на полу. Потом папа с братом прямо на песке разработали огород: нанесли туда земли, удобрили, посадили картофель. Теперь мы уже были со своей картошкой – стало немного полегче.

Семья Гавриила Филипповича Коренева жила совсем рядом, в небольшом поселке Урал, куда селили только спецпереселенцев. Наши семьи роднились, друг за друга держались. Поселок Урал сейчас заброшен, но я хорошо помню его. Стоял он рядом с Урканом, всего 4–5 километров пути через лес, и мы с мамой часто ходили в гости к родне. Хорошо помню Гавриила Филипповича: он очень любил читать, и у него было много книг. Помню, даже переписал мне стихи Пушкина «Буря мглою небо кроет...», я их потом наизусть выучила».

На листке со стихами дед написал: «Моей племяннице Люде». И это по-семейному трогательное воспоминание из ссыльного детства осталось у нее на всю жизнь. Еще до разговора с Людмилой Николаевной я встретила в Хабаровске с ее дочерью (и моей четверюродной сестрой) Лидией, которая мне сразу сказала: «А мама до сих пор помнит, как она в детстве учила с вашим дедом пушкинские стихи». Наверно, это и называют памятью сердца.

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

«Папа работал бухгалтером, а мы – мама, Коля и я – были приписаны к колхозу «Авангард», – вспоминает Людмила Николаевна. – Семья Гавриила Филипповича, как и все, жившие в Урале, была приписана к колхозу «Новый путь». На Ургале и в поселке Урал огородов до этого никогда не было. Спецпереселенцам пришлось корчевать пни и пахать нетронутую землю, как когда-то нашим предкам, первым поселенцам Поярково, только там для себя, а здесь для колхоза. Работали в колхозе женщины и дети, мужчины трудились на прииске. Постепенно в округе появились большие поля, где растили картофель, турнепс, редьку... За работу ставили трудодни, затем в конце года отоваривали.

На прииске папа был на хорошем счету, стал больше получать зарплату, мы уже думали купить собственный домик... Но в 1938 году его неожиданно арестовали. Мне тогда было 12 лет, а с 12 лет все дети уже работали в колхозе. Это было в мае: я отработала в колхозе, пошла домой, подхожу к нашему дому и вдруг слышу – мама плачет. Открываю дверь, а там комендант с понатыми делают обыск. У брата Николая было ружье, он с ним охотился на рябчиков – забрали это ружье и компас. А у мамы было много старинных фотографий ее родителей, родственников по линии Никольских и Вишневских де Турнефор – их все тоже забрали. Папу повели из дома, мама со слезами кинулась вслед за ним, я тоже в голос плачу – все это до сих пор так и стоит в глазах.

Арестовали тогда на прииске многих – в основном таких же спецпереселенцев, в том числе Гавриила Филипповича. Всех арестованных увезли в Тынду. Спустя какое-то время мама отправила моего брата Колю в Тынду с передачей для папы. Брат поехал туда вместе со своим другом, отца которого тоже арестовали. Тында от Ургала далеко, туда и сейчас на машине надо ехать часа три, а они поехали на велосипедах. Им разрешили встретиться со своими отцами, поговорить и отдать передачи.

После этого Коля с другом на своих велосипедах поехали обратно в Ургал, и по дороге их догнала машина из Тынды. В открытом кузове машины сидели под конвоем все арестованные, в том числе папа и Гавриил Филиппович. Всех их куда-то перевозили...»

Может быть, тогда и везли их уже на расстрел. Николай Симонович успел сбросить сыну с машины записку для жены, которую заранее написал. Эта записка до сих пор хранится у Людмилы Николаевны. Прошло почти 80 лет, пожелтела бумага, стерлись буквы, и все же сквозь пелену времени можно прочесть те последние слова, которые написал Николай Симонович родным накануне расстрела: «Нюта, посылку и деньги 10 руб. получил. Деньги у меня есть, больше не посылай. Здоров. Всех вас целую. Николай Коренев».

Николай Симонович так же, как все арестованные на прииске, обвинялся по нескольким статьям: 58-1 ч. «а», 58-7, 58-10, 58-11 УК РСФСР. 4 июня 1938 года постановлением особой «тройки» УНКВД по Читинской области он был приговорен как «участник контрреволюционной повстанческой вредительской кулацкой организации» к расстрелу и в тот же день расстрелян. Вместе с ним был расстрелян его брат, а мой дед Гавриил.

Остатки большого казачьего рода Кореневых, Гавриил Филиппович и Николай Симонович вместе прошли свой трагический путь и легли рядом в одну могилу. Так в нашу семейную летопись самыми горькими строками легли записи из «Книги памяти жертв политических репрессий в Амурской области»:

«Коренев Гавриил Филиппович, русский, родился в 1879 году в с. Поярково. Работал счетоводом в п. Урил (правильно – Урал. – Т.Г.) Тындинского района. Осужден тройкой УНКВД по Читинской области, 4 июня 1938 г. Расстрелян».

«Корнев Николай Семенович (правильно – Коренев Николай Симонович. – Т.Г.), русский, родился в 1885 г. в с. Поярково. Работал бухгалтером на прииске «Уркан» в Тындинском районе. Осужден тройкой УНКВД по Читинской области, 4 июня 1938 г. Расстрелян».

«Родным ничего не сообщали, – вспоминает Людмила Николаевна. – И мама, и папина сестра Антонина Симоновна везде писали запросы, разыскивали его, но ответа или не было, или приходили какие-то отписки. Долго мы надеялись, что папа жив, а он давно уже был расстрелян.

Без него нам пришлось совсем тяжело... Наша мама Анна Александровна была дочерью судьи, выросла в богатой городской семье, где все делала прислуга. К работе она была непривычна, а здесь, в ссылке, ей пришлось заниматься самым тяжелым трудом. В колхозе мама корчевала пни, работала без отдыха и заработала грыжу, потом болела всю жизнь. Мы с ней нанимались людям белить потолки, окучивать картошку, чтобы хоть чем-то жить. Это было еще в моем детстве.

После ареста и расстрела папы из домика нас выселили, жили где придется. Только когда я уже выросла и стала работать, мы с мамой подкопили денег и сумели купить наконец свой небольшой домик. Уже в войну мама устроилась работать почтальоном, разносила людям солдатские письма, а то и похоронки. Так она потом и проработала всю жизнь почтальоном».

Умерла Анна Александровна в 1974 году. В тот год, когда в стране было объявлено о всесоюзной молодежной стройке – Байкало-Амурской магистрали, и столицей БАМа стала та самая Тында, где когда-то сидели братья Кореневы и откуда их увезли на расстрел. Помню, моя мама всегда удивлялась, когда слышала слово «бамовцы». «А в наше время, когда мы жили там, на приисках, – говорила она, – бамовцами называли заключенных». БАМлаг был одним из самых крупных лагерей того времени.

На этой северной земле много печальных мест. Одно из них – в тридцати километрах от Соловьевска, у небольшой речки Бушуйки. Еще в 1929 году там создали лагерь, куда со всей страны свозили тысячи раскулаченных: это было место человеческих трагедий, огромного людского горя. Позднее лагерь «Бушувский» вошел в систему НКВД.

Там ли были расстреляны братья Кореневы или где-то «в сопках», теперь уже этого не узнать. Но в 2011 году жители Соловьевска на месте прежнего лагеря поставили Поклонный крест – в память обо всех, кто так же, как братья Кореневы, неизвестно за что пострадал и неизвестно где похоронен.

Николай Симонович Коренев – студент
Томского императорского университета.
Томск, 1910-е гг.

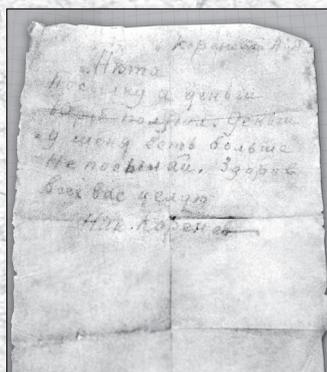
Группа молодежи с. Поярково. Во втором ряду первый слева – Николай
Симонович Коренев с сыном Николаем. Поярково, 1927 г.

Барак для спецпереселенцев в Уркани, где
жила семья Н.С. Коренева, сохранился до
наших дней. Возле барака стоят жена и
дочь Николая Симоновича

Анна Александровна Коренева (Никольская)

Записка Николая Симоновича
Коренева жене. 1938

Поклонный крест на месте бывшего лагеря
НКВД «Бушувский»

Современный Нелькан. Церковь Благовещения Божией Матери

Нельканские ключи к Охотоморью

Татьяна ФОНОВА

На севере Хабаровского края есть присказка: «Я объехал много стран – Охотск, Аян и Чумикан». Это не случайно, потому что площадь самых отдаленных райцентров нашего региона больше иных европейских стран. А еще они приметны своей историей: в 2017-м 370 лет исполнилось Охотску, а через год село Нелькан Аяно-Майского района отметит 200-летие.

Многие годы имя поселка ассоциировали с красивой эвенкийской легендой о девушке Нельке, жившей на берегу красавицы-реки Май. В действительности же его название традиционно привязано к местности, и у него эвенкийские корни. «Нель» на эвенкийском языке – стрелка, место слияния двух рек. Так и есть: Нелькан расположен там, где река Чуя впадает в реку Маю. «Кан» обозначает «тот, кто здесь живет».

Только в двухтысячных годах стала известна точная дата основания Нелькана, и произошло это благодаря Ольге Всеволодовне Сысоевой, сотруднице краеведческого музея имени Гродекова. В 1980-х годах она работала в Государственном архиве Республики Саха (Якутия) и обнаружила документы Якутского воеводства. Нелькан Ольге Всеволодовне был хорошо знаком, ведь ее отец Всеволод Петрович Сысоев, известный писатель-краевед, охотовед, будучи директором краеведческого музея, в конце 1960-х годов приезжал сюда за бивнями мамонта, которые нашли в майской земле.

Важно подчеркнуть, что речь идет об официальной дате рождения Нелькана, закрепленной «государственными людьми» на бумаге. Основание таких населенных пунктов, как правило, происходило не на пустом месте: здесь издавна жили коренные жители – эвенки, которые занимались оленеводством, охотились, рыбачили. Вот как их характеризовал известный российский ученый А.Ф. Миддендорф в отчете о своем путешествии на север и восток Сибири в 1846 году: «Это горный народ. Они исполнены приличия, ловки, предприимчивы до отваги, живы, откровенны, самолюбивы, охотники наряжаться, а вместе с тем закалены физически».

Наверное, и не было бы поселка Нелькан, если бы не произошло несчастье. В 1816 году в Якутии случилась страшная эпидемия сибирской язвы. Якуты лишились почти всех лошадей, сорвался подвоз продовольствия в отдаленные районы, среди кочующих тунгусов начался массовый голод. Тогда и приняли государственное решение открыть повсеместно на северо-востоке хлебозапас-

ные магазины, чтобы поддержать местное население. По распоряжению Якутского областного управления в 1818 году для организации такого магазина к местам проведения ярмарок тунгусов направились служивые казаки Прокопий Новгородов и Григорий Ципандин. Смотрителю нельканского магазина было дано письменное распоряжение: «Желая оказать пособие потерпевшим разорение тунгусам, предписываю отправить тем тунгусам, кои по ближайшему удостоверению твоему и Родового управления более прочих терпят от разорения голодовку, на пропитание из Нельканских магазинов 50 пудов провианта по казенной цене, разделяя из онаго каждому такое количество, какое будет приходиться и не иначе, как под круговое их и Родового управления поручительство, а деньги за оной взыскать с них в будущем году».

Казаки были людьми православными, и как раз в святой день праздника Всемиловитому Спасу и Пресвятой Богородице положили начало доброму и важному делу: 1 августа 1818 года сделана первая запись об открытии хлебозапасного магазина в урочище Нелькан. С годами менялись смотрители магазина, пополнялся ассортимент, охотников-эвенков снабжали еще и порохом, свинцом, солью. К тому же в Нелькане открыли свою соляную стойку. Суть магазина не менялась вплоть до 1848 года, потом он перешел в ведение Российско-Американской компании и принадлежал ей до 1867 года, пока она не прекратила свою деятельность.

Известные люди тоже побывали в Нелькане. В 1849 году Аянским трактом прошел генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, тогда еще без титула «Амурский». В 1854 году он вновь проезжал через Нелькан в сторону Иркутска после первого Амурского сплава. Не раз сюда наведывались Г.И. Невельской, В.С. Завойко, знаменитый подвижник архиепископ Камчатский и Алеутский Иннокентий. Кстати, дочь архиепископа Екатерина пела в церковном хоре Нельканской церкви, сын Гавриил был настоятелем храма Благовещения Божией Матери.

В 1851 году Аянский тракт стал казенным почтовым, а Нелькан – одной из его станций. Так поселок приобрел государственный статус, здесь началось формирование притрактового служивого населения. Первыми переселенцами стали крестьяне-старообрядцы из Забайкалья, в основном скопцы. Большая их часть расселилась в Усть-Мае, а в Нелькане перебрались крестьяне Бушковы, Березовские, Протодряконовы, Сукневы – люди, искавшие свободу и землю. В 1852 году начался сбор средств на возведение православной часовни, и продолжалось это десять лет – с 1852-го по 1862-й. Строительство уложилось в один год, и в 1864-м ее освятил сам архиепископ Камчатский и Алеутский Иннокентий.

Среди имен в подписных листах прихода встречаются как широко известные, так и незнакомые нынешнему поколению: голова Эжанского рода Александр Карамзин, начальник Аянского порта Кашеваров, казак Иннокентий Решетников, Егор Новгородов, сын Прокопия Новгородова, того самого казака, который вместе с Григорием Ципандиным в 1818 году организовал запасный магазин.

Долгие годы на всем Аянском тракте имелись только две церкви – в Аяне и Нелькане. Когда часовня в Нелькане сгорела, на пожертвования местных прихожан постро-

Встреча гостей праздника «День села» в Нелькане

Любовь Федоровна Умрихина – народный мастер, лауреат краевого конкурса «Ремесла земли Дерсу», гордость села Нелькан.

Фото Евгения Балашова

или уже церковь, но и ее поглотил огонь. Храм, который сегодня красуется в центре Нелькана, возвели в 1914 году. В те годы он был не только духовным центром, но и социальным. Церковь Благовещения Божией Матери является «сестрой» столичного храма Христа Спасителя, потому что сделана по проекту того же архитектора – Константина Андреевича Тона. Он еще студентом подрабатывал составлением типовых проектов церквей для провинциальных епархий, и Якутская епархия выбрала для Нельканской церкви именно его разработку, лишь немного ее изменив с поправкой на сильные морозы. На закладном камне написано: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа основана сия церковь в честь и память Благовещенья Пресвятой Богородицы при державе благочестивейшего и самодержавнейшего господина нашего императора Николая II в святительство Мелетия, епископа Якутского и Вилюйского в лето от Рождества по плоти Бога Слова 1914 августа 26 дня. Аминь». Храм освятили в сентябре 1915 года. В приходно-расходной книге церкви отмечено, что строительство осуществлено на средства добрыхотных жертвователей и обошлось в 10 880 руб. 30 коп».

Самое непростое время в истории Нелькана – годы на стыке веков и первых десятилетий XX века. После упразднения Российско-Американской компании в Нелькане осталось семь дворов, в которых проживало всего 18 человек. Жизнь закипела с началом «чайного пути», когда из Китая в Якутск, а оттуда в Иркутск доставлялся китайский чай, и население значительно выросло. Из Русской Америки и Японии морем в Аян доставляли плиточный и байховый чай. В год перевозилось до 100 тысяч ящиков, за что тракт и прозвали чайным. К началу навигации в Нелькане собиралось до 200 якутов-рабочих. Подключались к чайному делу зимой и каюры-эвенки.

Вот как писал о Нелькане 1903 года ссыльный инженер Попов, изучавший наиболее удобный и безопасный путь через Джугджур: «Население Нелькана состоит из 3–4 купеческих семей, священника, псаломщика, урядника, вахтера казенного ряда, нескольких тунгусских семей. Зимой, на Страстной неделе, здесь бывает ярмарка и тунгусское собрание, на которое съезжаются до 100 тунгусов». Жизнь села была, что называется, на пике. Ощущалась нехватка грамотных людей, и для этой цели в 1902 году здесь открыли церковноприходскую школу. Ее первым учителем стал священник нельканской Благовещенской церкви отец Василий Мальцев, вскоре прибыли другие преподаватели, и фактически с этого времени началось становление образования в Нелькане.

С приходом новой власти в селе началось самое неустойчивое время. С 1914 года Нелькан относился к Якутской области, Якутскому уезду, впоследствии и к Якутской АССР. В 1920 году его выделили из состава Алдано-Майского улуса, сделав самостоятельным улусом. В 1922 году образовалась Дальневосточная область. Якутская АССР в нее не вошла, но порт Аян отнесли к территории ДВО, и он стал частью Камчатской губернии. В те годы вопрос административно-территориального деления был настолько острым и запутанным в части межнациональных, экономических, политических проблем, что это вызвало возмущение местного населения. Около десяти лет местную власть представляли улусные революционные

комитеты. Первым председателем нельканского улускома стал Николай Васильевич Бушков, расстрелянный в 1922 году контрреволюционерами.

В силу географического положения Нелькан оказался в гуще событий. О таких, как поход Пепеляева, известно много. О других же – выступлениях Артемьева, Галибарова, Карамзина – слишком мало. Время было непростое, и разобраться, кто стоял за белых, кто за красных, невозможно. Председателя улусного ревкома П.С. Жерготова, который в январе 1926 года сообщил на собрании нельканцам об открытии школы, уже в декабре 1927 года расстреляли как врага народа.

Наконец, 10 декабря 1930 года был образован Аяно-Майский район в составе национального Охотского Эвенского округа Дальневосточного края. Нелькан вошел в состав национального округа в Аяно-Майский район, но как административно-территориальная единица до 1932 года относился к Якутской АССР. И территориальное, и географическое положение села должны были сыграть в пользу Нелькана как районного центра, однако решение принималось сугубо политическое, поэтому именно русский поселок Аян навсегда стал центром Аяно-Майского района. Хотя и по сей день, если кому-то надо добраться из Аяна в Джигду или Аим, Нелькана не миновать. Да и народнохозяйственные грузы в советские времена предпочитали завозить по Мае из Якутии через Аим в Нелькан и уже отсюда обеспечивать села продовольствием и товарами.

В советские годы Нелькан славился совхозом-миллионером «Нельканский», основная деятельность которого была связана с традиционными видами промысла коренных жителей. Охота на пушного зверя, оленеводство были главными отраслями села и района. Северных оленей насчитывалось около 16 тысяч голов. Якутия приобрела на племенное стадо оленей Тотты, Нялбанди, Маймакана. В 1992 году совхоз распался на 17 малых предприятий, но в итоге ни одно из них до сегодняшнего дня не сохранилось, а в частных оленеводческих хозяйствах осталось чуть более 400 оленей.

Богата майская земля золотом, платиной, серебром. Месторождение Кондер – уникальное и единственное по объемам платины в нашей стране. Именно в Нелькане базировалась Аяно-Майская геолого-разведочная экспедиция, давшая стране приросты драгметаллов на десятки лет. Но и ее не пощадило время новых перемен: в 1994 году экспедицию закрыли, а высококлассные специалисты пошли работать милиционерами, воспитателями, библиотекарями.

За многолетнюю историю Нелькана им руководили самые разные люди. В памяти и в сердцах нельканцев каждый глава села оставил особый след. Один из первых председателей сельсовета – Николай Семенович Тарабыкин. Человек сложной судьбы, он рано овдовел и сам поднимал малолетних детей, но в 1938 году по ложному доносу его выслали в Магаданскую область. Лишь спустя многие годы он реабилитирован посмертно. В трудное военное и послевоенное время во главе сельсовета стоял фронтовик Иван Анатольевич Соколовский. Григорий Алексеевич Аверин запомнился жителям села, да и всего района: он был здесь первым киномехаником, а

Гости и участники праздника «День села» в Нелькане. 2008

потому к нему относились почти как к волшебнику. Авторитет его среди нельканцев был непререкаем. Старожилы до сих пор помнят, как Аверин собирал сельчан на тушение пожара, когда на другом берегу Май горел лес: взобрался на колокольню и стал бить в набат. Вспоминают тепло и Серафиму Николаевну Смирнову, умевшую не только на улицах села, но и в домах, в семьях нельканцев приструнить, усюветить наиболее буйных. Как о хорошем хозяйственнике говорят о Степане Афанасьевиче Дубовом. Как о душе-человеке – о Геннадии Сергеевиче Кочкине. Все эти люди внесли свою лепту в становление Нелькана, и огромная им благодарность от потомков, сегодняшних нельканцев.

Сейчас в Нелькане зарегистрировано 478 дворов, где проживают 1 116 человек. Здесь дружно бок о бок живут эвенки и русские, украинцы и татары, якуты и нанайцы, много смешанных браков. Гости Нелькана отмечают необычную красоту этого уголка дальневосточной земли. Зимой в Нелькане искрящийся кипенно-белый снег и ярко-

синее, без облаков небо. Весной цветущие волны багульника и аромат черемухи. Лето богато лесными ягодами – маховкой, охтой, морошкой, княженикой, голубицей. Осенью здесь разноцветье лесных платьев осины, рябины, лиственницы и орешки кедрового стланика. Восхищает гостей и рыбалка на тайменя, хариуса, окуня. Кто хоть раз побывал в Нелькане, отмечает, что и люди здесь особенные. И действительно, нельканцев отличает открытость, легкость на подъем. Наверное, все это связано с тем, что Нелькан был и остается на перекрестке всех дорог района, в центре всех событий.

На День села, который традиционно отмечают 1 августа, сюда съезжаются со всего Аяно-Майского района. В программе праздника обязательно научно-практическая конференция «Встречь солнцу», концерт художественной самодеятельности артистов Айма, Аяна, Джигды и Нелькана и, конечно же, уха на берегу Май для всех желающих. Хочется верить, что лучшие годы селения Нелькан еще впереди.

Строители города Комсомольска-на-Амуре. 1933

В Городе юности

Воспоминания первостроителей Комсомольска-на-Амуре

Вера БЕЛОУСОВА

12 июня 2017 года исполняется 85 лет со дня основания Комсомольска-на-Амуре. Неудивительно, что усиливается интерес к прошлому города, его историческим истокам и первым жителям, многие из которых оставили для потомков свое документальное наследие. Внимание к мемуарным источникам в последние десятилетия особенно велико и связано с желанием познать события прошлого с позиции обычных людей, взглянуть на историю их глазами.

Шалаши первостроителей. 1932

В Комсомольском-на-Амуре городском архиве хранятся воспоминания первостроителей города. Большинство из них находятся в составе фондов личного происхождения. Это фонды кандидата исторических наук Ефима Васильевича Дороднова, почетного гражданина города, ответственного редактора газеты «Амурский ударник» Михаила Максимовича Скляренко, бывшего директора Экспериментально-механического завода, участника строительства БАМа Якова Григорьевича Бейслехема. Документы первостроителей города входят в состав некоторых фондов личного происхождения, являясь, по сути, результатом коллекционной деятельности их фондообразователей. В качестве примера можно привести фонд Соломона Израйлевича Файвишевского – инженера-авиастроителя, бывшего директора музея трудовой славы завода им. Ю.А. Гагарина. Он активно занимался собиранием литературного и исторического наследия, в том числе уникальных документов по истории строительства города и авиационного завода.

Отдельные воспоминания первостроителей собраны в архивной коллекции «История города в судьбах комсомольчан». Ранее эти документы хранились в музее строительного треста № 6, а после ликвидации треста разделены и переданы по частям в краеведческий музей и городской архив. Среди документов воспоминания Израйля Яковлевича Вилинова – секретаря партийного комитета авиационного завода, Константина Александровича Коршунова – начальника лесозаготовительного участка, Николая Дмитриевича Салова – главного механика судостроительного завода, Михаила Яковлевича Куренкова и Андрея Трофимовича Исупова – военных строителей, прибывших в город в составе Особого военно-строительного корпуса, Александра Ивановича Выскубенко – судосборщика. Хранятся здесь воспоминания Евдокии Петровны Селютиной о ее муже, первостроителе Иване Даниловиче Сидоренко, а также свидетельства многих других, работавших плотниками, землекопами, корчевщиками леса, слесарями.

Воспоминания рисуют картину начала строительства Комсомольска-на-Амуре и тех трудностей, с которыми пришлось столкнуться прибывшим на дальневосточную землю добровольцам. Не было нормального жилья, не хватало продуктов питания, медикаментов, инструментов для работы, особым испытанием стали суровый климат и неосвоенная территория. Первым строителям пришлось нелегко, прежде всего, в бытовом плане, а ситуация с жильем была поистине катастрофической. Вот как описывает подготовленные для них бараки Ефим Васильевич Дороднов, прибывший на стройку в 1934 году: «Они имели стены и крышу. Печки, оконные рамы отсутствовали. К нашему приезду не успели даже навесить дверей». Люди строили себе жилье из подручных материалов, копали землянки и сооружали шалаши. Историю появления поселка землянок рассказывает первостроитель Иван Иванович Игрецов: «Вырыли яму, бревнами стенки «облагородили», на крышу землю насыпали, вырубил окно. Так появилась первая землянка, позднее вырос поселок, получивший наименование «Копай-город». О проблеме нехватки жилья на месте будущего города упоминается во многих источниках, но именно благодаря вос-

511

Заполнить и выслать по адресу:
63 10118 г. Комсомольск-на-Амуре,
Пионерская, 18, пединститут, кабинет
№ 59 «Научный поиск»

АНКЕТА

первостроителя города Комсомольска-на-Амуре

1. Фамилия, имя, отчество Выскубенко Александр Иванович
2. Год и место рождения 1911 г. село Александровка Троицкого р-на Ворошиловградской области, УССР
3. Образование (какие и когда учебные заведения окончили) Незаконченное среднее
4. Национальность Украинец
5. Какой организацией направлен на Дальний Восток Мобелизован Московский (Донбасс) Райкомхоз Комсомола в 1932 г.
6. Когда и по какому призыву прибыл на строительство города: 1932, 1934 – ледовый переход, Удмуртские лыжники (неужелее запереться), Армия 10/1932
7. Где и кем работал до прибытия в Комсомольск-на-Амуре на стройке «Загресстрой» (Зубовский ГЭС, Донецкой обл.) плотник.
8. Когда и какой организацией принят в члены ВЛКСМ на «Загресстрое» в 1930 г.
9. Когда и какой организацией принят в члены КПСС Центральная Райкомхоз КПСС г. Комсомольска в 1947 г. В кандидаты в 1948 г. в.г.г.
10. Основные должности и организации, в которых работал в Комсомольске-на-Амуре Судосборщик на заводе Л.К. Мастер, Начальник ЭЖКО № 1 завода Лес. Комсомола а затем Местные Советы.
11. Какие, когда и за что имеете награды Медаль.
12. Когда, в какие и в качестве кого избирался или избран в руководящие партийные, комсомольские, советские, профсоюзные органы Избирался Депутатом городского Совета Депутатом трудящихся 4 раза
13. Какую работу с молодежью ведете сейчас Ветеранские периодические с учащ. школы № 1, Коллектив. техникума, Военной г.
14. Ваш адрес Перспект Мира 39 кв. 25
15. Адреса старых знакомых первостроителей Комсомольска-на-Амуре прилагается список
16. В каких книгах, журналах и газетах писали о Вас, укажите название и дату выхода периодического издания В газете В.К. Много раз, но в несовремен газ. 25 февраля 1974 г. (подпись)

Анкета первостроителя Александра Ивановича Выскубенко. 1974

поминаниям непосредственных участников событий эта проблема предстает перед нами более «человечной», с оттенком личных переживаний. Не стесняясь обнажить свою душу, Е.В. Дороднов, которому во время описываемых им событий было всего 19 лет, вспоминает об одном важном для любого человека моменте своей жизни: «Весной 1935 года мы с Тасей (жена Е.В. Дороднова. – Примеч. автора) знали, что скоро будем отцом и матерью. Родовались и, скажем правду, побаивались. В нашем возрасте, без родителей и родных, в крайне тяжелых жилищных условиях появление ребенка не могло нас не тревожить».

Город строился и рос, появлялись первые комфортные по тем временам дома. Знаковым событием в сфере жилищного строительства стала постройка дома № 22 по улице Калинина, в котором разместились уже успевшие создать свои семьи первостроители, в том числе и семья Е.В. Дороднова. Строительство его началось в декабре 1934 года, а уже в апреле 1935-го дом заселили. Правда, в квартирах не имелось кухонь и водоснабжения, аварийные поломки были частым явлением. Ефим Васильевич вспоминает, как зимой вдруг отказало паровое отопление, и они с женой «таскали в чугунках и тазах горящие угли из кубовой и ими обогревали комнату. От угара болела голова, спать обоим одновременно было нельзя, и все-таки не помню, чтобы кто-нибудь унывал». Люди радовались даже таким скромным условиям проживания, ведь это был их первый настоящий дом после шалашей, землянок и барачков.

Вид строительной площадки города с самолета. 1934

Шалаши первостроителей. 1932

Первый утепленный барак. 1933–1934

Другой серьезной проблемой стало ослабление иммунитета комсомольчан и цинга. Отсутствие свежих овощей и фруктов, употребление в пищу продуктов в сухом виде, изнурительный труд в неблагоприятных погодных условиях – все это привело к массовому заболеванию и гибели людей в 1932–1933 годах. Первостроитель Яков Григорьевич Бейслехем пишет: «Начали выявляться огрехи летнего завоза, не хватало теплой одежды,

инструментов, медикаментов, а запасы муки не обеспечивали выдачу даже голодной нормы. Отсутствие овощей. Однообразная пища выводила ребят из строя, начались заболевания цингой». Судя по свидетельствам современников, ситуация сложилась более чем серьезная. «Каждый день от болезни умирало 10–15 человек. Сначала делали гробы, а потом не стали делать. Стали хоронить как в братских могилах – по несколько человек», – пишет в своих воспоминаниях Израиль Яковлевич Вилинов. Но даже эти трудности не сломили строителей города, которые продолжали работать, проявляя удивительный героизм и стойкость. Рабочий лесозавода Никита Прокопьевич Яровой: «Я заболел в декабре, сводило ноги, опухли колени, на работу я ходил на костылях».

Нехватка необходимого оборудования и инструментов усугубляла тяжелое положение на стройке. «Транспорта никакого не было, да и инструмента с техникой не хватало. Пила поперечная выдавалась на 4 человека, топор – на 4 человека», – пишет Соломон Израильевич Файвишевский. При этом тяжелые работы приходилось проводить в неблагоприятных климатических условиях. Вот что вспоминает боец Особого военно-строительного корпуса, участник ледового перехода Хабаровск – Комсомольск Андрей Трофимович Исупов о строительстве временной электростанции на берегу Амура: «Конец декабря и начало января. Морозы крепчали, доходили до 35–40 градусов. Земля... промерзала до трех метров. Приходилось копать мерзлый грунт вручную, инструментом служили лом, кирка, клин, кувалда...»

И все же люди трудились не щадя себя, проявляя трудовой героизм и самоотдачу, которые сегодняшнему поколению, наверное, трудно понять. Неимоверных усилий стоила жителям строящегося города прорубка ледового канала по реке Амур в 1934 году, который использовался для сплава леса. Поражает то, что рубить ледовый канал люди шли после тяжелого трудового дня. Об этой героической странице прошлого Комсомольска-на-Амуре подробно рассказывает в своих воспоминаниях Я.Г. Бейслехем, вплетая в канву давних событий что-то свое, личное, пережитое им на собственном опыте. Простым, понятным языком он рассказывает случай из своей жизни, когда, находясь в составе отряда, занятом на рубке ледового канала, он попал со своими товарищами в непогоду и заблудился: «Сбились с пути, увязли в глубоком снегу, пошли вниз по Амуру. Вдруг услышали манящий голос гудка. Гудок, да гудок, гудок единственной «кукушки» – паровозика, поступившего на стройку перед закрытием навигации. На зов непрерывно гудящего гудка идут со всех сторон комсомольцы в кепках, платках, замерзшие, усталые. Так доставляли лес. Строили первые бараки. Строили город». Как просто и обыденно говорит человек о трудовых свершениях, которые в то время были нормой жизни. Характерно, что многие объекты городского пространства всегда возводились первостроителями после основной работы: строительство первых шалашей и землянок, первого в городе пионерского лагеря, благоустройство улиц. Все эти работы, как правило, велись силами добровольцев в будни по вечерам и в воскресенья.

О том, как рождалась первая газета нового города, рассказывает в своих воспоминаниях ее редактор Ми-

хаил Максимович Складенко. Она стала выходить уже через несколько дней после того, как приехали первые строители. Отсутствие приспособленного под типографию помещения, квалифицированных кадров, механизмов и материалов – тяжелые условия для журналистского творчества. Редакция и типография газеты располагались в двух маленьких ветхих крестьянских избах на берегу Амура. «В зимнее время никакие печи не спасали нас от морозов. Особенно доставалось ногам. Они буквально замерзали», – вспоминает Михаил Максимович. Из-за нехватки журналистских кадров редактору приходилось работать по 16–18 часов в сутки. Эта и другие проблемы решались по-особому, исходя из местных условий и возможностей. Для сбора свежего материала для очередного номера газеты приспособили лошадь, так как обходить пешком растущую с каждым днем стройку становилось все тяжелее. Первыми корреспондентами были рядовые рабочие.

Страницы воспоминаний сохранили не только моменты героического труда и самоотверженности. Не утаивая правды, рассказывают строители о тех, кто, не выдержав трудностей, покидал стройку тайком, не говоря ни слова: «Не проходило и двух часов, как появлялся один, за ним другой паренек, перекидывали рюкзак или мешок через плечо и уходили. Первые дни мы не догадывались, что это были беглецы, дезертиры со стройки». И даже здесь неприглядные страницы прошлого города тесно переплетаются с судьбами людей. Воспоминания Ефима Васильевича Дороднова повествуют о том, как, поехав провожать свою беременную жену на родину, один комсомолец воспользовался отлучкой со стройки и сбежал. Этот побег стал личной драмой для брошенной в пути женщины.

Многое в то непростое время держалось на искреннем желании людей сделать лучше и прекрасней ставший уже родным город. Нехватка материалов и оборудования с лихвой компенсировалась энтузиазмом, творческим подходом и находчивостью первых его жителей. Это подтверждают воспоминания первостроителя Анастасии Даниловны Урядниковой-Бондаревой, приехавшей на строительство в 1934 году. Ее и еще несколько девушек направили на благоустройство первого детского сада и дальнейшую работу там. Проявляя смекалку и изобретательность, они мастерили из самых простых подручных материалов игрушки и наглядные пособия, создавали уют. В ход шли пустые катушки из-под ниток, спичечные коробки, глина, бумага, обрезки цветных тканей, картон. «Насушили лесных цветов, листья папоротника и разных деревьев, наклеили на белое полотно, получились шторы на окна. Покрасили в разные цвета акварельной краской пшено, набили бутылочного цветного стекла и даже засушили кетовую икру – всем этим посыпали картон, смазанный столярным клеем, и получились рамки на картинки и портреты. Зимой во дворе делали из снега горки, двор и веранду украшали гирляндами из цветного льда, замороженного в консервных банках».

Первые строители Комсомольска-на-Амуре не просто рабочие, ежедневно выполнявшие производственные операции. Они были обычными людьми со своими надеждами, радостями, горестями, с собственным взглядом

на жизнь. Они приехали в суровый край молодыми и энергичными, и любое дело было им по плечу – копали землю, заготавливали лес, корчевали пни, рубили просеки, строили, пилили, штукатурили... Первостроители любили свой труд, гордились своим делом и, конечно же, мечтали. О своем будущем и будущем нового города, который они строили, о достижениях, которые им еще предстоит сделать, о новой прекрасной жизни, которая, как им казалось, начнется уже совсем скоро. «Вспоминаю, как поздними вечерами, после работы <...> в ожидании катеров, чтобы вернуться в поселок, мы сживали у костров на берегу Амура и вслух мечтали, какой будет жизнь в нашем городе через 10–15 лет», – пишет Израиль Яковлевич Вилинов.

Возведение Комсомольска-на-Амуре не просто выполнение государственного задания, имевшего стратегическое значение для страны. Для большинства приехавших это прожитая молодость, тот период в жизни, который каждый человек вспоминает с ностальгией, улыбкой и легкой грустью. Трогательно и лирично звучат строчки из письма П.В. Христиановского и Н. Новикова, написанного в 1982 году из Таганрога давнему знакомому – комсомольчанину Ивану Митрофановичу Лапченко. В этом письме воспоминания о людях, с которыми они приехали строить город, и гордость за свой вклад в общее дело, и ностальгия о прошедшей молодости. Написать письмо их вдохновил снимок первостроителей Комсомольска-на-Амуре, который они увидели в газете «Известия». Вот несколько строк: «Вспоминали, радовались и одновременно грустили, рассматривая фотоснимок. Там сзади монумент с надписью о том, что в мае 1932 года высадились первые строители комсомольцы-добровольцы города. Наверное, это место, где закладывался камень будущего, а теперь уже построенного города».

К сожалению, рамки журнальной статьи не позволяют охватить воспоминания первостроителей в полном объеме. Но эти документы находятся в открытом доступе и ждут своих исследователей. В отличие от официальных источников воспоминания наполнены личными переживаниями и все без исключения несут в себе частичку души человека и любопытные детали для исторической реконструкции прошлого. Но в то же время они являются документами личными, а потому испытывают влияние субъективного фактора – мировоззрения и мироощущения автора, его жизненного опыта, уровня образованности, системы идеологических установок, которых он придерживается. Тем не менее это не умаляет их ценности как исторического источника. Повествование о прошлом Города юности переплетается с интересными моментами личной жизни, помогая почувствовать дух времени, по-иному взглянуть на сухие исторические факты и статистику официальных документов. Обращение к воспоминаниям первостроителей позволяет оживить исследование, внести в него элемент человечности, личных переживаний, раскрыть историю Комсомольска-на-Амуре не просто как точки на карте большой страны, форпоста промышленной индустрии Дальнего Востока, но и как города, в который вложило частичку своей души большое число людей. Теперь они тоже часть его истории.

АКУЛОВА-КОНЕЦКАЯ
Татьяна Валентиновна – генеральный директор Морского литературно-художественного фонда имени Виктора Конецкого (Санкт-Петербург)

КИЛЕ
Елена Александровна – член СХ России и Международной ассоциации изобразительных искусств АИАП ЮНЕСКО

РОДИНА
Наталия Васильевна – филолог, выпускающий редактор журнала «Словесница Искусств»

БЕЛОУСОВА
Вера Сергеевна – ведущий архивист Комсомольского-на-Амуре городского архива (МАУ КНАГА)

КИРПИЧЕНКО
Татьяна Васильевна – старший научный сотрудник отдела краеведческой литературы ДВГНБ, председатель клуба «Краевед»

МОНАХОВА
Елена Николаевна – искусствовед, автор более 80 публикаций и книг, в числе которых (в соавторстве с Л.Г. Агамалян) «Портретная миниатюра в России XVIII – начала XX века из собрания Литературного музея Пушкинского Дома». Создатель и соавтор выставок «Мир Пушкина», «Афон и русская культура», «Романтический Мастер» (о М.А. Булгакове), «А.С. Пушкин и Православная Россия», «Мир Лермонтова» и др. Хранитель фонда оригинальной графики и документа в Литературном музее ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург)

ВОЛОКИТИНА
Няженика (Нина Раскина) – глава регионального отделения Международного Союза Поэтов, писательница, автор шести книг, основательница первой в Хабаровске школы писателей V-Lines

КЛИПЕЛЬ
Людмила Владимировна – публицист, журналист

ЦВЕТНИКОВА
Марина Яковлевна – композитор, пианистка, художественный руководитель музыкального центра «Стретта»

ГЛАДКИХ
Татьяна Иннокентьевна – журналист, писатель, член Союза писателей России

ЛАВРОВА
Татьяна Владимировна – заведующая библиотекой Дальневосточного художественного музея

ЧЕРКЕСОВ
Валерий Николаевич – член Союза писателей России, автор 23 книг поэзии, прозы, публицистики, произведений для детей, изданных в Москве, Белгороде, Благовещенске, Воронеже, Хабаровске. Лауреат Всероссийской литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова» (2008) и Международной литературной премии «Прохоровское поле» (2013), дипломант IV Международного литературного форума «Золотой витязь» (2013) (Белгород)

ДУБИНИНА
Марина Ильинична – преподаватель Хабаровского колледжа искусств

МАЛАКШАНОВА
Виктория Баторовна – научный сотрудник научно-исследовательского сектора этнографии Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова

ИЗМАЙЛОВА
Марина Владимировна – заведующая экспозиционно-выставочным отделом музея им. Н.И. Гродекова

ПРИВАЛОВА
Ольга Юрьевна – искусствовед, член Союза художников России, директор галереи современного искусства «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре)

КАТЕРИНИЧ
Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, преподаватель латинского языка, литературный краевед

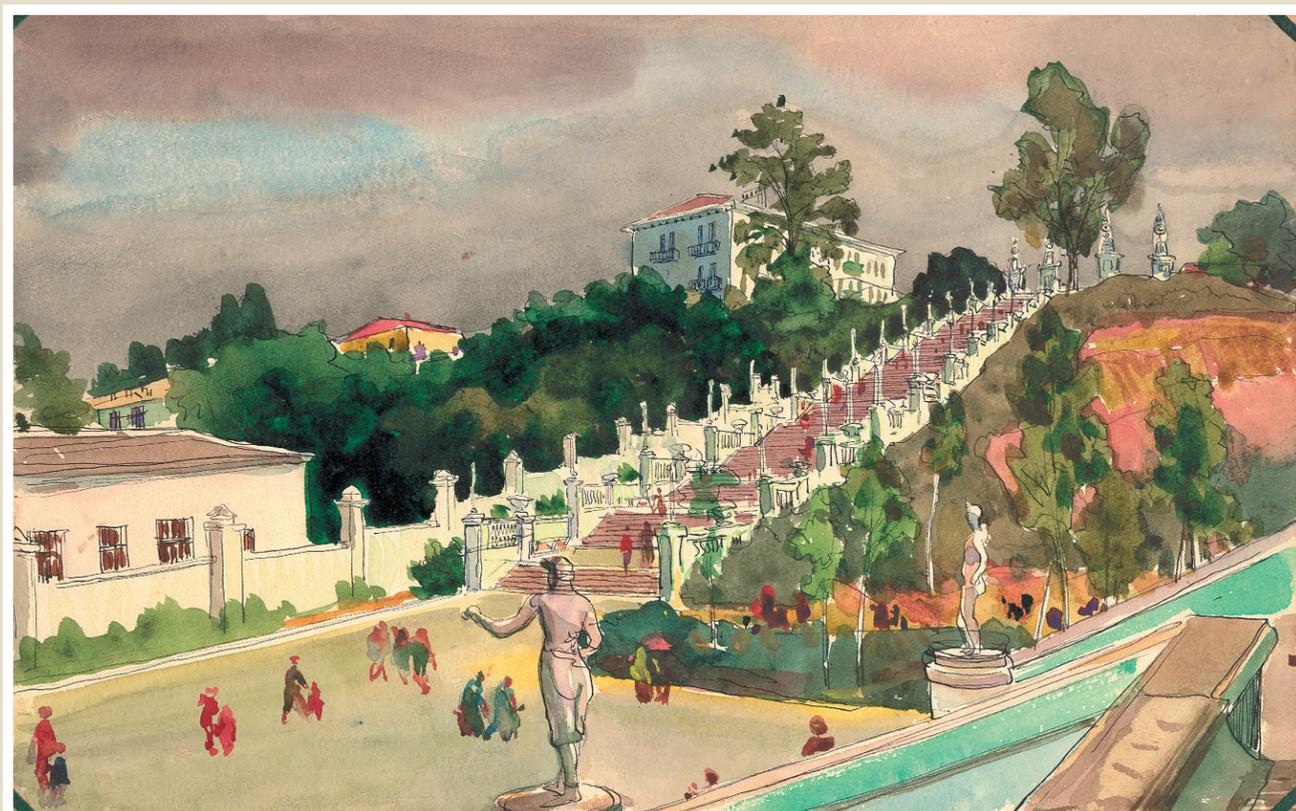
РАДИШАУСКАЙТЕ
Наталья Витаутовна – главный библиотекарь Центра консервации документов и изучения книжных памятников Хабаровского края ДВГНБ

ШИШКИНА
Виктория Авенировна – доктор педагогических наук, профессор кафедры изобразительного искусства ТОГУ, член Союза художников России, искусствовед

Алексей Шишкин. Осень в парке. Бумага, акварель

Алексей Шишкин. Лестница стадиона. Бумага, акварель

Тема следующего номера –
«Над Амуром белым парусом»
К 160-летию основания Хабаровска и к юбилею края

ГРАБОВСКИЙ

Игорь Геннадьевич –

член Союза художников России. Член Международной ассоциации изобразительных искусств при ЮНЕСКО (АИАП ЮНЕСКО).

Родился в октябре 1958 г. в Хабаровске. В 1983 г. окончил художественно-графический факультет Хабаровского педагогического института.

Основные виды художественной деятельности: живопись, акварель, рисунок (перо, тушь).

2001 г. – организатор галереи современного искусства «Метаморфоза» в г. Комсомольске-на-Амуре.

2013, 2015, 2016 гг. – организатор городского детского праздника «Конкурс рисунка на асфальте» совместно с городской думой, отделом народного образования при администрации города Комсомольска-на-Амуре.

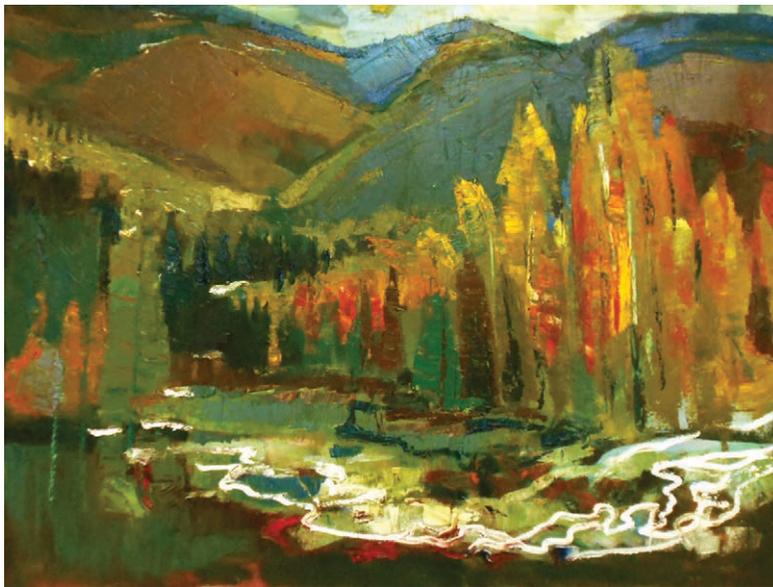
2007 г. – выставка-конкурс, посвященная 75-летию города Комсомольска-на-Амуре. Диплом за 2-е место в конкурсе художественных произведений в номинации «Живопись».

2012 г. – выставка-конкурс, посвященная 80-летию со дня образования города Комсомольска-на-Амуре. Диплом за 1-е место в конкурсе на лучшее произведение изобразительного искусства, в номинации «Живопись» (триптих).

2017 г. – выставка-конкурс, посвященная 85-летию города Комсомольска-на-Амуре. Диплом за 1-е место в конкурсе на лучшее произведение изобразительного искусства в номинации «Живопись» (полиптих).

Участник краевых, региональных, российских выставок (Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск, Находка, Владивосток, Москва), а также выставок за рубежом: Япония (Иокогама), Швейцария (Базель), Южная Корея (Сеул), Германия (Дахау).

Работы находятся в фондах музеев Дальнего Востока: Дальневосточный художественный музей (Хабаровск), Приморская картинная галерея, Музейно-выставочный центр (Находка), Музей изобразительных искусств (Комсомольск-на-Амуре), а также за рубежом: Базельская академия музыки (Швейцария), музеи, художественные центры Китая (Цзямусы, Харбин, Далянь, Хэйхэ).

Горная речка. Холст, масло. 60 x 80

Последний снег в горах. Холст, масло. 75 x 90

Озеро Амур. Холст, масло. 80 x 100